

ГЕОРГИЙ ЗУЕВ

Шеет река

МОЙКА

продолжение путешествия...

ОТ НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА
ДО КАЛИНКИНА
МОСТА

Георгий Иванович Зуев
Течет река Мойка. Продолжение
путешествия... От Невского
проспекта до Калинкина моста
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6279252

Течет река Мойка. Продолжение путешествия... От Невского проспекта до Калинкина моста:
ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04586-7

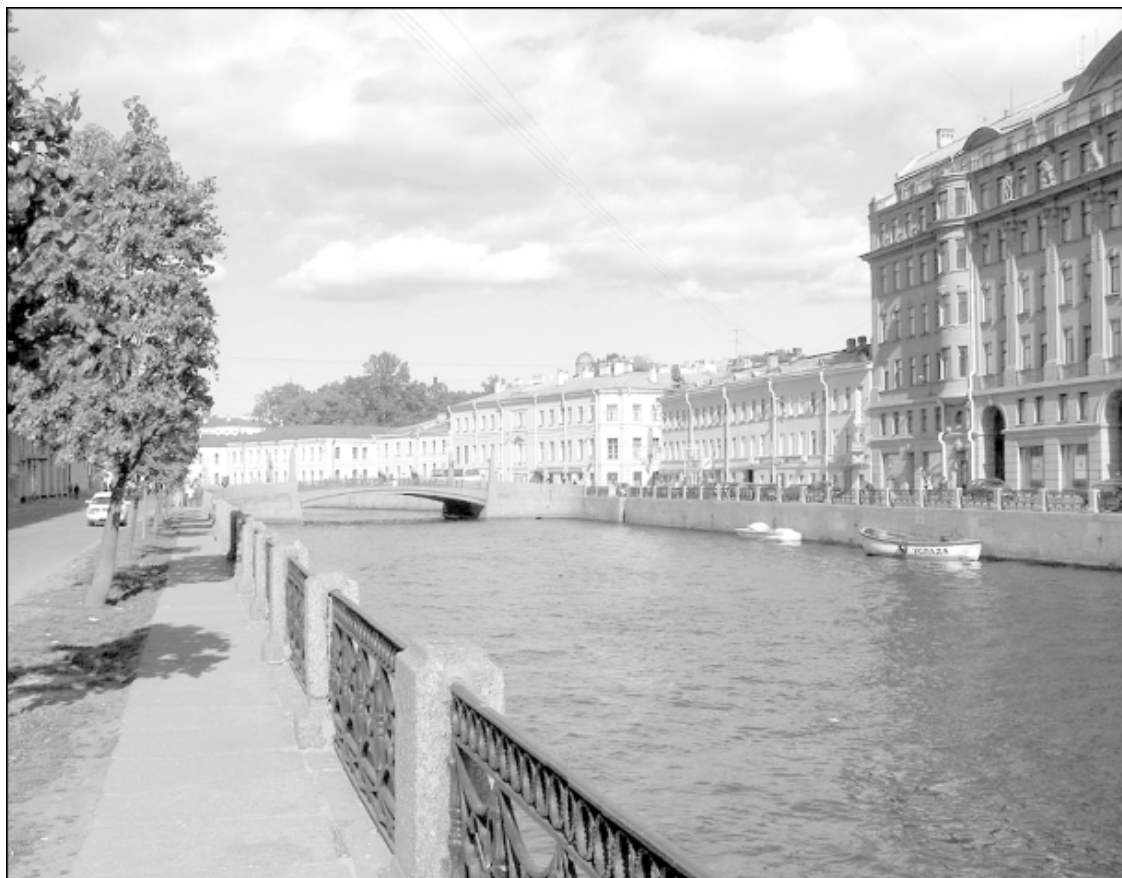
Аннотация

Книга – продолжение истории застройки берегов Мойки. Материалы первого исследования, опубликованные ранее, включали территорию реки от места ее истока до Зеленого моста. Сегодня речь пойдет о застройке левого берега водоема с момента основания Петербурга. Дома, расположенные вниз по течению вдоль левого берега бывшей реки Мойки, возведенные замечательными зодчими России, на отрезке от Зеленого моста до устья старейшего водоема Санкт-Петербурга, помогут напомнить малоизвестные сведения из необычных биографий их владельцев и строителей, неожиданные «ракурсы» их жизни на Мойке, а иногда и далеко от нее, об имевших место былых драмах и трагедиях... Автор надеется, что знакомство с его новой книгой о Мойке позволит читателям зримо увидеть, как заселялись ее набережные, познакомиться с именами самых разных людей, бывших здесь домовладельцами. Вы узнаете имена известных или полузабытых зодчих Петербурга, проектировавших здесь дворцы и дома. В тексте многоликий образ набережных реки Мойки, ее зданий, мостов и прилегающих к ней магистралей дополнен редкими историческими иллюстрациями XVIII–XX столетий и фотоматериалами сегодняшних дней.

Содержание

От автора	6
Строгановский дворец	8
От дворца гетмана Украины до Педагогического университета	29
Судьба участка откупщика Кусовникова	53
Ресторан «Контан» под крышей гостиницы «Россия»	66
Квартал заводчиков Демидовых	73
Здесь жил первый посланник Североамериканских штатов – шестой президент США	86
Свадебный подарок великой княжне Марии Николаевне	92
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Георгий Зуев
Течет река Мойка
Продолжение путешествия... От
Невского проспекта до Калинкина моста

От автора

Книга является тематическим продолжением истории застройки берегов Мойки. Материалы первого исследования, опубликованные в начале 2012 г. издательством «Центрполиграф», включали территорию реки от места ее истока до Зеленого моста на «Большой перспективной дороге» (будущий Невский проспект).

Со времени основания Северной столицы река Мья, некогда вытекавшая из болота на месте нынешнего Марсова поля, расчищенная и облагороженная по указу Петра I, становится одним из первых городских пограничных водоемов. В годы царствования императора Петра Великого правый берег Мойки считался городской территорией, а левый – его окраиной.

В начале XVIII столетия в месте пересечения Невской перспективы с Мойкой построили первый приграничный деревянный мост, окрашенный в яркий зеленый цвет, впоследствии послуживший поводом к его официальному наименованию.

По указу царя на приграничном правом берегу речки Мьи, неподалеку от въезда на Зеленый мост, соорудили полосатый шлагбаум для задержки проезжающих во время их официального опроса, осмотра багажа, проверки документов, взыскания надлежащих пошлин и проездных податей. Для осуществления всех пограничных формальностей в те годы, в непосредственной близости от Зеленого моста, на правом берегу реки специально построили Мытный двор (слово «мыт» означало пошлину за право проезда и провоза товаров через городскую заставу).

Шлагбаум на Зеленом мосту обслуживали солдаты, проезд через мост прекращался в одиннадцатом часу вечера. Шлагбаум обычно поднимали рано утром «после пробития утренней зори». Военские команды, несшие здесь караульную службу, имели строгий циркуляр. Утвержденный Петром I документ требовал: «Когда шлагбаум ночью опустят, в такие часы знатных персон и при них служителей пропускать с фонарями без задержания, а без фонарей не пропускать. А из подлых в такие неуказанные часы, разве кто за крайнюю нуждою пойдет один с фонарем, спрося у него, по указу пропускать же, а ежели два или три человека и более из подлых, хотя и с фонарем пойдут, тех брать под караул».

Лучшие земли вдоль левого берега тогдашней Мьи император раздавал своим именитым соратникам: сановникам, боевым военачальникам, заслуженным предпринимателям и именитому купечеству – с обязательным условием: застраивать подаренные участки земли домами дворцового типа и роскошными усадьбами. Поэтому застройка левого берега водоема с момента основания Петербурга от Зеленого моста до устья Мойки в районе ее впадения в Неву была более пышной, чем строения правого берега Мьи.

Правобережье Мойки в те годы застраивалось в строгом соответствии с требованиями Петра I и проектами постройки зданий зодчего Д. Трезини, а несколько позже, архитектора М.Г. Земцова, – в «красную линию», с плотно примыкавшими друг к другу фасадами домов.

Застройка же левого берега Мьи велась весьма произвольно и более свободно. Усадебные строения и дома дворцового типа отодвигались от берега водоема в глубину роскошных парадных дворов, укрывались замечательными садами и регулярными парками, замыкающими границы земельных участков.

К счастью, некоторые образцы усадебной застройки на левом берегу реки Мойки сохранились для нас по сию пору. Правда, многие из них периодически меняли своих владельцев, перестраивались, превращались из особняка или дворцовой исторической резиденции для семейства великого князя, великой княгини или иного представителя высшей столичной аристократии в государственное или учебное учреждение.

Вниз по Мойке от Зеленого моста

Неширокая спокойная Мойка, протекающая через центральную часть города, до сих пор является единственным петербургским водоемом с переброшенными через него тремя «цветными» мостами: Зеленым – у Невского проспекта, Красным – у Гороховой улицы, и наконец, Синим – у Исаакиевской площади.

Дома, расположенные вниз по течению вдоль левого берега бывшей реки Мьи, возведенные замечательными зодчими России, на отрезке от Зеленого моста до устья старейшего водоема Санкт-Петербурга, помогут напомнить малоизвестные сведения из необычных биографий их владельцев и строителей, неожиданные «ракурсы» их жизни на Мойке, а иногда и далеко от нее, об имевших место былых драмах и трагедиях.

Автор надеется, что знакомство с его новой книгой о Мойке позволит читателю (особенно – подрастающему поколению), зримо увидеть, как заселялись ее набережные, познакомиться с именами самых разных людей, бывших здесь домовладельцами. Вы узнаете имена известных или полузабытых зодчих Петербурга, проектировавших здесь дворцы и дома.

В тексте многоликий образ набережных реки Мойки, ее зданий, мостов и прилегающих к ней магистралей дополнен редкими историческими иллюстрациями XVIII–XX столетия и фотоматериалами сегодняшних дней.

Автор книги весьма признателен целому ряду петербуржцев, сохранивших в своих домашних архивах дневниковые воспоминания, отдельные письма и документы своих прадедов. Это позволило «из первых рук» получить мнение старожилов набережных реки Мойки о минувших событиях, ставших историей. Использованная историческая литература, газетная и журнальная информация об отдельных событиях в жизни Санкт-Петербурга, надеюсь, во многом оживят ушедшие в Лету реальные события городской жизни.

Появлению второй книги о набережной реки Мойки бескорыстно содействовали отдельные краеведы нашего города, в числе которых с особой признательностью отмечу историка и доктора физико-математических наук Е.Л. Александрову.

Активно помогал в подборе иллюстративного материала к книге добрый технический помощник автора Д.С. Цветнов.

Строгановский дворец

В промежутке от Зеленого моста до устья реки Мойки, ее левобережье открывается величественным зданием Строгановского дворца, возведенного придворным архитектором Франческо Бартоломео Растрелли на пересечении Невской перспективы с рекой Мьей в 1753–1754 гг. В отличие от иных усадебных строений этого участка левого берега водоема дворец своими фасадами расположился по красным линиям проспекта и набережной реки и был тогда включен в рядовую застройку квартала.

Земельный участок в форме неправильного четырехугольника застроен по периметру. В первом этаже располагались вестибюль парадной лестницы и служебные помещения, во втором находились художественно оформленные парадные залы. В общем внешнем облике дворцового здания и его планировке преобладают композиционные принципы архитектуры русского барокко.

Фасады Строгановского дворца ориентировались на Невский проспект, набережную Мойки и композиционно различаются друг от друга. Более эффектен фасад здания по Невскому проспекту, особенно его центральный ризалит. Центр же фасада, обращенного к реке, оформлен хотя и сдержанно, но не менее величественно. На фронтонах с обеих сторон дворца установлены фамильные гербы графов Строгановых – изображение двух соболей на задних лапах, держащих разделенный на две половины щит с тремя остриями копий.

Первоначально входы в здание находились со двора. По единодушному мнению знатоков петербургской истории и градостроительства, придворному архитектору Ф.Б. Растрелли в начале пятидесятих годов XVIII столетия удалось создать на месте пересечения Невской перспективы с рекой Мьей подлинный столичный шедевр. По высказыванию историка архитектуры и градостроительства М.Н. Микишатыева: «Самой главной особенностью архитектуры Строгановского дома было то, что это был первый в полном смысле этого слова городской особняк, выстроенный единым блоком, имевший два равноценных фасада со стороны сухопутной и водной магистрали. По новому решалась здесь проблема разграничения парадного и служебного (хозяйственного) дворов. На территории участка, укрытой от проспекта и набережной лицевыми корпусами, зодчий выстроил полукруглую декоративную стенку („циркули-ференцию“), очертившую пространство парадного двора, куда въезжали через подворотню».

Строгановский дворец со стороны Зеленого моста. Художники Ж. Жакотте и Г.Л. Регаме. Начало XIX в.

Возведенное в три высоких этажа дворцовое здание выгодно выделялось среди низких построек столичных обывателей не только своими необычными размерами, но и богатством декоративного убранства фасадов и внутренних интерьеров.

Семь поколений баронов и графов Строгановых сменилось во дворце с середины XVIII в. по 1918 г., при этом каждая очередная ветвь рода оставила в истории России особую память.

Строгановский дворец. Фасады со стороны Невского проспекта и реки Мойки. Современное фото

Основателем знаменитой династии считается зажиточный гражданин Великого Новгорода Спиридон Строганов. Выходец из новгородских крестьян, он разбогател доходами от своих уральских солеварен, железоделательных и медеплавильных заводов в совокупности с весьма прибыльным пушным промыслом.

Его средства позволили в 1581 г. снарядить военный поход легендарного атамана казацких войск Ермака Тимофеевича, приступившего по велению царя Ивана Грозного к активному освоению земель Урала и Сибири.

В начале XVII столетия, в Смутное время, Строгановы оказали русскому государству помощь деньгами и ратными людьми. Царствовавший короткий период русский царь Василий Шуйский персонально для Строгановых учредил официальный почетный титул «именитых людей», что позволяло им тогда иметь в течение 100 лет огромные привилегии и почет. Последним именитым человеком из этого рода являлся Григорий Дмитриевич Строганов, щедро помогавший молодому Петру I деньгами. На свои средства именитый купец Г.Д. Строганов построил для царя Петра на Воронежских и Архангельских верфях два больших военных корабля. В благодарность за это император пожаловал сыновей Г.Д. Строганова – Александра,

Николая и Сергея – дворянским баронским титулом.

В середине XVIII столетия известные заводчики Урала и Сибири, владеющие тысячами крепостных на своих уральских заводах, считаются в столице одними из самых состоятельных и влиятельных людей Российской империи.

Первым владельцем фамильного участка на углу Невской перспективы, в месте ее пересечения с тогдашней городской речкой Мьей, стал барон и камергер Сергей Григорьевич Строганов. Он владел одним из двух крыльев большого деревянного одноэтажного особняка. Второе крыло здания тогда занимал царский повар Шестаков со своим многочисленным семейством. Оба крыла деревянного строения соединялись в те годы массивным арочным перекрытием. Мечтой богача Строганова было заполучить весь участок, снести деревянное здание и на его месте построить каменный дворец.

Сергей Григорьевич, озабоченный своим замыслом, несколько лет подряд убеждал своего соседа продать принадлежавшую тому часть дома, предлагая царскому повару довольно крупную сумму денег. Однако Шестакову не хотелось покидать обжитой дом и налаженное годами хозяйство. Он каждый раз решительно отказывался от заманчивых предложений барона, несмотря на то что С.Г. Строганов всякий раз существенно увеличивал предлагаемую за выкуп части деревянного дома щедрую сумму полновластных царских золотых червонцев. И все же камергер реализовал свой замысел и построил в столице дворец, ставший родовым гнездом Строгановых.

В данном случае Сергею Григорьевичу «помогло» то ли providение, то ли очередной губительный пожар в Северной столице.

Григорий Дмитриевич Строганов

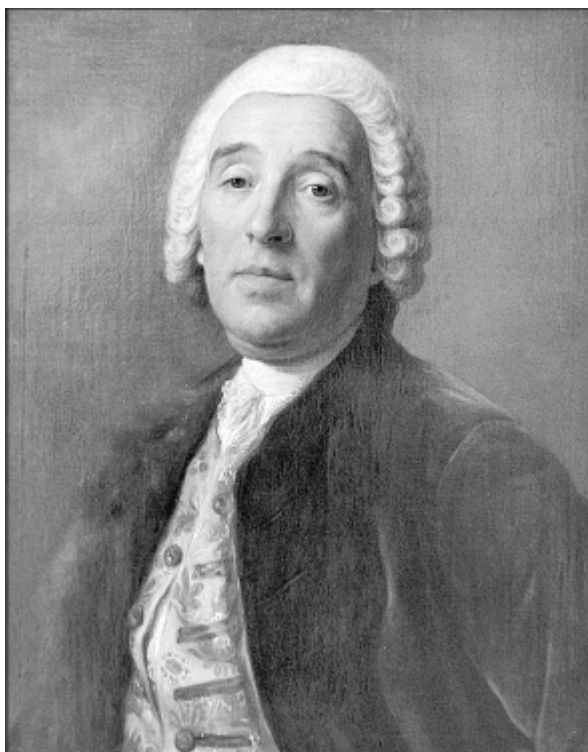

Сергей Григорьевич Строганов

Обоюдное домовое владение неожиданно выгорело во время пожара на Невской перспективе. Современники с удивлением отмечали, что приехавший на пожар барон Строганов, глядя, как пламя пожирает деревянное строение, вдруг громко рассмеялся и с удовлетворением воскликнул: «Ну, наконец-то!» Повар Шестаков переехал с пожарища на новую квартиру, а Строганову досталось огромное пепелище – расчищенная огнем возделенная строительная площадка, пригодная для возведения престижного дворцового особняка. Сразу же после пожара, в марте 1753 г., Сергей Григорьевич договорился с архитектором Ф.Б. Растрелли о проектировании и возведении здесь особняка дворцового типа и осуществлении регулярного наблюдения за ходом строительных работ.

О происшедших событиях в столице в марте 1753 г. Сергей Григорьевич писал на Урал своему сыну Александру: «Наш деревянный петербургский дом сгорел до основания, и на том месте я уже начал строить новый, и такой огромный, и с такими украшениями, что удивления достойно...» Одним из богатейших российских предпринимателей того времени мог устроить в Северной столице только роскошный особняк дворцового типа.

Проект собственного дворца барон С.Г. Строганов неслучайно заказал именно придворному зодчему Ф.Б. Растрелли. Участие в строительстве частного здания этого знаменитого мастера, находящегося в зените своей славы, отнесли в Петербурге к особым и довольно редким случаям. Работа на частного заказчика императорского архитектора в те годы практически исключалась. Императрица Елизавета Петровна, несмотря на чрезвычайную загруженность своего придворного архитектора, памятуя о заслугах перед престолом династии Строгановых, тогда лично милостиво дозволила участие Ф.Б. Растрелли в работе по проектированию и наблюдению за строительством дворца камергера С.Г. Строганова на Невском проспекте.

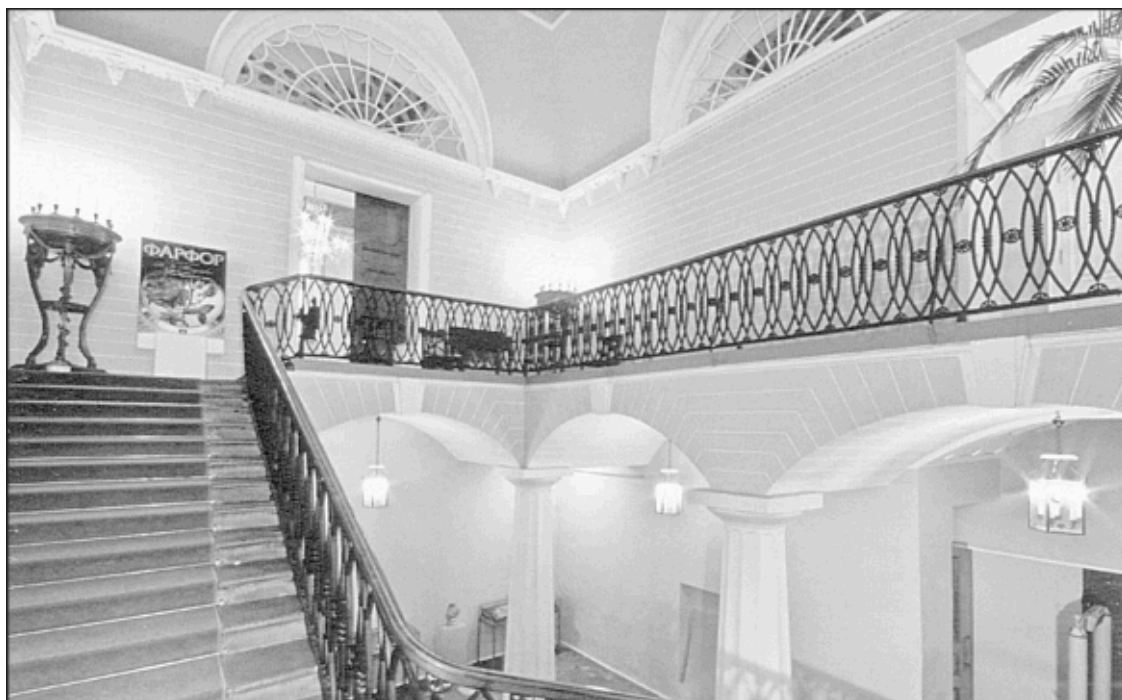

Бартоломео Растрелли

Подобное тогда могли себе позволить только Строгановы. Растрелли действительно был чрезвычайно загружен императорскими заказами и почти никогда не строил дома для частных лиц, но тот факт, что зодчий не только сам спроектировал дом Строгановых, но и изыскал возможность вплотную заниматься этим строительным объектом, говорит о значительной влиятельности рода дворян Строгановых. Вероятно, именно этим многие объясняли тогда, что дворец на Невском проспекте, в месте его пересечения с Мойкой, занял достойное место в иерархическом перечне дворцового зодчества столицы сразу после императорского Зимнего и канцлерского Воронцовского дворцов.

Инициатор постройки дворца и его будущий владелец, барон С.Г. Строганов предоставил придворному зодчему полную свободу действий, и тот в течение двух лет построил на месте сгоревших домов абсолютно новое здание – шедевр русского барокко.

Строгановский дворец считается единственным городским памятником архитектуры середины XVIII столетия, расположенным на главной магистрали столицы. Возведенный в три высоких этажа на углу Невского проспекта и набережной Мойки, он выделялся среди обывательских строений не только своими необычными размерами, но и богатой пышностью декоративного убранства обоих фасадов. Да и в наши дни, несмотря на то что Строгановский дворец теперь окружен высокими и разнообразными по своей архитектуре городскими зданиями, старинный особняк не растворился в их гуще и прекрасно просматривается не только в перспективе современного Невского проспекта, но и с дальних точек излучины реки Мойки.

Парадная лестница

Проектом Растрелли во дворце предусматривались 50 комнат, большой танцевальный зал и прекрасная галерея с огромными зеркалами и мраморными скульптурами. Все простенки между окнами дворца С.Г. Строганова зодчий украсил медальонами с мужским профилем. До сих пор мнения историков архитектуры и градостроительства разделились относительно личности изображенного на медальоне мужского портрета. Одни эксперты по сию пору считают, что это прижизненный скульптурный портрет первого хозяина дворца – Сергея Григорьевича Строганова, а другие приписывают изображению черты лица самого зодчего Растрелли.

Особой достопримечательностью Танцевального зала является огромный живописный плафон «Триумф Героя», закрывающий почти всю площадь потолка. Он был выполнен в 1750-е гг. знаменитым итальянским декоратором Джузеппе Валериани на тринадцати холстах, укрепленных на деревянных подрамниках. Композиция уникального плафона представлена многофигурной центральной частью, окантованной архитектурной рамой из колоннад с нишами, балюстрадой и скульптурами. Сюжетом росписи плафона явился триумф мифологического героя Энея, восходящего на Олимп. В центре на плафоне – богиня мудрости Минерва, поражающая пороки: Властолюбие, Зависть, Злость и Лесть. Справа от нее – аллегории искусств, а слева – аллегории добродетели. Уникальный плафон прекрасно сохранился и почти не затронут позднейшими дворцовыми переделками.

Новая передняя

За два года строительных работ по проекту и под руководством Ф.Б. Растрелли был возведен один из самых величественных дворцов Санкт-Петербурга. Роскошное строение с огромными окнами и лепниной на фасадах вызвало неимоверное восхищение и неописуемый восторг владельца дворца и жителей Северной столицы. Сергей Григорьевич при виде своего нового дома даже прослезился от умиления, обнял великого российского зодчего и отблагодарил мэтра не только весьма щедрой денежной оплатой за великолепную работу, но и специально по этому поводу сделал Растрелли необычный презент. Портрет знаменитого зодчего камергер С.Г. Строганов заказал известному европейскому художнику П. Ротари, находившемуся тогда по приглашению императрицы Елизаветы Петровны в Санкт-Петербурге для написания портретов членов царской семьи.

Большой (Танцевальный) зал

Большой (Танцевальный) зал. Живописный плафон «Триумф героя»

Малая гостиная

После окончания строительства дворец С.Г. Строганова посетила императрица Елизавета Петровна. Ее поразила красота, внешний вид необычного строения и блеск его интерьеров. Царица даже высказала пожелание отпраздновать в новом доме гостеприимного Сергея Григорьевича свой день рождения, ибо к этой дате перестройка ее Зимнего императорского дворца на набережной Невы, начатая в 1754 г., вряд ли могла быть завершена. Во время визита в дом барона Строганова Елизавета Петровна провела дружескую беседу с уважаемым ею Сергеем Григорьевичем и своим зодчим Растрелли. Обоим тогда удалось уговорить императрицу на время начатой капитальной перестройки Зимнего дворца стать соседкой Строганова и переехать во временный деревянный Зимний дворец, который Растрелли обещал построить менее чем через год. В качестве места для возведения императорского дворца камергер С.Г. Строганов предложил участок на правом берегу Мойки, на ее пересечении с Невской перспективой, на бывшем участке первого Гостиного двора.

Большая гостиная

29 декабря 1754 г. императрица соизволила высочайше утвердить «План новобудующему на каменном фундаменте деревянному Зимнему дворцу, который имеет быть построен на Адмиралтейской части близъ Зеленого мосту и на Невской перспективе на месте Гостиного двора и на той площади, что к Адмиралтейскому лугу».

В 1756 г., после смерти барона и камергера Сергея Григорьевича Строганова, дворец по наследству переходит во владение его сына – Александра Сергеевича. Граф А.С. Строганов являлся известным меценатом, президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки. По его распоряжению в 1788–1793 гг. архитектор Федор Иванович Демерцов во дворе родового особняка Строгановых вместо старых служебных построек возвел два новых флигеля – южный и восточный, замкнув таким образом дворцовое здание в каре. В северном же корпусе зодчий по просьбе владельца оформил небольшой Минералогический кабинет.

Зал с дубовым камином

Граф Александр Сергеевич Строганов (1737–1811) являлся высокообразованным человеком, знатоком истории и искусства – отечественного и европейского, был одним из знаменитых русских меценатов своего времени. Он успешно руководил Академией художеств и выполнял обязанности первого директора столичной Публичной библиотеки. Под его руководством в Петербурге построили знаменитый Казанский собор.

Граф А.С. Строганов коллекционировал шедевры западноевропейской живописи, владел крупнейшим минералогическим собранием редких и ценных камней и считался одним из крупных мировых нумизматов. Все свои раритетные собрания он разместил в специально оборудованных кабинетах дворца, приспособленных не только для удобного обозрения коллекции, но и для ее научного исследования.

При жизни графа А.С. Строганова замечательный дворец на Невском проспекте на пересечении с рекой Мойкой становится одним из важных центров культурной и общественной жизни Северной столицы. В нем бывали знаменитые деятели русской культуры – писатели, поэты и музыканты. Здесь Д.И. Фонвизин читал собравшимся свои сочинения. В залах дворца звучали оды Г.Р. Державина, басни И.А. Крылова. При помощи графа Александра Сергеевича Н.И. Гнедич завершил свой перевод «Илиады» и в благодарность посвятил Строганову свою идиллию «Рыбаки».

Арабесковая гостиная

В Строгановском дворце происходило немало важных событий, непосредственно связанных с русской историей. В 1760-е гг. в Большом дворцовом зале работала инициативная группа по созданию в столице Публичной библиотеки, а в декабре 1766 г. в Строгановском дворце, в присутствии императрицы Екатерины II прошли выборы депутатов Комиссии по составлению Нового Уложения.

На протяжении двухвековой истории Строгановского дворца его здание и особенно внутренние интерьеры частично перестраивались и переделывались в полном соответствии с потребностями новых наследников и с особенностями периодически меняющейся архитектурной моды.

Заметим, что именно в стенах этого здания формировался великий природный художественный дар будущего знаменитого зодчего Андрея Никифоровича Воронихина, крепостного графа Строганова. Граф Александр Сергеевич, высоко оценив способности молодого человека, дал Воронихину вольную, помог бывшему крепостному завершить классическое архитектурное образование не только в России, но и в Европе.

Существует легенда, что Андрей Воронихин якобы был внебрачным сыном графа Александра Сергеевича Строганова. В подтверждение подобного предположения народная молва приводила целый ряд, по ее мнению, существенных доводов и примеров. Всех удивляло, что граф Александр Сергеевич поселил бывшего крепостного человека в барских покоях, обращался с ним как с равным по происхождению, совершал с ним творческие поездки за границу, оказывал покровительство при получении молодым архитектором выгодных и весьма ответственных заказов и активно способствовал продвижению зодчего по карьерной лестнице в Российской академии художеств.

В 1790-х гг. владелец Строгановского дворца, граф Александр Сергеевич, один из самых состоятельных людей России, принял решение о перестройке и перепланировке своего столичного дворца. Перестройкой особняка занимался вернувшийся из Европы талантливый специалист – «домашний» архитектор Строгановых, бывший крепостной Андрей Никифорович Воронихин.

Первого зодчего Строгановского дворца – Ф.Б. Растрелли – и архитектора А.Н. Воронихина, приступившего через пятьдесят лет к перестроечным работам «барочного» шедевра своего гениального предшественника, объединяло восприятие дворца как целостного архитектурного ансамбля. Разделяла же двух великих российских зодчих эпоха, в коей во времена Ф.Б. Растрелли в архитектурной моде преобладал художественный стиль барокко, отличавшийся от пришедшего ему на смену во второй половине XVIII столетия стиля русского классицизма своей декоративной пышностью, динамическими, сложными формами и живописностью.

Андрей Никифорович Воронихин

А.Н. Воронихин, наряду с зодчими А.Д. Захаровым, Тома де Томоном, К.И. Росси, вошел в историю отечественной архитектуры как один из создателей новых форм высокого классицизма. Выполняя поручение Александра Сергеевича Строганова по частичной перестройке дворца, «домашний» архитектор нового хозяина особняка вносит классицистические элементы в декор перестроенных внутренних помещений дворца, приглушает их барочную декоративную пышность и яркую живописность, вышедшие из моды к концу XVIII в.

По проекту А.Н. Воронихина на месте одноэтажных дворцовых флигелей тогда соорудили новые корпуса с отделанными в духе классицизма интерьерами. Обновили интерьеры и в старой части дворца. Ранее существовавший главный вход во дворец со двора в корпус, стоящий на набережной Мойки, зодчий ликвидировал, перестроил северо-западный угол особняка, заново создал ряд интерьеров в классической манере и устроил главный вход в здание с Невского проспекта. Вестибюль с лестницей зодчий декорировал в виде «руин древнегреческого храма» с четырьмя разновысокими дорическими колоннами. Главный марш парадной лестницы поддерживался, согласно проекту талантливого архитектора, изобретенной им особой «ползущей» аркой, опирающейся на разновысокие опоры.

Александр Сергеевич Строганов

Картинная галерея Строгановского дворца

Проект Воронихина предусматривал реконструкцию и создание заново целого ряда оригинальных интерьеров в новом классицистическом стиле, в том числе и в помещениях, пристроенных к зданию восточного и южного корпуса.

На месте Зеркальной галереи архитектора Ф.Б. Растрелли Ворониным обустроивается Парадная столовая, или Угловой зал. Благодаря использованию зодчим эффектного приема отражения настенными зеркалами, украшающими всю южную часть помещения и простенки между строгими полуколоннами ионического ордера, созданный по замыслу Андрея Воронихина интерьер Парадной столовой стал выглядеть светлее и просторнее.

Знаменитый внутренний интерьер, расположенный на Невской анфиладе Строгановского дворца, считается одним из высших достижений мастерства Андрея Воронихина. Созданный в 1791–1792 гг. Минералогический двухъярусный кабинет предназначался для уникального книжного собрания графа Александра Сергеевича и его известной коллекции уральских минералов и редких камней. Как известно, Публичная библиотека в российской столице появилась в начале XIX столетия.

Минералогический кабинет

Ее прообразом считалась общественная библиотека в Строгановском дворце, услугами которой пользовались российская императрица, Воронцовы, Сумароков и другие известные жители Санкт-Петербурга.

Одним из лучших творений А.Н. Воронихина также становится уникальный интерьер знаменитой Картинной галереи графа А.С. Строганова, занимавший помещение длиной 28 метров на втором этаже восточного корпуса дворца. Помещение Картиной галереи разделялось на три части, расположенные на одной оси. Центральная (средняя) часть перекрывалась плоским коробовым сводом, а две боковые лоджии – небольшими куполами. Центральная часть Картинной галереи отделялась от боковых лоджий четырьмя ионическими колоннами. Свод центральной части галереи оформлен барельефами, представляющими собой аллегорию «Живописи» и «Скульптуры». Воронихин с особым изяществом и присущим ему мастерством отнесся к отделке интерьера Картинной галереи. Ее стены затянули зеленым шелком, окантованным золоченым бантом. Помещение меблировали гарнитуром, состоящим из великолепных кресел и диванов, также обтянутых зеленым шелком. Особым укра-

шением помещения стала тогда великолепная ваза высотой 13,4 см и диаметром 107 см, изготовленная художниками-умельцами на графской Екатеринбургской гранильной фабрике.

Парадная столовая (Угловой зал)

Интерьер Картиной галереи удачно дополнялся бронзовыми трехметровыми торшерами известного французского мастера Ф. Томира. В галерее размещалась знаменитая коллекция живописи, собранная графом Александром Сергеевичем Строгановым в течение сорока лет.

Своеобразный музей западноевропейского искусства живописи XVI–XVIII вв. был доступен для всех и по образной оценке Александра Бенуа являлся «душой» Строгановского дворца. Потомки графа А.С. Строганова продолжали дело знаменитого русского мецената и регулярно пополняли шедеврами живописи строгановскую Картинную галерею.

Главной и самой ценной картиной галереи считалось полотно фламандского живописца Лересса «Поклонение волхвов». По бокам от уникального художественного произведения располагались полотна не менее знаменитых мастеров европейской живописи – картины Рубенса, Ван-Дейка, Рембрандта, Рени и других живописцев.

После смерти А.Н. Воронихина на протяжении тридцати лет главным дворцовым архитектором являлся его ученик Петр Садовников. Частичной перестройкой интерьеров Строгановского дворца позже занимался и зодчий Карл Росси, спроектировавший, несмотря на свою занятость, в Строгановском дворце апартаменты для внучки графа Александра Сергеевича – Аглаиды и ее мужа Василия Сергеевича Голицына. Годы не сохранили эти дворцовые интерьеры, но в прошлом столетии в одном из строгановских альбомов обнаружили 18 миниатюр с ампириными интерьерами работы самого Карла Росси. Оказалось, что интерьеры украшали великолепная драпировка панелей и тонкая роспись стен, изящные барельефы, мастерски расположенная мебель и произведения искусства.

Оказывается, мастер этих интерьеров тогда же серьезно намеревался капитально перестроить барочные растреллевские фасады Строгановского дворца, чтобы придать ему строгий ампириный вид. К счастью, лишь огромная занятость Карла Росси помешала ему это сде-

лать, и фасады дворца по-прежнему остаются для наших современников шедевром русского барокко.

В 1842 г. архитектор Петр Садовников (1796–1877) по просьбе графини Елизаветы Павловны (дочери Павла Александровича Строганова) спрямил фасад южного корпуса дворцового комплекса и в его центре, напротив главного въезда, разместил Парадную спальню графини. И наконец, архитектор Гарольд Боссе в 1840-1850-х гг. выполнил во дворце отделку интерьеров светлейшей княгини Е.П. Салтыковой, урожденной графини Строгановой.

В XXI столетии в Строгановском дворце (ставшем к этому времени филиалом Русского музея) завершилась реставрация единственного в Санкт-Петербурге интерьера, сохранившего барочное декоративное оформление зодчего Ф.Б. Растрелли, – Большого танцевального зала с его уникальным плафоном «Триумф Героя», работы итальянского живописца Джузеппе Валериани, интерьера, практически не затронутого позднейшими переделками. Реставрированы также Минералогический кабинет, Картинная галерея и другие помещения.

Во дворце на протяжении почти двух веков, до октября 1917 г., жили несколько поколений рода графов Строгановых. После смерти графа Александра Сергеевича Строганова в 1811 г. дворцом владел его сын – граф Павел Александрович Строганов, посвятивший свою жизнь военной службе. Как человеку военному, графу часто приходилось отлучаться из дома, бывая в военных походах и сражаясь на полях боев. Во дворце в эти периоды хозяйничала его любимая супруга – Софья Владимировна, дочь знаменитой княгини Н.П. Голицыной, послужившей А.С. Пушкину прототипом старой графини в повести «Пиковая дама». Унаследовавшая от матери природную девичью красоту и волевые качества, Софья Владимировна прекрасно вела огромное дворцовое хозяйство и даже успешно продолжила известные традиции своего знаменитого свекра – Строгановский дворец продолжал оставаться в российской столице одним из ведущих культурных центров.

Граф участвовал в войнах со Швецией, Турцией и Францией. В битве при Карнау граф потерял своего единственного сына и наследника. В семействе Строгановых тогда наступил династический кризис в связи с гибелью прямого наследника графского рода по прямой мужской линии. Александр I, учитывая заслуги рода Строгановых перед Отечеством, издал специальный Указ о нераздельном имении, так называемом майорате. Согласно этому документу, графский титул и родовая фамилия Строгановых передавалась мужу старшей из четырех дочерей графини Софьи Владимировны (вдовы П.А. Строганова), ставшей пожизненной распорядительницей всего имущества.

Павел Александрович Строганов

Графский титул позже получил Сергей Григорьевич Строганов, женившись на старшей дочери графа Павла Александровича – Наталье Павловне. Граф С.Г. Строганов, так же как и его тесть, являлся известным коллекционером археологических предметов, старинных монет и редких древних икон. Он вошел в историю после основания на свои средства школы живописи в Москве – знаменитой «Строгановки». Многие годы Сергей Григорьевич являлся председателем «Общества истории и древностей российских» и главным редактором всех научных трудов, издаваемых этим обществом. С.Г. Строганов значительно пополнил дворцовую коллекцию живописи, принадлежавшую его тестю Александру Сергеевичу.

Строгановский дворец в столице славился также своими «открытыми для всех обедами». В его внутренний дворик мог прийти всякий прилично одетый человек и отобедать за графским столом. Этой ежедневной возможностью с благодарностью пользовались небогатые петербуржцы. На ежедневных открытых обедах во внутреннем дворике дворца графа Александра Сергеевича Строганова всякий раз присутствовало сто и более человек. Говорили, что один из любителей отобедать у графа столовался ежедневно более двадцати лет. Когда же тот в один прекрасный день вдруг перестал бывать на графских обедах, то все посчитали, что он умер, но при этом никто не смог вспомнить его имени и звания.

После революций 1917 г. семья Строгановых покинула родовой дворец и эмигрировала во Францию. В 1918 г. Строгановский дворец национализировали и в 1919 г. на некоторое время превратили в популярный «Народный дом-музей графов Строгановых». Его экспозиция с соответствующей политической подоплекой рассказывала о жизни и судьбах представителей верхушки «проклятого прошлого». Экспозицию организовали работники Государственного Эрмитажа. Музей старого быта в здании Строгановского дворца существовал до 1929 г.

Софья Владимировна Строганова

Большой кабинет графини С.В. Строгановой

На протяжении почти двухвековой истории Строгановский дворец неоднократно перекрашивался. В разные годы он периодически становился светло-сиреневым, кирпично-красным, зеленым, желто-розовым и розовым. В 1935 г. дворцовой фасад вновь перекрасили, и до 2003 г. он оставался зелено-белым. Ныне по выявленным слоям красок дворцу вернули первозданный розовый цвет.

В 1929 г. историко-бытовой музей в Строгановском дворце закрыли, а дворцовые залы и исторические помещения передали Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина с целью организации на базе дворца филиала академии – Института прикладной ботаники. Картины и иные художественные коллекции графов Строгановых распределили по государственным музеям СССР, а значительную часть коллекции продали на европейских аукционах. В опустошенной Картинной галерее дворца оборудовали читальный зал для Института прикладной ботаники.

Малый кабинет графини С.В. Строгановой

В конце 1930-х гг. в Строгановском дворце размещалось значительное количество самых разнообразных учреждений. По заключению музейных экспертов, сменявшие друг друга государственные учреждения и организации «варварски» разрушили здание Строгановского дворца и его уникальные интерьеры. Главным арендатором дворца в числе прочих организаций являлся «Электромортрест» Наркомата судостроительной промышленности, а в 1970 г. генеральным арендатором становится городское предприятие «Эра» МСП СССР.

4 апреля 1988 г. Ленгорисполком принял наконец решение № 248 «Об освобождении и передаче Русскому музею помещений бывшего Строгановского дворца».

Проведенные в период с 1989 по 2003 г. Государственным Русским музеем комплексы реставрационных работ почти полностью вернули одному из уникальных памятников русской архитектуры XVIII столетия первоначальный облик детища великого зодчего Ф.Б. Растрелли. Реставраторы возродили анфилады дворцовых парадных помещений второго этажа, сохранивших черты декоративного убранства, созданного талантом зодчих Ф.И. Демерцова, А.Н. Воронихина, П.С. Садовникова и И.Ф. Колодина.

В наши дни завершились реставрационные работы в Картинной галерее Строгановского дворца, и администрация Русского музея полагает, что это уникальное помещение скоро откроется для посетителей.

В начале 1990-х гг. по инициативе внучатой племянницы графа Сергея Александровича Строганова, баронессы Элен де Людингаузен, в Нью-Йорке учредили Благотворитель-

ный Строгановский фонд. Главная задача этого фонда заключается в ощутимой финансовой поддержке реставрационных работ не только в Строгановском дворце, но и в иных петербургских дворцах-музеях, а также помощь в воссоздании утраченных храмов России.

От дворца гетмана Украины до Педагогического университета

В период правления Петра Великого, с 1703 по 1726 г., водораздел Мойки являлся естественной границей Северной столицы. Уже упоминалось, что ее левый берег, считавшийся тогда предместьем столичного города, застраивался дворцами-усадьбами и богатыми особняками именитых горожан.

Величина и архитектура усадебных построек левого берега реки Мьи с годами изменялись в зависимости от вкусов новых владельцев и архитектурной моды – от любимого в начале XVIII столетия стиля барокко до пришедшего ему на смену в период царствования императрицы Елизаветы Петровны русского классицизма.

На месте нынешнего главного корпуса Педагогического университета им. А.И. Герцена в годы правления Петра I по соседству с будущим участком барона Строганова первоначально находилась усадьба сподвижника основателя Санкт-Петербурга, адмирала Федора Матвеевича Апраксина (1661–1728), знаменитого государственного и военно-морского деятеля Российской империи. Владелец усадьбы особенно известен как один из основателей отечественных военно-морских сил и руководитель победоносных сражений российского флота на Балтике и Черном море.

Граф Ф.М. Апраксин вместе с Петром I создавал в Подмоскovie первое петровское «потешное» войско, в 1693–1696 гг. по указу русского царя он назначается губернатором Азова и руководит строительством Азовского военного флота, военных крепостей и гаваней на побережье Азовского моря. Адмирал принимал самое активное участие во втором Азовском походе русского царя против Турции, а 1699 г. участвовал в знаменитом Керченском походе молодого русского флота на Азовском море.

Федор Матвеевич Апраксин

В 1707 г. адмирал назначается командующим Балтийским флотом и всеми сухопутными войсками Ингерманландии (Ижорской земли), решительно отразившими все попытки шведского генерала Г. Любеккера захватить Санкт-Петербург. Граф Ф.М. Апраксин в 1709 г. руководит строительством и формированием отечественного военного флота на столичных верфях, и спустя год, командуя десяти тысячным русским корпусом, адмирал взял в осаду шведскую крепость Выборг и захватил ее.

С 1711–1721 гг. он руководил уничтожением мощных шведских южных крепостей и в конце военной кампании овладел Финляндией. Возглавляемый Ф.М. Апраксиным русский флот одержал над шведами легендарную победу в морском сражении при Гангуте. С 1717 г. указом Петра I граф Апраксин назначается первым президентом Адмиралтейств-коллегии, в 1726 г. становится членом Верховного тайного совета.

В 1728 г. Федор Матвеевич Апраксин переехал вместе с царским двором в Москву, где через несколько месяцев скончался. Усадьба Ф.М. Апраксина на левом берегу тогдашней реки Мыи по праву считалась самой благоустроенной. Его дом окружал сад с уютными тенистыми аллеями, с мраморными белоснежными статуями и бюстами, приобретенными военачальником в Италии у мастеров и владельцев скульптур конца XVII – начала XVIII вв. Доставленные в русскую столицу редкие образцы скульптуры и живописи итальянских мастеров становились предметами художественного оформления особняка и сада графа Апраксина. По воспоминаниям иностранцев, скульптуры отлично воспринимались на изумрудном фоне цветников, кустов и деревьев адмиральского приусадебного парка, разбитого руками царских садоводов.

Дворец Разумовского (Педагогический университет им. А.И. Герцена), набережная реки Мойки, 48

Позже, по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны, большинство этих мраморных бюстов и статуй перевезли в Царское Село и установили в дворцовом парке. Интересно, что некоторые мраморные изваяния из коллекции графа Ф.М. Апраксина можно и сегодня еще увидеть на аллеях Екатерининского парка.

После смерти графа его усадьба в 1728 г. по наследству переходит к его племяннику, а тот в 1734 г. продает дом и усадебный комплекс приближенному императрицы Анны Иоанновны камергеру графу К.Г. Левенвольде.

Карл Густав Левенвольде служил при дворе императора Петра III, а после его кончины вовремя оказал услугу новой императрице Анне Иоанновне, избранной членами Верховного Тайного совета кандидатом на императорский трон.

Верховники тогда тайно единодушно посчитали: «Быть на престоле российском герцогине курляндской Анне Иоанновне», но при этом солидарно и сугубо секретно подготовили свои особые условия («кондиции») для обязательного подписания новой императрицей при приезде в Россию перед официальным ритуалом восшествия на русский престол. «Кондиции» верховники поклялись держать в глубокой тайне и даже не допускали любой возможности ознакомления населения с разработанными ими требованиями к будущей российской императрице до ее прибытия из Митавы в Россию.

«Кондиции» верховников ограничивали императорскую власть в ее основных самодержавных государственных позициях. Подготовленный для подписания Анной Иоанновной документ обязывал ее: «Обещать сохранить Верховный Тайный совет и без согласования с ним не начинать войны, не заключать мира, не отягощать подданных новыми налогами, не производить в знатные чины служащих как статской, так и в воинской сухопутной и морской службе выше полковничьего ранга. Не определять никого к важным делам, не жаловать самостоятельно вотчины, не отнимать без суда живота, имущество и чести у шляхетства и не употреблять в расходы государственных доходов».

«Кондиции» верховников завершались подлинным императорским заверением строго выполнять все пункты, включенные в требования Верховного Тайного совета. «А буде чего по сему обещанию не исполнено и не додержу, то лишена буду короны российской». Завершив работу верховники отдали приказание «оцепить всю Москву караулами и кругом ее поставить на расстоянии тридцати верст по одному унтер-офицеру с отрядом солдат, чтобы не пропускать из Москвы иначе, как только с паспортом, выданным из Верховного Тайного совета».

Всем вольнонаемным извозчикам в продолжение нескольких дней запрещено было подпрягать с едущими куда бы то ни было из столицы. Пакет подготовленных «кондиций» верховники вручили князьям В.Л. Долгорукову и М.М. Голицыну, выехавшим в Митаву к герцогине курляндской.

Однако, как ни старались члены Верховного Тайного совета сохранить свои намерения и содержание подписанных ими документов в глубокой тайне, им этого сделать не удалось.

Ушлый царедворец Левенвольде, живший тогда в Москве, сумел в деталях ознакомиться с документами заговорщиков и смог каким-то образом не только сообщить о них своему брату – жителю Лифляндии, но и попросить его незамедлительно ознакомить с содержанием решения верховников Анну Иоанновну. Кроме того, дальновидный Левенвольде предупредил будущую императрицу, что шляхетство и народ не поддерживают и не сочувствуют затеям верховников. Об этом довольно убедительно должен был также поведать Анне Иоанновне гвардейский офицер Сумароков, посланный в Митаву генерал-прокурором П.И. Ягужинским. Правда, офицер, в отличие от Левенвольде, не успел выполнить данное ему поручение, ибо по приказанию находящегося на приеме у герцогини в Митаве князя В.Л. Долгорукова его арестовали и срочно отправили в Москву, закованного в кандалы. Предупрежденная о заговоре Анна Иоанновна приветливо встретила депутацию верховников, не теряя самообладания, подписала условия своего будущего правления на российском троне, продиктованные группой членов Верховного Тайного совета, и даже вручила им составленное ею обращение к своим подданным.

В Российском Государственной архиве сохранился этот исторический документ, составленный Анной Иоанновной: «Так как во всех государствах руководствуются благими советами, то мы пред вступлением нашим на престол, по здравому рассуждению, изобрели за потребно для пользы Российского государства и к удовольствию наших верных подданных, написав, какими способами мы то правление вести хотим, и подписав нашею рукою, послать в Верховный Тайный совет, а сами сего месяца в 29 день конечно из Митавы к Москве для вступления на престол пойдем».

Императрица Анна Иоанновна

На заседании Верховного Тайного совета прочитали еще раз подписанные императрицей «кондиции» и личное послание. Однако большинство тех, кто недавно подписал перечень требований для российской императрицы, почему-то стали испуганно переглядываться друг с другом, а глава Верховного Тайного совета с удивлением не обнаружил на их лицах ликования и радости, после того как князь Дмитрий Михайлович Голицын решил воздать хвалу решению Анны Иоанновны: «Видите, как милостива наша государыня, какового мы от нее надеялись, таковое она показала отечеству нашему благодеяние! Бог сам подвинул ее к сему писанию! Отселе счастливая и цветущая Россия будет!..»

Во время его выступления кто-то из верховников унылым тихим голосом произнес: «Не ведаю, удивительно, отчего это государыне пришло на мысль так писать».

Замыслы Верховного Тайного совета тогда возбудили толпы и великое недовольство в разных сословиях Российской империи. После того как 2 февраля подписанные государыней «кондиции» зачитали прилюдно в собрании Сената, командование гвардии и руководители статских государственных ведомств были возмущены действиями верховников. Недовольство нарастало с каждым днем. В городе стали открыто возникать группы возмущенных людей, особенно сторонников древнего русского самодержавия, доходивших до такого ожесточения, что они смело заявляли: «Нам бы собраться, напасть на них с оружием и перебить их!» Особенно злобно высказывались представители армии и гвардейских полков, ибо сооб-

разно «кондициям» Анна Иоанновна не могла назначать своим указом командующих лиц в армии и гвардии. Теперь это право принадлежало Верховному Тайному совету.

И вдруг, среди нарастающего общего недовольства, к великому торжеству гвардии, новая императрица, вопреки запретам группы верховников и не спрашивая разрешения, 12 февраля по старой традиции объявляет себя полковником Преображенского полка и капитаном Кавалергардской роты. Гвардия ликовала и злобно отзывалась о верховниках с их руководителем – князем Долгоруким.

25 февраля 1730 г. племянница Петра I, герцогиня Курляндская Анна Иоанновна пришла во дворец в окружении гвардейцев, громогласно заявлявших о восстановлении самодержавия и заверивших императрицу: «Государыня! Мы верные рабы вашего величества. Мы служили верно вашим предшественникам и теперь готовы пожертвовать жизнью, служа вашему величеству. Мы не потерпим ваших злодеев. Повелите только, и мы к вашим ногам сложим их головы». Затем в присутствии верховников князь Антиох Кантемир зачитал императрице челобитную, подписанную шестьюдесятью шестью известными россиянами, высказавшими просьбу о восстановлении петровского Сената и уничтожении всех пунктов, предписанных ей Верховным Тайным советом. Затем Анна Иоанновна обратилась к верховникам со словами: «Стало быть, пункты, поднесенные мне в Митаве, были составлены не по желанию народа! Князь Василий Лукич, стало быть, меня обманул!». После этих слов императрица приказала немедленно доставить ей подписанные в Митаве «кондиции». На глазах присутствующих Анна Иоанновна порвала подписанные ею документы и объявила, что «желает быть истинною матерью отечества и доставлять своим подданным все возможные милости».

Ну а затем, как это обычно бывало на Руси, для одних как из рога изобилия посыпались благодати – чины, звания, награды и почести, а для других – допросы в Тайной канцелярии и суровые приговоры покусившимся на святое – самодержавную власть и права помазанника Божия.

В числе награжденных и обласканных новой государыней оказался и Карл Густав Левенвольде, получивший звание камергера Императорского двора, дворянский титул графа и придворный чин шталмейстера. В дополнение к этому Анна

Иоанновна выдала своему осведомителю достаточную сумму денег для приобретения усадьбы адмирала Ф.М. Апраксина на левом берегу реки Мьи.

Новый владелец усадьбы граф К.Г. Левенвольде снес старый дом и хозяйственные постройки адмирала Ф.М. Апраксина и по проекту архитектора Ф.Б. Растрелли в 1730-х гг. построил весьма представительный деревянный дворец с большим количеством богато декорированных мебелированных помещений.

Помня об оказанной важной услуге, императрица Анна Иоанновна приблизила ко двору верного графа Левенвольде. Шталмейстер двора выполнял многие поручения своей покровительницы и неоднократно награждался государыней. Именно ему императрица поручила отыскать подходящего жениха для своей любимой племянницы – принцессы Анны Леопольдовны. Анна Иоанновна, не любившая цесаревну Елизавету Петровну, торопилась найти племяннице жениха, чтобы сохранить ее будущему наследнику и роду российский трон. Немецкая империя изобиловала женихами-принцами для возможных выгодных политических брачных связей с Россией.

Историк Н.И. Костомаров в своей знаменитой «Русской истории» отмечает: «В Вене граф Левенвольде подпал под влияние императорского дома и по указанию, полученным отсюда, остановил свое внимание на принце Брауншвейг-Беверском, сыне сестры императрицы. Его родные – император и императрица, уговорили его согласиться на предложение Левенвольде, и он дал слово прибыть в Россию и поступить в русскую службу».

Принц действительно явился в Северную столицу, был прекрасно встречен Анной Иоанновной, определившей его под начало генерал-фельдмаршала Миниха, участвующего тогда в войне с турками. Русская принцесса Анна Леопольдовна не очень-то жаловала заморского жениха, несколько лет под разными предлогами откладывала свадьбу, однако, наконец призналась обрадованной императрице, что «...она во всем готова слушаться свою тетушку и дает согласие выйти замуж за Брауншвейгского принца».

Таким образом граф Карл Густав Левенвольде вошел в русскую историю как человек, причастный к возникновению в России правящей четы – правительницы Анны Леопольдовны, Антона-Ульриха Брауншвейгского и их малолетнего сына – российского императора Ивана IV Антоновича, правнука русского царя Ивана VI. Правда, этот царственный альянс просуществовал в Российской империи всего один год – с 1740 по 1741. В два часа ночи 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна, дочь Петра I, вместе с гвардейцами ворвалась во дворец, вошла в спальню правительницы при малолетнем императоре Иване IV, разбудила свою сестру громким возгласом: «Сестрица! Пора вставать!», арестовала ее вместе с супругом, взяла из кровати плачущего младенца Ивана IV и вынесла его к саням. Родители русского императора умерли в ссылке, а наследника российского престола – законного императора Ивана IV Антоновича навечно заключили в тюрьму.

В 1764 г. его убили при попытке освобождения подпоручиком В.Я. Мировичем из Шлиссельбургской крепости. Граф Левенвольде совершенно случайно узнал о готовящемся заговоре на очередной дружеской пирушке от подвыпивших приятелей, косвенно причастных к государственному перевороту.

Узнав потрясшую его новость, гофмаршал правительницы, несмотря на позднее время поспешил во дворец. Семейство Анны Леопольдовны почивало, и Левенвольде пришлось передать свою тревожную записку дежурной камер-юнгфере, прося как можно быстрее ознакомить правительницу с содержанием его ночного послания. Озадаченная тревожным видом графа камер-юнгфера поспешила в спальню Анны Леопольдовны, разбудила ее и передала ей письмо гофмаршала. Заспанная правительница, ознакомившись с текстом послания, приказала фрейлине: «Спросите графа Левенвольде, не сошел ли он с ума!» – и вновь заснула.

Услышав ответ, граф пришел в отчаяние. Вернулся к себе на Мойку, провел бессонную ночь, а рано утром вновь поспешил в Зимний дворец, встретился с Анной Леопольдовной и стал искренне убеждать ее в реальной угрозе дворцового переворота, однако в ответ лишь услышал, что это очередные сплетни, ибо она сама лучше, чем кто-нибудь иной, знает, что никакой грозящей опасности не существует и бояться цесаревны в данное время не следует.

И действительно, для большинства придворных дворцовый переворот оказался неожиданным, поскольку между цесаревной Елизаветой Петровной и правительницей Анной Леопольдовной внешне царило полное дружеское согласие и взаимопонимание. В день рождения цесаревны Анна Леопольдовна в декабре 1740 г. подарила родственнице прекрасный драгоценный браслет, а от лица своего маленького сына – императора Ивана VI вручила родственнице осыпанную драгоценными камнями массивную золотую табакерку с Императорским гербом. Одновременно с этим правительница распорядилась выдать милой сестрице из соляной конторы 40 000 золотых рублей для уплаты ее многочисленных долгов.

Историк Н.И. Костомаров после длительных архивных поисков пришел к выводу, что причиной опасного решения Елизаветы Петровны возглавить государственный переворот стала подкованная дипломатическая игра французского посланника в России де ля Шетарди, неформального руководителя этого дворцового заговора, весьма выгодного для Франции. Французский дипломат явился к цесаревне Елизавете Петровне и заявил, что якобы приехал предупредить ее об опасности. Из «верных» источников посланник, оказывается, узнал, что в ближайшие дни цесаревну по повелению правительницы собираются упрятать в мона-

стырь. По мнению Шетарди, настала пора решительных упреждающих действий. «В случае неудачи Ваша решимость, – заявил французский посланник, – сохранит Вам расположение друзей, кои отомстят за нее и оставят надежду поправить дело».

После уговоров де ля Шетарди Елизавета Петровна действительно обрела «необходимую решительность» и гневно произнесла: «Если так, если уже ничего делать не остается, мне следует приступить к крайним и последним мерам. Я покажу всему свету, что я – дочь Петра Великого».

Переворот удался на славу. Елизавета, окруженная ликующими гвардейцами, возвращалась к себе в дом на Невском проспекте. Народ торжествовал и толпами бежал за санями. Очевидцы события вспоминали, что «ребенок, которого держала на руках новая императрица, услышав веселые крики, развеселился сам, подпрыгивал на руках своей тетки и махал ручками».

В тот же день в своих домах арестовали Остермана, фельдмаршала Миниха и его сына, Головнина, Мегдена, Темирязева, Стрешневых, принца Людвига Брауншвейгского (брата Антона), графа Лопухина, генерал-майора Альбрехта и, конечно же, камергера графа Левенвольде. Офицеры и солдаты, производившие аресты, по свидетельству очевидцев, обращались со всеми весьма грубо, оскорбляя их, не стесняясь в выражениях. Арестованных вначале доставили в дом Елизаветы Петровны, а затем препроводили в крепость.

Императрица Елизавета Петровна, ставшая капитаном роты Преображенского полка, даровала дворянское достоинство всему составу роты и заверила о своем желании наделить всех 360 человек добротными именьями. Участники переворота также удостоились различных наград – высоких орденов, чинов (статских, военных и придворных). Из ссылки и тюрем указом императрицы в Петербург возвращались опальные дворяне. Им вернули прежние награды, почести и имущество.

После учиненного розыска в Тайной канцелярии всех арестованных признали виновными в государственной измене и осудили на ссылку в Сибирские края.

Графа и канцлера Левенвольде лишили чинов, наград, всего недвижимого имущества и сослали в Соликамск, откуда в 1752 г. перевели в Ярославль, где он и умер. Знавшие графа сохранили о нем неоднозначные характеристики и мнения. Одни изображали его трусливым человеком, коварным и корыстолюбивым, другие же, наоборот, считали графа гордым, смелым, честным и высоконравственным индивидуумом, переносившим свои напасти и лишения с великим стоическим терпением и достоинством. Многие придворные в своем кругу с теплотой и любовью вспоминали графа Левенвольде, лишенного всего, что он имел за свою долгую службу при дворе трех российских императоров. Его любимый дворец на левом берегу реки Мьи отошел в казну вместе со всем его богатым содержанием – изящной мебелью, редкой коллекцией картин, старинных скульптур, изделиями из золота, платины, серебра и драгоценных камней.

Добрая память о нем со стороны его прежних почитателей и сослуживцев лишь усугубляла строгость его пребывания в местах, определенных для ссылки государственных преступников.

Один из эпизодов доброго отношения к ссыльному Левенвольде вошел в анналы российской истории как «Государственный заговор придворной дамы Натальи Федоровны Лопухиной». Суть дела заключалась в следующем: в северном городе Соликамске находился под охраной на поселении бывший гофмаршал Левенвольде. В качестве начальника военной охраны ссыльных в город на реке Каме направили поручика лейб-кирасирского полка Бергера. Узнавшая об этом придворная дама графиня Наталья Федоровна Лопухина, бывшая некогда близкой приятельницей ссыльного графа, попросила поручика передать ссыльному гофмаршалу, что «он не забыт своими друзьями и не должен терять надежды, ибо не замедлят наступить для него лучшие времена». Курляндец Бергер тотчас же доложил о поруче-

нии Лопухиной влиятельному человеку при дворе императрицы Елизаветы Петровны, ее лейб-медику графу Герману Лестоку – главному идеологу недавнего дворцового переворота. Заявление придворной дамы Н.Ф. Лопухиной о том, что Левенвольде «не должен терять надежды и что не замедлят наступить для него лучшие времена», легло в основу серьезного государственного расследования. Допрос в Тайной канцелярии всех причастных к этому делу лиц проводился весьма жестоко, невзирая на пол обвиняемых, их чины и звания. Всех подозреваемых подвергли пытке на дыбе и иным жестоким истязаниям, используемым для получения доказательств их вины.

Специально учрежденное в Сенате генеральное собрание с участием трех духовных сановников в итоге постановило: «Всех троих Лопухиных колесовать, предварительно вырезавши им языки. Лиц, слышавших и не доносивших, – Машкова, Зыбенко, князя Путятина и жену камергера Софию Лилиенфельд – казнить отсечением головы, некоторых же, менее виновных, – сослать в деревни».

Елизавета Петрова, утверждая приговор, смягчила тяжесть кары, определив главных виновных, – Лопухина и Бестужева, – высечь кнутом и, урезав языки, сослать в ссылку, других также высечь и сослать, а все их имущество конфисковать. Приговоренная к суровому наказанию супруга камергера София Лилиенфельд оказалась беременной. Императрица распорядилась дать ей время разрешиться от бремени, а уж затем изрядно высечь плетью и сослать на Север. На просьбе о помиловании Софии Лилиенфельд дочь Петра Великого собственноручно соизволила начертать: «Плутоф жалеть не для чего, лучше, чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодов ждать!»

В ходе расследования, под пыткой, Степан Лопухин показал, что посол Венгерского королевства маркиз Ботта якобы говаривал за обедом в доме Лопухиных: «Было бы лучше и покойнее, если бы принцесса Анна Леопольдовна властвовала».

Вмешательство в это дело иностранного посла заставило императрицу поручить своему посланнику Лончинскому «представить венгерской королеве протест о неопозволительном поведении ее полномочного представителя в России и просить учинить над ним взыскание». Королева Мария-Терезия вначале защищала маркиза Ботту, но затем в угоду Елизавете Петровне приказала отправить провинившегося дипломата в Грац и держать там под караулом. Правда, спустя год российская императрица сообщила Марии-Терезии, что вполне удовлетворена ее решением и теперь не желает для маркиза Ботты столь строгого наказания.

Казнь российских поклонников графа Левенвольде состоялась на Васильевском острове, вблизи здания Двенадцати коллегий, где в то время размещался Сенат. К десяти часам утра пространство около широкого помоста из свежих сосновых досок заполнилось народом. Осужденных выстроили около помоста, и секретарь Сената приступил к оглашению приговора. Ветер с Невы доносил слова секретаря: «Степан Лопухин и Наталья... забыв страх Божий и не боясь Божьего суда, решили лишить нас престола... а всему миру известно, что престол перешел к Нам по прямой линии от прародителей наших после смерти Петра II и приняли мы корону в силу духовного завещания матери нашей, по законному наследству и Божьему усмотрению <...> Анна же Бестужева по доброхотству к ней принципам и по злое за брата своего Михайлу Головина, что он в ссылку сослан, забыв про злодейские его дела и наши к ней многие по достоинству мысли...» Секретарь еще долго и занудно перечислял вину осужденных.

Приговоренных в простых телегах отвезли на окраину столицы, где они попрощались со своими родными и близкими перед отъездом в сибирскую ссылку.

После падения влиятельного вельможи графа Левенвольде его усадьбу на левом берегу реки Мойки забрали в казну. В 1743 г. императрица Елизавета Петровна подарила дворец и усадебный участок осужденного своему бывшему фавориту во времена, когда она еще являлась молодой цесаревной, – сержанту гвардии Алексею Яковлевичу Шубину. Еще при

дворе Анны Иоанновны распространялись упорные слухи о любовной связи гвардейского сержанта и молодой Елизаветы Петровны. Чтобы прервать подобные разговоры, императрица приказал сослать лихого гвардейца в Сибирь.

После смерти Анны Иоанновны цесаревна Елизавета Петровна стала предпринимать всевозможные меры к розыску и возвращению в столицу своего любимца. Быстро найти опального сержанта гвардии Алексея Шубина тогда не удалось. И лишь по приказу фельд-маршала Миниха предмет первой любви будущей императрицы удалось обнаружить где-то на Камчатке, в 1500 верстах от Санкт-Петербурга.

Пока сержант добирался до столицы, Елизавета Петровна стала российской императрицей. Она встретила Алексея Яковлевича с радушием, но уже в рамках своего нового официального положения. Опальный гвардеец ее именным указом становится майором гвардейского Семеновского полка и генерал-майором по армии. Ему же императрица жалует дворец и усадьбу ссыльного гофмаршала Левенвольде на левом берегу Мойки. Награждает орденом Св. Александра Невского и жалует его имениями в Нижегородской губернии.

Появление в столице А.Я. Шубина, сохранившего прежнюю красоту, но утратившего за годы скитаний на Камчатке светский лоск, с недовольством встретил лейб-медик императрицы граф Лесток, ранее причастный к отправке красавца-сержанта в ссылку. Прошедший тяжкие испытания в годы ссылки, безвинно осужденный гвардеец, опасаясь интриг столичной жизни, благодарит свою покровительницу, отказывается от щедрого подарка на набережной и просит нижайшего позволения уехать в подаренные ему имения в Нижегородской губернии.

В 1749 г. бывший участок графа Рейнгольда Густава Левенвольде переходит во владение гетмана Украины и президента Академии наук Кирилла Григорьевича Разумовского, брата тайного мужа императрицы Елизаветы Петровны – Алексея Григорьевича Разумовского, многие годы являвшегося влиятельнейшим лицом при дворе русской императрицы. А был он сыном простого казака в украинском селе Лемеша, приписанного к Киевскому казачьему полку. За каждую провинность отец нещадно бил мальчика, и тот убежал от побоев в село Чемеры, где жил у местного дьячка, который обучил его грамоте и пению.

Историк Н.И. Костомаров писал: «Приезжавший полковник Вишневский, по дороге в Венгрию покупать для двора вино, заехал в церковь, услышал прекрасный голос Алексея и взял с собой в Петербург для придворного хора певчих. Это было в 1730 г. В том же году цесаревна Елизавета, посетивши церковь в Зимнем дворце, упростила обер-гофмейстера Левенвольде уступить Алексея для ее придворной церкви. Чрезвычайно красивый и статный, Алексей Разумовский понравился цесаревне. По восшествии своем на престол Елизавета Петровна, по убеждениям духовника своего Дубянского, сочеталась тайно браком с Разумовским в селе Перове, близ Москвы, и вслед за тем осыпала его богатствами и почетом. Из ничтожного казака, до того бедного, что мать его собиралась просить подаяния под окнами, Разумовский по знатности положения своего и богатства стал первым вельможей России...»

Для своего возлюбленного императрица специально построила роскошный Аничков дворец на углу Невской перспективы и реки Фонтанки. Очевидцы тех лет вспоминали, что «из благоволения к Алексею Разумовскому императрица вывела в знать всю близкую родню своего любимца и строго оберегала честь этого возвышенного ею рода. Всяческие слухи, наветы и оскорбительные пересуды в адрес Разумовских оканчивались для их распространителей всегда трагически – застенком в Тайной канцелярии, дыбой, кнутом, плетью и ссылкой в Сибирь».

Граф Алексей Григорьевич Разумовский

По единодушному мнению современников, фаворит императрицы являлся человеком в высшей степени добропорядочным и прямодушным. Не имея никакого образования, граф обладал широким умом, щедростью и добротой. Правда, в нетрезвом состоянии Алексей Григорьевич часто бывал довольно крут и тяжел на руку. Историк М.И. Пыляев приводит тому пример, когда «...графиня М.Е. Шувалова каждый раз служила молебн, когда ее муж, граф Петр Иванович, возвращаясь с охоты, не был бит батожьем от Разумовского под пьяную руку». Подобные случаи побоев представителей старых дворянских фамилий от любимца Елизаветы Петровны на пирушках и застольях подтверждает и английский посланник сэр Вильямс в своих депешах в Англию. Из трепетного благоговения перед своим тайным супругом императрица отправила за границу для обучения и получения основательного образования младшего брата Алексея Григорьевича – Кирилла. По его возвращении из Европы Елизавета Петровна рекомендовала избрать Кирилла первым президентом Академии наук, а позже приказала избрать казачьего сына гетманом в Малороссии. Кирилл Григорьевич Разумовский был единогласно избран президентом Российской академии наук в довольно юном возрасте, тогда ему минуло всего 19 лет. Через год он утверждает новый регламент Академии наук, соединенной тогда с Академией художеств и Университетом. При Университете по его распоряжению учреждалась гимназия, из учеников которой отбирали двадцать человек для Университета, а остальных определяли в Академию художеств. Профессора должны были преподавать бесплатно.

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский стал не только первым президентом Российской академии наук, но и прослужил в этой должности в течение 52 лет.

Перед началом строительства его дворцового комплекса на Мойке (№ 48) в газете «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали следующее объявление: «Графа К.Г. Разумовского деревянный дом на каменном фундаменте желающим разобрать, перевезти и поставить на Крестовском острове... явиться могут в домовую канцелярию». Деревянный дворец Левенвольде разобрали, и в 1762 г. архитектор А.Ф. Кокоринов приступил к строительству нового каменного здания. Работу по возведению дворца для графа К.Г. Разумовского на левом берегу реки Мойки, рядом со Строгановским дворцом, завершил к 1766 г.

зодчий Ж.Б. Валлен-Деламот. На территории обширной усадьбы до наших дней сохранился участок сада. Со стороны Казанской улицы его по-прежнему ограждает уникальная чугунная решетка, возведенная по проекту А.Н. Воронихина.

Дворец графа К.Г. Разумовского относится к немногим сохранившимся в нашем городе образцам городского обширного усадебного надела с регулярным садом и главным зданием в глубине участка. Его парадный двор отделяла от проезжей части набережной реки Мойки высокая каменная ограда с коваными металлическими воротами в центре. Зодчие оригинально выполнили архитектурное решение конструкции парадных дворцовых ворот, расчленив фасад ограды и самих ворот красивыми ионическими колоннами. Над средней широкой проезжей частью балочное перекрытие (антаблемент) лишен главной балки (архитрава) и изогнут в полуциркульную дугу.

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский

Архитектор Александр Филиппович Кокоринов

Считается, что дворец графа К.Г. Разумовского является одной из лучших построек отечественной архитектуры периода 1760-х гг. Даже несмотря на частичные перестройки XIX столетия, не исчезло его сходство с подобными царскими загородными резиденциями. Для облика здания характерен доминирующий в композиции центральный массив и строго симметричное построение всего дворцового ансамбля, включающего основное дворцовое строение и флигели.

Ансамбль дворца строго симметричен, его центральная фасадная часть выделена ризалитом с аркадой первого цокольного этажа и колоннадой из шести коринфских колонн, объединяющей второй и третий этажи. Разнофигурные окна второго и третьего этажей центральной части фасада украшены наличниками и лепкой. Декоративную колоннаду из шести коринфских колонн венчают антаблемент и высокий ступенчатый аттик с тонко прорисованным лепным декором.

Удачно оформление садового фасада с выступающими боковыми ризалитами, стройной колоннадой из четырех коринфских колонн в центре, с лепными украшениями, повторяющими мотивы оформления главного фасада дворцового здания. К главному, центральному корпусу примыкали каменные симметричные корпуса.

Приусадебная территория была благоустроена и в основном сохранена в том облике, когда ею владел граф Левенвольде. По распоряжению нового владельца на участке разбили два сада – яблоневый и липовый. Кирилл Григорьевич регулярно выписывал из-за границы самые необычные, экзотические растения и всегда охотно делился ими с горожанами, любителями заморских цветов.

Дворец Разумовского за время его существования многократно перестраивался, но главным образом изнутри. Его внешний облик довольно хорошо сохранился до сих пор без особых изменений. Подобного сегодня нельзя сказать о внутренней отделке дворца, она, по сути, не сохранилась, если не считать потускневшую обработку перекрытия парадной двор-

цовой лестницы, украшенной некогда лепниной с двуглавыми орлами и крылатыми мальчиками – путти, излюбленным декоративным мотивом в искусстве итальянского Возрождения.

Содержание дворцового комплекса обходилось графу К.Г. Разумовскому в 52 000 рублей в год. Дворец и сад обслуживал довольно большой штат прислуги – около 300 человек. Дворец Разумовского в Северной столице славился своими роскошными балами и маскарадами. В праздничные дни Кирилл Григорьевич обязательно устраивал раздачу подарков и милостыни малоимущим и нищим. В дни подобных богоугодных мероприятий графа Разумовского набережную Мойки у его дворца обычно с раннего утра заполняла многотысячная толпа.

В 1781 г. Кирилл Григорьевич продает свой дворец польскому графу К.П. Бранницкому и покидает Санкт-Петербург. Новый владелец дворца прожил в нем восемь лет, а затем уехал на родину, продав дворцовый комплекс в казну за 450 000 рублей.

Выкупленный у Бранницкого дворец Указом Павла I от 2 мая 1798 г. передали Воспитательному дому, созданному в Петербурге еще по повелению его матушки – императрицы Екатерины II и размещавшемуся первоначально в Смольном монастыре. Патронат над ним осуществляла супруга Павла Петровича, а руководителем и организатором богоугодного заведения становится граф Иван Иванович Бецкой – талантливый человек, вошедший в историю российского государства своими замечательными делами и трудами на ниве народного образования и воспитания молодежи в век «просвещенного абсолютизма».

Граф Иван Иванович Бецкой

По его инициативе в Петербурге открывались новые учебные заведения, работавшие по программам И.И. Бецкого и его конкретным рекомендациям. Талантливый педагог и методист, он стал первым инициатором женского образования в России. В конце его жизни – уже как президента Академии художеств и главы Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга – в столице существовали многочисленные учебные заведения, воспитательные дома и реформированные кадетские корпуса, созданные по инициативе И.И. Бецкого.

Иван Иванович Бецкой – внебрачный сын князя, генерал-фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого (тот был в плену у шведов) и шведской баронессы. От отца ребенок

унаследовал сокращенную, без первого слога княжескую фамилию. Юный Иван Бецкой воспитывался в Стокгольме матерью – баронессой, аристократкой, служил в датском кавалерийском полку, успешно продвигался по ступеням должностной офицерской лестницы. Однако травма, полученная от падения с лошади на очередных кавалерийских учениях, вынудила сына русского князя оставить военную службу.

В 1727 г. Иван Иванович Бецкой приезжает в Россию к отцу и по протекции фельдмаршала поступает на службу в Коллегию иностранных дел. Благодаря высокому положению отца при Императорском дворце, Бецкой вскоре становится приближенным к свите русской императрицы Елизаветы Петровны. И все-таки недоброжелательное отношение к нему придворных, и дворцовые интриги со стороны канцлера А.П. Бестужева заставляют Ивана Ивановича не только выйти в отставку, но и в 1774 г. даже надолго покинуть Россию. В течение пятнадцати лет он прожил во Франции, изучая мировые творения искусства великих художников и писателей.

В Париже Бецкой близко познакомился с известными европейскими просветителями и учеными – философом-материалистом Дени Дидро, основателем и редактором «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел»; французским писателем и философом Жан-Жаком Руссо, с основоположниками немецкой филологии братьями Якобом и Вильгельмом Гримм.

По возвращении в Россию И.И. Бецкой подготовил разработанный им в деталях проект реформы народного образования в Империи, утвержденный Екатериной II. Основой реформы по разумению ее автора считалось, что «самые мудрые законы без добрых нравов не сделают государство счастливым и что нравы должны быть впечатлеваемы на заре жизни». В своей программе Бецкой перечислил добродетели, которые следовало обязательно прививать детям: веру в Бога, благонравие, дружелюбие, бережливость, опрятность, терпение и т. п. Он рекомендовал поощрять детскую резвость, живость и тягу к забавам и играм, считая, что это и «есть главное средство к умножению здоровья и укреплению телесного сложения». Им была разработана прекрасная система игр и заданий, чтобы «упражнять детей в различных мастерствах и рукоделиях».

Император Петр III не только вызволил политического беженца из невольной зарубежной ссылки, но своим именным указом назначил Ивана Ивановича Бецкого главным директором Канцелярии строений и домов его величества. После государственного переворота 28 июня 1762 г. и воцарения на троне Екатерины II Иван Иванович вновь становится приближенным ко двору новой императрицы. Столь быстрый и высокий карьерный взлет Бецкого служит поводом для появления в высших аристократических кругах столицы самых невероятных слухов, сплетен и предположений. На свое счастье или, может быть, беду, Иван Иванович оказался довольно близким знакомым матери новой русской императрицы, да к тому же многие отмечали разительное внешнее сходство Бецкого с Екатериной Алексеевной. В салонах Петербурга пошли невероятные пересуды об истинном отце новой императрицы, которая своим указом 3 марта 1763 г. назначила действительного тайного советника И.И. Бецкого управляющим Академией художеств.

Однако Бецкой, в отличие от фаворитов императрицы, не воспользовался ее доброжелательным отношением к своей персоне. Он не встречал в государственные дела и политические проблемы, а занимался важными социальными делами, проблемами совершенствования учебного образования и воспитания молодежи, совмещая эту ответственную деятельность с работой руководителя «Канцелярии строений и домов».

По распоряжению Екатерины II, Бецкой в 1768 г. назначается главным руководителем работ по перестройке и отделке Зимнего дворца. В том же году, 15 мая, императрица «изустно повелела» И.И. Бецкому: «На площади, между Невой, Адмиралтейством и домом

Правительствующего сената, во славу блаженные памяти императора Петра Великого поставить монумент».

Идея о постановке памятника Петру I у императрицы зародилась еще в 1765 г., когда она приказала русскому посланнику в Париже, князю Голицыну, найти для этого опытного и талантливого ваятеля. Им оказался французский скульптор Этьен Морис Фальконе, создавший в 1766–1778 гг. монумент Петру I («Медный всадник»).

Этой работой И.И. Бецкой добросовестно руководил от периода изыскания годного для постаментов камня в Лахте, доставки его в столицу, отливки бронзового монумента и до церемонии открытия памятника на столичной площади 7 августа 1782 г.

Ему также пришлось руководить работами по отделке набережных Невы и столичных каналов гранитом, установке знаменитой уникальной решетки Летнего сада. Руководя Академией художеств, он открыл при ней воспитательное училище. По инициативе И.И. Бецкого в 1764 г. указом Екатерины II в Петербурге создается первое в России специальное женское учебное заведение (Императорское воспитательное общество благородных девиц – Смольный институт).

В 1765 г. указом императрицы И.И. Бецкой назначается шефом Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В 1773 г. по его инициативе на средства богатого заводчика и крупного землевладельца Прокопия Демидова в Петербурге учредили Воспитательное коммерческое училище для купеческих детей.

При поддержке своей покровительницы Екатерины II Бецкой открывает в Петербурге и частично финансирует из своих средств Воспитательный дом, а при нем учреждает вдовью и сохранную казну в основе которой находились его личные сбережения и деньги богатых столичных предпринимателей.

Екатерина II, считавшая себя инициатором в проведении российской образовательной реформы, вначале не только покровительствовала Бецкому в его работе по открытию в столице новых воспитательных учебных заведений и детских приютов, но и щедро финансировала его идеи и планы в этом направлении. Однако затем под влиянием доносов противников своего любимца внезапно охладела к его бурной деятельности и ограничила денежную помощь на реализацию задуманных им планов и дел. Теперь при всяких удобных случаях она могла даже с раздражением заявлять своим приближенным, что «Бецкой присвоит себе славу государственную», иначе говоря, приписывает себе заслуги императрицы в проведении ею воспитательной российской реформы.

После передачи дворца Разумовского Воспитательному дому, а позже Николаевскому женскому сиротскому институту здание неоднократно перестраивалось внутри и приспособлялось к специфическим условиям работы размещенных в нем учреждений. Наиболее существенная перепланировка состоялась в 1798–1799 гг. В этот период произвели реконструкцию большинства дворцовых помещений и переделку значительной части его роскошных интерьеров. Одновременно с этим интенсивно перестраивались флигели, симметрично построенные по обеим сторонам парадного двора.

В 1829–1834 гг. к зданию бывшего дворца пристроили домовую церковь и двухэтажный лазаретный корпус. В 1842–1844 гг. лазаретный корпус надстроили третьим этажом. Возведенное в глубине участка здание бывшей Покровской церкви соединили переходом с главным дворцовым корпусом. Храм построили в 1843 г. по проекту архитектора Джакомо Квадри. Нижний этаж церкви предназначался для Трапезной, а два верхних этажа занимали священнослужители и храмовые помещения.

В Воспитательный дом принимались «безродные» младенцы, сироты-подкидыши, дети-инвалиды в возрасте до десяти месяцев. Поступление ребенка в Воспитательный дом проходило весьма оригинально, без бюрократических процедур и опросных листов. Человек, принесший ребенка, обычно звонил в дверной колокольчик, дверь в прихожую открыва-

лась, после чего сверху на веревке спускалась корзина, в нее принесший укладывал ребенка и уходил. Корзина же поднималась в приемный покой Воспитательного дома. Нередко процедура заменялась банальной передачей ребенка дежурному швейцару у дверей.

Ежегодно в Воспитательный дом поступало от трех до восьми тысяч детей. Для выкармливания младенцев администрация Воспитательного дома постоянно нанимала более девяти тысяч кормилиц. После девятимесячного периода ребенка отдавали в добропорядочное семейство, но при этом продолжали наблюдать за его содержанием, воспитанием и здоровьем вплоть до его женитьбы или замужества. Указом императора, финансирование Воспитательного дома производилось либо за счет дохода столичных театров, перечисляющих администрации 10 % своей прибыли от каждого спектакля, либо отчислений части денежных доходов от продажи игральных карт.

Прекрасный лазарет, открытый при Воспитательном доме, принимал неимущих рожениц. Приходящих туда рожать женщин не спрашивали, кто они, откуда прибыли, кто отец ребенка. Появившийся же на свет младенец становился воспитанником этого учреждения и приобретал статус свободного гражданина России. Всех приходящих беременных женщин принимали круглосуточно, отводили в родильный зал к опытным повивальным бабкам, коим строго воспрещалось расспрашивать рожениц, кто они и откуда. В случаях, если роженица не хотела, чтобы ее запомнили в лицо, то им позволялось рожать в черных масках. Кроме повивальных бабок, в госпитале Воспитательного дома работало шесть дипломированных опытных лекарей-акушеров.

Руководитель столичного Воспитательного дома граф И.И. Бецкой каждый год регистрировал увеличение числа «безродных» младенцев, приносимых разными лицами в приемное отделение. Проанализировав возможные причины подобного «поветрия», добрейший Иван Иванович в очередном правительственном рапорте на имя патронессы организации, императрицы Марии Федоровны, вынужден был указать две основные причины подобного роста. Первая из них относилась к младенцам, родившимся в семьях крепостных родителей, которые оставляли своих детей в Воспитательном доме, ради того чтобы они обрели свободу. Попавший сюда ребенок терял родителей, но получал статус свободного российского гражданина. Вторая же группа рожденных в Воспитательном доме младенцев и подкинутых к его дверям относилась к родителям свободных законнорожденных детей и отчужденных от родительского попечения, семейного быта не по причине крепостной зависимости или нищеты, а для того чтобы этим поступком вывести своих детей из сословия, к которому они принадлежали, и предоставить им таким образом возможность продвинуться по гражданской службе выше своего первоначального состояния. Все знали, что дети-подкидыши, отдаваемые в семьи, могли найти в будущем реальную поддержку своих высоких патронов по Воспитательному дому, в котором, между прочим, практиковалась возможность некоторым наиболее способным воспитанникам завершить образование в столичных гимназиях или иных учебных перспективных заведениях. Правда, внезапно, в декабре 1837 г., правительство императора Николая I категорически запретило принимать питомцев Воспитательного дома не только в гимназии, но и в учебные заведения более низкого уровня.

Со временем в столице, на левом берегу реки Мойки, формируется довольно солидный комплекс корпусов петербургского Воспитательного дома. Кроме дворца Разумовского (дом № 48) в него включается дом № 50, купленный некогда казной у богатого столичного купца, поставщика Императорского двора Г.Х. Штегельмана, построившего в конце XVIII столетия на левом берегу Мойки двухэтажный особняк по проекту архитектора Растрелли. Наконец, третий особняк под № 52, так же как и дом Штегельмана, был возведен на рубеже XVIII–XIX столетий для богатого фабриканта Битерпажа.

Дворец Штегельмана, набережная реки Мойки, 50

Сегодня старинная усадебная постройка Г.Х. Штегельмана, расположенная в глубине парадного двора, смотрится довольно импозантно и внушительно. В глаза бросаются три солидных ризалита, причем средний выступ здания по существу является удобным подъездом к главному входу старинного особняка. Подобную солидную внешность дом приобрел после его продажи первым хозяином и его перестройки новым владельцем в стиле модного раннего классицизма. На его старом фасаде появляются украшения в виде лепных барельефов (античных ваз). Его первый хозяин – поставщик Императорского двора, являлся хорошим приятелем придворного зодчего Ф.Б. Растрелли, и тот, по-дружески «разрываясь» между заказами царского двора и строительством дворцового особняка графа А.Г. Строганова, проектирует в 1750-х гг. для Г.Х. Штегельмана прекрасный дом в своем любимом стиле русского барокко. Отечественные архитекторы тогда поражались (и удивляются до сих пор) не только великому таланту мэтра архитектуры, но и его неистощимой энергии и работоспособности. Зодчий в те годы почти одновременно завершил постройку Строгановского дворца и усадебного дома Штегельмана.

В ноябре 1763 г. владелец барочного каменного особняка Г.Х. Штегельман скончался. После его смерти в популярной столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости» с некоторым временным перерывом появилось два объявления. Одно о смерти именитого петербургского купца, дне и месте его захоронения, а другое о продаже купеческого особняка на набережной реки Мойки, 50. Особняк продавала вдова поставщика императорского двора: «Бывшего придворного фактора (руководителя торговой конторы. – Г. З.) Штегельмана жена, вдова, продает каменный дом, состоящий на Мье реке, со всеми службами и с садом, в коем каменные оранжереи с разными фруктами и притом пруд с рыбою; желающие оный дом купить, о цене договориться могут с оною г. Штегельманшою».

Покупательницей особняка придворного «фактора» оказалась сама российская императрица Екатерина Великая. Особняк вошел в список казенных дворцовых зданий и был отведен под временное жилье (Мраморный дворец еще не построили) графу Григорию Григорьевичу Орлову, фавориту Екатерины II, одному из организаторов государственного переворота 1762 г.

Перед переездом Г.Г. Орлова в усадебный особняк на Мойке в нем сделали косметический ремонт, перепланировку некоторых жилых помещений и покраску фасада здания. Поселившись на Мойке, фаворит прославился роскошными балами, маскарадами и богатыми пирами, на которых присутствовала императрица и высшая столичная знать. Историки отмечали, что «людям той эпохи свойственна была детская непосредственность, и невольно поражаешься, читая, как престарелые вельможи в лентах и орденах могли весело играть в горелки или прыгать на одной ножке, а после этого важно шествовать в Сенат заниматься государственными делами».

Как и императрица Елизавета Петровна, Екатерина II любила маскарады, дававшие ей возможность переодеваться в мужской костюм. Императрица охотно посещала такие праздники. В Камер-фурьерском журнале сохранились множественные записи о посещении Екатериной II балов, маскарадов и застолий в доме графа Г.Г. Орлова на набережной реки Мойки: «27 декабря 1765 года. Вчерась ввечеру Ее Величество изволила быть у графа Григория Григорьевича Орлова в Штегельманском доме, что на Мойке, там, как сказывают, компания была человек около шестидесяти. Ее Величество возвратиться изволила в час по полуночи. Ужин там был, танцы, песни, пляски и святошные игры. Гости часа в четыре по полуночи разъехались».

В августе 1780 г. граф Г.Г. Орлов из особняка на Мойке переехал в Мраморный дворец. Все те же «Санкт-Петербургские ведомости» сразу же опубликовали объявление дворцовой канторы, обращенное к строительным подрядчикам, «желающим исправить нынешнем временем в Штегельмановом доме, состоящем в ведомстве канторы строения домов и садов, в главном корпусе и флигеле разные работы».

Осенью 1780 г. Императорская кантора строений приступила к серьезной перестройке особняка Штегельмана. Считают, что весь комплекс перестроечных работ проводился под личным контролем бессменного директора канторы архитектора Ю.М. Фельтена.

Очередным обитателем ведомственного особняка после окончания капитальных ремонтных работ в здании оказался граф Фридрих Ангальт, приглашенный на службу в Россию Екатериной II, поручившей ему пост директора Сухопутного кадетского корпуса. Граф Ф.Е. Ангальт посвятил себя воспитанию будущих офицеров. Приступив к работе в 1783 г., Федор Евстафьевич вплоть до своей смерти в 1794 г. отдавал все свои знания и опыт заботам о своих подопечных. Расходуя собственные средства, граф укомплектовал корпусную библиотеку, организовал новейшие учебные кабинеты, значительно повысил эффективность работы по овладению кадетами военными практическими навыками, укреплению их физического здоровья и рациональному режиму в свободное от занятий время. Кадеты искренне уважали и любили своего патрона.

Директора Сухопутного кадетского корпуса люто ненавидел Г.А. Потемкин, обвиняя старого вояку во всех смертных грехах. Князь неоднократно жаловался императрице, требуя его отставки и замены генерал-майором Паленом. Однако Екатерина II не сочла целесообразным удовлетворить просьбу светлейшего князя Г.А. Потемкина и оставила Ангальта на посту директора корпуса.

20 мая 1794 г. граф Фридрих Ангальт скончался. Опустевший после его смерти особняк на набережной реки Мойки (граф не имел семьи) перешел к новому, весьма необычному постояльцу. В огромный усадебный дом перевели из каземата Петропавловской крепости

руководителя польских повстанцев Тадеуша Костюшко, взятого в плен после подавления народного мятежа.

Переезд для мятежного поляка организовала Екатерина Великая, 19 сентября 1795 г. она известила своего хорошего знакомого барона Гримма, рассказывая в письме о Костюшко: «Он все хворает, поэтому я и поместила его в доме Штегельмана, где прежде жил покойный граф Ангальт; при доме небольшой садик, и там он может гулять. Он кроток, как овечка...»

Арестованному предоставили несколько комнат в первом этаже. Польский мятежник жил там под охраной пехотного майора, составлявшего ему компанию за обеденным столом и во время прогулок в саду. Костюшко много читал, рисовал и освоил токарные работы по дереву.

Из русского плена Тадеуша Костюшко освободил император Павел I. Павел Петрович потребовал одного – честного солдатского слова не воевать больше против России, щедро одарил поляка и позволил уехать в Америку.

Федор Астафьевич Ангальт

Особняк же на набережной реки Мойки, 50, Павел I милостиво пожаловал графу А.Г. Бобринскому, а уж тот через несколько месяцев передал пожалованный ему земельный участок на Мойке и старый дом под Опекунский совет петербургского Воспитательного дома.

Откупленные особняки на набережной Мойки (дома № 50 и № 52) по распоряжению директора Императорской конторы строений архитектора Ю.М. Фельтена перестроили для различных служб Воспитательного дома по проектам зодчего П.С. Павлова, в традициях позднего русского классицизма. При этом центр дома № 52 украсили портиком из шести ионических колонн. Под треугольным фронтоном здания прикрепили барельеф с изображением эмблемы Воспитательного дома на воротах со стороны набережной реки Мойки – пеликан, кормящий пятерых птенцов. Издавна изображение пеликана, кормящего своим телом голодных детенышей, стало традиционным символом европейских монастырских

приютов для сирот. Существующая легенда гласит, что пеликан – единственное из существ в животном мире, которое якобы разрывает свое тело, чтобы накормить умирающих от голода птенцов. А когда силы покидают пеликана, птица рвет свое сердце, чтобы голодные птенцы насытились его кровью... Распространение этой легенды по всему миру породило всюду оригинальную традицию изображать пеликана на эмблемах детских больниц и сиротских приютов как своеобразного символа самоотверженной родительской любви и заботы о потомстве.

В 1868 г. перед домом № 52 на набережной реки Мойки торжественно установили памятник И.И. Бецкому с выбитой на его пьедестале надписью: «Иван Иванович Бецкой, по мысли которого основан Екатериною Великою Воспитательный дом в 1770 году». Бюст для памятника скопировал (в увеличенном виде) скульптор Н.А. Лаврецкий с мраморного бюста работы Я.И. Земельчака (1803 г.). Высота бюста – 1 м, высота постамента – 1,9 м.

Пусть читателя не удивляет более ранняя дата основания Богоугодного заведения. Первый Воспитательный дом действительно организовали и открыли в столице в 1770 г. Но тогда он находился не на Мойке, а в стенах Смольного монастыря. Позже его перевели в бывший дворец сестры Петра Великого – цесаревны Натальи на Шпалерную улицу, а затем он уже окончательно расположился (в 1798 г.) в перестроенном дворце Разумовского на левом берегу реки Мойки.

В 1837 г. Воспитательный дом преобразовали в Сиротский женский институт, с 1885 г. именовавшийся Сиротским институтом Николая I. Он предназначался для дочерей чиновников военной и гражданской службы – круглых сирот и полусирот всех вероисповеданий. В своем составе учебно-воспитательное учреждение имело школу для подготовки нянь, фельдшерское училище, специальное отделение, выпускающее квалифицированных домашних учительниц и педагогов сельских школ, а также преподавателей гимнастики, танцев, музыки и даже французского языка. При всем этом Николаевский сиротский институт впервые в России организовал учебное отделение для глухих, возглавляемое в 1880-х гг. основателем отечественной школы сурдопедагогики А.Ф. Остроградским.

Круглые сироты содержались на казенный счет, а за содержание полусирот вносилась плата – 300 рублей в год. Девочки получали здесь образование по программе средних женских учебных заведений. Им прививали необходимые практические жизненные навыки, обучали различным полезным ремеслам и конкретным профессиям. Обычно воспитанницы старшего, практического класса допускались к преподаванию в младших классах института. Позже для особо одаренных девушек при институте открыли музыкальное учебное отделение.

В период с 1829 по 1834 г. здание дворца Разумовского и домов по набережной Мойки № 50 и № 52 вновь капитально перестраивают внутри. Перепланировку помещений проводят уже с учетом специфики и нужд Сиротского института императора Николая I.

В 1881 г. в Петербурге было создано товарищество «Электротехник», предложившее городским властям на свои средства организовать освещение Невского проспекта и ближайших к нему зданий. Городская дума приняла это предложение, несмотря на протесты хозяев керосиновых и газовых компаний, заключивших ранее долгосрочные договоры на освещение столичных улиц газом и керосиновыми фонарями.

Товариществу тогда даже выделили конкретное место возле Казанского собора для строительства электростанции. Однако против электричества неожиданно выступило духовенство, посчитавшее, что это новшество противно Богу. Вето святого Синода категорически запретило возведение электростанции вблизи Казанского собора. Однако энтузиасты товарищества «Электротехник» во главе с инженером А.А. Троицким и будущим изобретателем радио А.С. Поповым заявили тогда: «Не даете участка на земле, построим сооружение на воде, на Мойке».

Менее чем за три месяца тогда смонтировали электростанцию на речной барже, стоящей неподалеку от Зеленого (Полицейского) моста напротив Сиротского института. Первая петербургская электростанция на барже, мощностью 95 киловатт постоянного тока 30 декабря 1883 г. впервые дала электроток фонарям Невского проспекта, осветила помещения его магазинов, Благородного собрания, Городской думы и здания Сиротского института имени императора Николая I.

В 1903 г. на базе Сиротского института по решению руководства Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны организуется первое в России учебное педагогическое учреждение – Императорский женский педагогический институт.

После Октябрьского переворота 1917 г. на обширном земельном участке, занимаемом ранее зданиями столичного Воспитательного дома, Сиротским институтом имени императора Николая I и Императорским женским институтом (дома №№ 48, 50, 52 и 54) постепенно формируется огромный учебный комплекс сооружений, занимаемый сегодня Государственным педагогическим университетом имени А.И. Герцена. История возникновения этого первого советского высшего учебного заведения, как показали исследования историка Р.Н. Яковченко, оказывается тесным образом связана не только с комплексом старинных зданий на набережной Мойки, но и с улицей Гороховой. И действительно, газета «Петроградская правда» в ноябре 1918 г. опубликовала государственное постановление, известившее петроградцев: «В Петрограде учреждается Высший педагогический институт под названием „Третий пед. Институт“, пользующийся всеми правами, полномочиями и преимуществами учебных заведений».

Новое высшее учебное заведение называли «Третьим», поскольку существовавшие до революционных событий Женский педагогический институт и Учительский институт почти одновременно с «Третьим» петроградским вузом соответственно переименовали в «Первый» и «Второй» педагогические институты города на Неве.

Торжественное открытие первого советского педагогического института состоялось 17 ноября 1918 г. в 12 часов в помещении упраздненных учебных курсов Раева, размещенных ранее на Гороховой улице в доме № 20. Гороховую улицу переименовали в 1918 г. в Комиссаровскую, а позже в 1927 г. – в улицу Дзержинского. Новый педагогический вуз на Комиссаровской, 20, открыли при непосредственном содействии и участии советского государственного и партийного деятеля, наркома просвещения А.В. Луначарского и писателя А.М. Горького.

Приехавший из Москвы на торжественное открытие этого института нарком А.В. Луначарский обратился к студентам и преподавателям Третьего педагогического института с добрыми напутствиями: «Нет человека счастливее, чем учитель, потому что он является мастером, который лепит гибкую человеческую глину и придает ей форму более совершенную, чем та, которую отлили обстоятельства...»

Позднее на набережной реки Мойки, 40, в честь этого памятного события – основания Педагогического института – установили мемориальную доску с текстом государственного декрета: «Декрет. В Петрограде учреждается высший педагогический институт под названием „Третий педагогический институт“, пользующийся всеми правами высших учебных заведений. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский. Торжественное открытие состоялось 17 ноября 1918 года». Текст государственного декрета выгравировали на металлической пластине.

В год открытия нового вуза его помещения не отапливались, случались регулярные перебои с освещением. Студентки и преподаватели: будущие академики В.В. Струве, Е.В. Тарле, Б.Д. Греков, В.Л. Комаров, Ю.М. Шокальский, А.Е. Ферсман, О.Д. Хвольсон и другие – не раздевались в аудиториях, сидели в пальто и шубах. Шефом этого института многие

годы оставался А.М. Горький, пытавшийся помочь дирекции вуза наладить его работу. В день 50-летнего юбилея писателя его избрали почетным членом Ученого совета института.

Первоначально «Третий» педагогический институт на бывшей Гороховой улице в доме № 20 располагал тремя факультетами: гуманитарным (со своими отделениями – словесным и историческим), физико-математическим и естествознания. Через год в нем дополнительно организовали факультет иностранных языков. Институт сразу же занял лидирующую позицию в развитии школьного дела. Его 60 талантливых преподавателей не только создавали оригинальные учебные программы для школ, новые учебники и учебные пособия, но и стали руководителями повышения квалификации первых советских педагогов.

В фондах музея истории нынешнего Педагогического университета им. А.И. Герцена бережно хранятся уникальные исторические документы, среди которых особое место занимают мемуары и дневниковые записи преподавателей и питомцев этого вуза. Целый ряд воспоминаний неожиданно объединяет, казалось бы, совершенно неожиданная и весьма далекая для будущих педагогов тема – авиация.

В 1920-е гг. Герценовский педагогический институт активно шефствовал над эскадрилей, где служил будущий знаменитый летчик Валерий Павлович Чкалов. По окончании Московской школы высшего пилотажа, а затем Серпуховской школы воздушной стрельбы и бомбометания в июле 1924 г. В.П. Чкалова направили в ленинградскую Первую Краснознаменную эскадрилью, сформированную из бывшего отряда летчика П.Н. Нестерова. В этом соединении В.П. Чкалов прослужил 4 года, после чего в 1929-1930-х гг. выполнял обязанности летчика-инструктора Ленинградского отделения Осоавиахима.

Тема авиации стала главной в воспоминаниях выпускницы педагогического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена 1925 г.

Ольги Ореховой – жены В.П. Чкалова. Шефство над ленинградской эскадрилей познакомило и связало студентку Педагогического института и отважного летчика.

Ольга Эразмовна вспоминала: «Мы, студенты Герценовского педагогического института, проводили среди красноармейцев культурно-просветительную работу». На одном из концертов для летного состава студентка заметила, как во время ее сольного выступления дверь в зал приоткрылась и в него осторожно вошел коренастый, крепко сложенный летчик, привлеченный ее пением. Дальше совершенно разные по характеру и по выбранной каждым из них профессии люди больше не разлучались.

Их семейная жизнь началась в феврале 1927 г., когда В.П. Чкалов переехал в семью Ореховых на Теряевскую улицу Петроградской стороны.

В фонде исторического музея Герценовского университета сегодня хранятся книги О.Э. Ореховой-Чкаловой, в которых рассказывается о Чкалове – летчике и человеке.

В 1954 г. к Педагогическому институту им. А.И. Герцена присоединили «Второй» институт иностранных языков, а через три года – в 1957 г. – в него влился Педагогический институт им. М.Н. Покровского. Число студентов увеличилось вдвое. Учитывая сложившуюся ситуацию, решением Ленинградского исполкома Педагогическому институту им. А.И. Герцена передали угловой дом № 54/18 по набережной реки Мойки и улице Дзержинского (ныне – Гороховой). В нем разместили два факультета института – русского языка и литературы и исторический.

Последний в этом ряду угловой дом на набережной Мойки и Гороховой улице завершал комплекс учебных корпусов будущего Петербургского педагогического университета. Напомню, что земельный участок с капитальными каменным зданием ранее откупила казна, чтобы в 1818 г. разместить в его стенах первое отечественное Училище для глухонемых детей.

В этом специфическом учебном заведении обучались сто мальчиков и 50 девочек. Им преподавался курс основ русского языка, арифметики, истории и географии. В училище

имелись прекрасные для тех лет производственные мастерские, позволявшие привить детям навыки в освоении разнообразных ремесел.

Памятник К.Д. Ушинскому

До 1918 г. в этом учебном заведении существовали два разных отделения. В первом из них обучались дети из «благородных» семей, а второе комплектовалось «простолюдинами». Для каждого из двух отделений разрабатывалась отдельная учебная реабилитационная программа, были различными повседневная форменная одежда и питание.

30 июня 1961 г. в парадном дворе педагогического вуза открыли памятник выдающемуся педагогу Константину Дмитриевичу Ушинскому (1824–1871). Бронзовая фигура, выполненная по модели скульптора В.В. Лишева, установлена на постамент с цоколем и базой из серого гранита, спроектирована архитектором В.И. Яковлевым. Высота фигуры – 3,5 м, высота постамента – 2 м.

За заслуги в подготовке кадров институт в 1966 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1991 г. удостоивается нового статуса – Государственного университета.

Огромную работу по оказанию шефской помощи Красной армии и в подготовке молодежи к воинской службе выполняла кафедра военной подготовки Герценовского института, созданная в 1926 г. На этой кафедре с 1936 г. студентов обучали профессии военных летчиков-наблюдателей (летнабов) и авиационных штурманов. В те годы отделение военно-воздушной подготовки в институте возглавлял майор Платон Сергеевич Сергеев, бывший прапорщик летного подразделения Императорской армии. После окончания Великой Отечественной войны П.С. Сергеев преподавал тактику ВВС в Военно-воздушной академии.

Среди сотрудников кафедры в 1920-х гг. выделялась фигура лаборанта Бориса Петровича Лазарева, потомственного дворянина, выпускника Пажеского корпуса и Академии генштаба, дослужившегося в 1916 г. до чина генерал-майора, имевшего большое количество боевых наград, включая «Золотое оружие» за храбрость. После революционных событий

1917 г. был командующим Закаспийской армией и комендантом Константинопольского гарнизона, но по личному вызову М.В. Фрунзе в 1924 г. вернулся в Россию. Он являлся близким другом Н.П. Нестерова и летал с ним в одном боевом экипаже.

Сегодня в историческом архиве Педагогического университета им. А.И. Герцена сохранился текст марша студентов отделения военно-воздушной подготовки тех далеких лет, он полон юношеского романтизма, любви к Родине и невероятной жажды подвига:

Распластаны крылья в петлице
И звезды над парюю глаз.
Мы сами – разумные птицы,
И крылья с рожденья у нас.

Мы словом деремса на суше,
А бомбой гремим в небесах.
Никто наш порыв не потушит,
Никто не заронит в нас страх.

Дорогу, дорогу летнабам!
Нас восемь, но с нами весь мир.
По темным межзвездным ухабам,
Нас к солнцу ведет командир.

21 января 1920 г. газета «Петроградская правда» опубликовала сообщение о присвоении Педагогическому институту имени революционера-демократа А.И. Герцена.

Во время Великой Отечественной войны бóльшая часть преподавателей и студентов вуза сражались на фронтах, а оставшаяся часть была эвакуирована на Урал. После завершения войны Педагогический институт им. А.И. Герцена продолжил свою работу в помещении трех зданий на левом берегу набережной Мойки. В 1948 г. в нем открылся факультет, готовящий преподавателей русского языка и литературы для коренного населения Крайнего Севера.

Для этой категории студентов преподаватели факультета создали первые учебники, словари, грамматику и переводы классической литературы – для эвенков, ненцев, манси, чукчей и других народов Крайнего Севера, не имевших ранее своей письменности.

Судьба участка откупщика Кусовникова

Пройдя под Зеленым мостом, переброшенном в створе Невского проспекта, река Мойка через несколько сотен метров пересекает Гороховую улицу со вторым «цветным» петербургским мостом, названным Красным. Свое наименование это мостовое сооружение длиной 42 м и шириной 16, 8 м получило по цвету своей окраски.

Деревянный мост здесь построили в конце первого десятилетия XVIII столетия. В 1737 г. его реконструировали, соорудив разводной пролет для пропуска мачтовых судов. Подобная конструкция Красного моста приписывается историками голландцу Герману ван Болесу

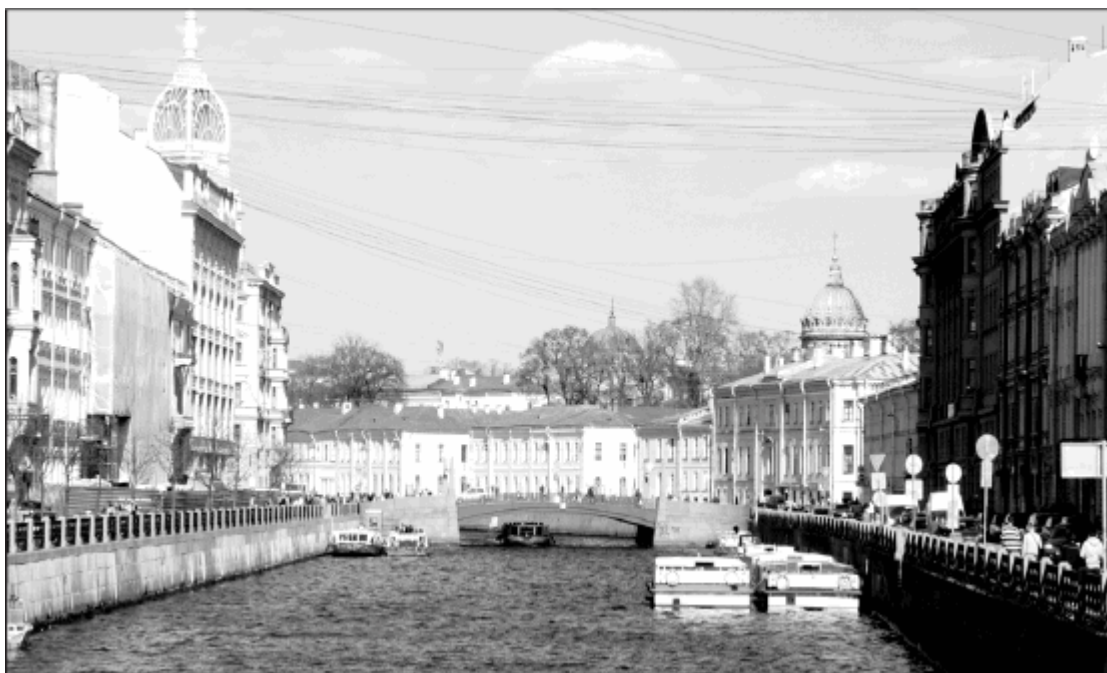
В 1814 г. инженер В.И. Гесте видоизменил пролет старого моста на арочный, чугунный. Пролетное строение Красного моста по аналогии с Зеленым тогда состояло из чугунных полых коробов, конструктивно скрепленных друг с другом. Перестроечные и ремонтные работы XX столетия, сменившие старый чугунный свод новым, сохранили первоначальный внешний вид мостового сооружения с его привычными гранитными обелисками с бронзовыми позолоченными шарами и четырехгранными фонарями на металлических кронштейнах. На нем по-прежнему существуют старинные перила, а его конструкции традиционно окрашены в красный цвет.

Прокладка в столице Средней Перспективной (Гороховой) улицы способствовала в те годы не только сооружению Красного моста через Мойку, но и ее благоустройству. Старую Мью тогда углубили, очистили, а берега укрепили сваями и облицевали деревянными щитами. После чего, по мнению первых петербургских историков, «вода в речке стала видом ясная и чистая, ко вкушению преизрядная».

В первой половине XVIII столетия на левом берегу реки Мойки, в створе Гороховой улицы, на обширном земельном наделе располагался деревянный особняк откупщика и богатого купца Кусовникова. Ныне это участок дома № 58 на набережной Мойки. Место для бойкого и сметливого откупщика, приобретшего у государства за определенную плату право на продажу винных изделий (среди которых особой популярностью у населения пользовалась появившаяся в те годы русская «вейновая» водка, или по-простецки – очищенное хлебное вино), являлось воистину золотым дном. Ценность «бойкого места» для предприимчивого Кусовникова заключалась не только в полученном откупе на продажу винных изделий. Его своевременно заинтересовал «банный промысел», который для многих купцов и чиновников тогда оказался делом мало доходным, да к тому же непрестижным и весьма дорогим. Для некоторых он действительно оказался убыточным делом, но только не для Кусовникова, купившего откуп на содержание торговой бани вблизи своего дома, на левом берегу речки Мьи. С него, как с владельца торговой бани, собирався «банный сбор» в казну, и за оплатой этого налога строго следила в те времена Камер-коллегия Сената.

Бани купца Кусовникова на Мойке пользовались у населения города и ближайших к реке окрестностей огромной популярностью. Иностранцы с ужасом наблюдали за русским обычаем омовения в парных банях и за закаливанием в них взрослых и детей: «... в обычаях русских бросать детей из раскаленной атмосферы бани в холодную воду или в снег. Так их приучают к жаре и холоду, и так они становятся более неуязвимыми к превратностям погоды, чем был Ахилл к ударам вражеских копий и стрел».

Откупщик разрешал в своей бане париться и мыться по-старинному, семьями, невзирая на запрещение Сената «ходить в торговые бани мужскому и женскому полу вместе».

Красный мост на Мойке

Торговые бани на Мойке купца Кусовникова работали четыре раза в неделю: в понедельник, вторник, четверг и субботу. Утренние бани топили обычно с полуночи, а «вечеро-вые» – с полудня. Приток в бани Кусовникова населения столицы обеспечивался не только весьма сносными условиями содержания знаменитого заведения, но и серьезным отношением его владельца к рекламе своего выгодного дела. Кусовников может быть назван в числе первых российских предпринимателей, использовавших рекламу своего дела весьма умело и полезно для себя.

Он оплачивал работу целой группы опытных зазывал, расхваливающих его банное заведение на улицах столицы и державших в руках банный пушистый веник на длинной палке. Отряд зазывал проделывал свою рекламную работу весьма умело. Вокруг них обычно собирались толпы любопытного народа, чтобы с открытыми от удивления ртами увидеть театрализованное выступление «рекламных агентов» Кусовникова о великой пользе именно его русской бани: «Клади денежки на стол, ручки-ножки попаришь, животик поправишь!» или «Когда б не баня на Мойке, все бы мы пропали», ибо «Баня – мать вторая» и т. п., и т. д.

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» регулярно публиковались рекламные объявления о лучших в столице торговых банях купца Кусовникова. У входа на широкий банный двор всегда сидел сборщик «банного» – платы за вход. Мыло и веники приносили с собой или покупали в бане. Бедняки подбирали обмылки и парились «опарышами» (выброшенными вениками). В бане Кусовникова славились своим мастерством знаменитые банщики и парильщики. Они не только топили баню, но умело мыли и лихо парили желающих, натирали их лечебными мазями, содержащими мед, тертую редьку, скипидар и деготь. Их рабочий день, как правило, равнялся 20 часам в сутки. Заработанные деньги они частью отдавали хозяину торговой бани, а оставшуюся долю суточного заработка банщики и парильщики делили поровну на всю артель. Многие ходили в баню Кусовникова специально, чтобы лечиться у приглашенных купцом знаменитых целительниц (в простонародье – «бабок»), те избавляли от болей в пояснице, животе и суставах.

Иностранцы в письмах на родину с ужасом описывали обязательное завершение после чудовищно жаркой парилки – купание в Мойке или в проруби. Датский дипломат при дворе

Петра I Юст-Юль в 1709 г. в своем послании в Датское королевство утверждал, что в России «первый доктор – это русская баня».

С годами откупщик Кусовников богател, растил сыновей, дал им возможность получить серьезное образование, занять должное место в статской службе и государственной иерархии. После смерти главы семейства участок и дом на набережной Мойки перешли по наследству его супруге и детям. Как выглядел дом Кусовникова на левом берегу старой Мьи, к сожалению, не известно. До наших дней не сохранилось ни его описания, ни изображения. Из воспоминаний очевидцев до нас лишь дошло, что «стоял же он за Красным мостом, на левом берегу речки Мьи».

Имеются также сведения, что вначале XIX столетия в одном из домов у Красного моста регулярно проводились общественные балы, весьма тогда популярные у столичной публики. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 22 февраля 1803 г. писала: «Пьер Гюго и Гатовский честь имеют известить почтенную публику, что они каждый четверг и субботу доколе публичные увеселения будут позволительны, давать будут в доме господина надворного советника (по Табелю о рангах этот чин соответствовал военному чину подполковника. – Г. З.) Кусовникова, в коем наперед сего было музыкальное собрание, состоящем у Красного моста, публичные балы. За вход в оные платит каждый кавалер 1 рубль 50 копеек и имеет право привести с собою столько дам, сколько за благо рассудит».

Следует отметить, что оговорка «доколе публичные увеселения будут позволительны...» обусловлена, вероятно, тем обстоятельством, что в Российской империи балы и другие виды увеселительных затей официально запрещались на весь период Великого поста. «Любое же количество дам», бесплатно проходивших в сопровождении кавалера на бал, было вызвано тем, что в начале XIX столетия в Северной столице преобладало мужское население.

Именно тогда огромный земельный участок и дом, принадлежавший наследникам предпринимателя Кусовникова (ныне – участок дома № 58) купил богатый петербургский купец и крупный домовладелец Христофор Таль.

Состоятельный и опытный предприниматель первоначально произвел тщательный технико-хозяйственный осмотр приобретенного выгодного надела с находящимися на нем домом и подсобными постройками. Часть из них он распорядился снести, чтобы построить вместо ветхих строений несколько зданий жилого и хозяйственного назначения. В их числе в глубине участка появилось тогда укромное одноэтажное сооружение в 14 прямоугольных окон, с двумя симметричными боковыми выступами, выходящими к кованой металлической ограде на набережной Мойки.

В него в 1813 г. переехало из соседнего дома Скавронского Английское собрание – самый аристократический клуб Северной столицы. История его возникновения в Санкт-Петербурге уводит нас в самое начало семидесятых годов XVIII столетия. В этот период многие представители иностранной столичной диаспоры, прежде всего по инициативе англичан, 1 марта 1770 г. на Ново-Исаакиевской улице (с 1923 г. ул. Якубовича) организовали Английское собрание, или иначе – «Английский клуб». Его главным организатором и первым председателем тогда стал английский предприниматель Френсис Гарднер. В первом уставе «Английского клуба» особо отмечалось, что «он основан не только для британцев, но и для других народов».

Клуб организован в Санкт-Петербурге с соизволения императрицы Екатерины II, по проекту его инициатора, изучившего в деталях подобное общественное учреждение в Лондоне. В основании российского «Английского клуба» заложено строгое уставное равенство между его членами и «довольно взыскательная баллотировка», имеющая целью «сблизить людей влиятельных при Дворе или в правительстве с людьми богатыми и образованными из других сословий, разнообразить часы их досуга чтением газет, обменом мыслей, город-

скими вестями, игрой в карты, шахматы, кегли и вообще теми удовольствиями, которые дарит общественная жизнь большого круга».

Этот старейший клуб Северной столицы, по мнению И.Г. Георги, «являлся самым ограниченным и степеннейшим. В оном собираются ежедневно и по вечерам. Здесь бывает стол. Обедают же там только два раза в неделю. Члены клуба могут приводить туда чужих в гости, но, если они обедают, за них платить обязаны... Забавы в оном состоят в беседах о вопросах коммерции, политики, а также чтении и в игре, однако же, немного. В оном балов не бывает».

«Английский клуб» особенно привлекал к себе светскую молодежь Петербурга. Вся столичная элита и ее знаменитости стремились обязательно стать его членами. Число желающих вступить в клуб постоянно превышало число вакантных мест. Поэтому кандидаты в члены клуба, как правило, некоторое время ожидали, пока освободиться место, и затем платили вступительный взнос в размере 100 рублей серебром.

Членами Английского собрания являлись многие русские аристократы, известные русские писатели, поэты, художники, скульпторы и артисты.

Автор известного справочника «Петербург весь на ладони» Владимир Михневич вспоминал: «В Царствование Екатерины

Великой в „Англицком клубе“ царствовал русский дух и русская речь, уступившие место позднее французскому языку и французскому бонвианству. Однако ж нравственная сила в общественном мнении все-таки оставалась за Английским клубом, и еще в тридцатых годах „прокатиться кому-нибудь на вороных“ при выборах в члены этого клуба считалось в известных сферах едва ли не позором. Ныне он уже значительно утратил прежнее свое значение, хотя все-таки считается самым аристократическим клубом из всех».

В списках клуба в то время, когда он располагался в доме Таля, значились имена поэта Г.Р. Державина, скульптора Ф.И. Шубина, баснописца И.А. Крылова, архитектора В.П. Стасова, поэтов В. А. Жуковского, А.С. Пушкина и многих других деятелей русской культуры.

При клубе имелась интересная библиотека, специальная «газетная комната» и большой уютный читальный зал. «Английский клуб» существовал под девизом «Согласие и веселие». Штат знаменитых поваров привлекал в него многих известных гурманов. Более 150 лет Английское собрание сохраняло репутацию самого закрытого элитного клуба в Петербурге. Оно неоднократно меняло свое местопребывание в городе.

Первое число марта, день открытия клуба, в Петербурге ежегодно отмечалось особым праздничным обедом его членов. В 1870 г. общественный Английский клуб торжественно отпраздновал свое 100-летие.

В столичных кругах довольно продолжительно существовало твердое убеждение, что появление в Петербурге такого поветрия, как организация общественных клубов, и в их числе Английского, связано с азартными карточными играми. И действительно, в пору организации этого закрытого элитного клуба среди самых разнообразных развлечений петербуржцев далеко не последнее место принадлежало картам. Мода на азартные карточные игры, словно губительная эпидемия, разоряла проигравших, а порой и убивала их. Вначале и в Английском клубе отмечались невероятно крупные выигрыши и катастрофические проигрыши.

В книге «Мифология Петербурга» (СПб., 2002) Н.А. Синдаловский приводит историческое подтверждение беспокойству горожан тех времен: «Так слободу Пеллу известный в то время меломан Мартынов купил будто бы на деньги, выигранные за полчаса в Английском клубе». Столичное руководство вынуждено было в те годы издать указ об официальном запрещении, строгом преследовании и суровом наказании лиц, участвующих или потворствующих азартным играм. После опубликования этого документа в публичных клубах столицы была категорически запрещена азартная карточная игра «по крупному». В Английском

клубе игра в карты позволялась как «времяпровождение, с весьма минимальными, символическими ставками».

В 1830 г. «Английский клуб» переместился из дома купца Христофора Таля на набережной реки Мойки, 58, в переулок Демидова (ныне – Гривцова), проходящий от набережной Мьи до Сенной площади.

По этому случаю газеты опубликовали сообщение о сдаче в доме Таля «помещения с удобными флигелями, дворами и вновь красиво разведенным садом».

После переезда Английского клуба в дом Демидова, располагавшегося в 1830 г. на месте сегодняшнего дома № 64 на набережной Мойки, газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 1 октября 1830 г. опубликовала информацию о том, что «в прежнем помещении Английского клуба в доме Таля на Мойке расположился приехавший из Вены „Театр мира и быстрое путешествие“. Зрелищное представление возглавляет механик Мейергофер, демонстрирующий столичной публике потрясающее мировое зрелище».

Правда, уже летом 1831 г. та же газета опубликовала объявление об освобождении венским механиком арендованного здания на Мойке, 58, и приглашала новых желающих занять на договорных условиях освободившийся дом предпринимателя Х. Таля. И таковые арендаторы не заставили себя долго ждать. На сей раз в доме Таля на Мойке «с удобными флигелями, дворами и с красиво разведенным садом» обосновалось III отделение Его Императорского Величества канцелярии. В начале тридцатых годов XIX столетия на участке дома № 58 длительное время размещались службы государственного политического сыска и следствия, по образному определению А.И. Герцена: «Центральная шпионская контора».

После подавления декабрьского восстания 1825 г. началось спокойное царствование Николая Павловича Романова, длившееся тридцать лет. Царствование Николая I основывалось на единстве самодержавной власти. Все должны были безропотно исполнять царскую волю при строгой иерархии и подчинении дисциплине.

Бывший опальный сановник, граф М.М. Сперанский, считавшийся по старой памяти либералом и, вероятно, знавший, что декабристы собирались включить его в члены своего «временного правительства» и забывший о собственном проекте российской Конституции, после поражения восстания в декабре 1825 г. становится ярким приверженцем монархии. Талантливый человек, известный юрист, законодатель и масон теперь открыто призывает к строжайшей иерархической системе управления Империей. Он принял активное участие в работе Верховного уголовного суда, разбиравшего дела декабристов, и прослыл самым педантичным и ревностным участником этого Верховного судилища. Он даже занял в нем лидирующее положение, напоминая председателю суда о более строгом отношении к вынесению приговоров отдельным политическим преступникам. Именно ему доверили 13 мая 1825 г. доложить Николаю I о результатах работы Верховного суда. После доклада Сперанского вернулось царское доверие к опальному сановнику, и не только это: государь поручил ему подготовить проект закона, оправдывающего самодержавное правление российского императора. А в 1833 г. издан свод действующих законов в 15 томах, подготовленных графом М.М. Сперанским.

Николай I

Перепуганный неудавшейся декабрьской попыткой государственного переворота Николай Павлович сознавал реальную необходимость укрепления монархии в Российской империи и незамедлительного совершенствования полицейского аппарата.

Инициатива проведения новой полицейской реформы и организации в столице надежного государственного надзора и сыска принадлежала любимцу Николая I – генералу от кавалерии Александру Христофоровичу Бенкендорфу прибалтийскому немцу.

Он, бывший член масонской ложи Соединенных Друзей, приятель декабристов, сообщил императору о подготовке будущего переворота. 14 декабря 1825 г. генерал А.Х. Бенкендорф на Сенатской площади командовал войсками, расправлявшимися с разбегавшимися повстанцами. Назначенный членом следственной комиссии по делу арестованных декабристов, он не только сблизился с Николаем I, но и сделался его ближайшим другом.

Писатель начала XX столетия Г.И. Чулков в своей книге «Императоры» объективно описывает психологические портреты русских монархов и приближенных к ним сановников. По мнению писателя, «именно генерал А.Х. Бенкендорф подал Николаю Павловичу служебную записку о реформе полиции, в которой перечислил надлежащие меры для своевременного раскрытия правительственных заговоров и бунтов. К подобным мерам приятель императора в первую очередь относил: „Вскрытие корреспонденции, составляющее одно из средств тайной полиции и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров, известных своей честностью и усердием“...» С этого надо начать, но этого мало – нужны доносчики. На кого же можно рассчитывать? Бенкендорф точно, оказывается, знал, из кого состоит эта категория полезных самодержавных людей: «Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину, доносчики, будут, по крайней мере, знать, куда им обратиться <... > Министру полиции придется путешествовать ежегодно, бывать время от времени на больших ярмарках, при заключении контрактов, где ему легче приобрести нужные связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся к

наживе». Заклучая предложения генерала А.Х. Бенкендорфа, Г.И. Чулков с иронией отмечает, что тот «обеспечил себе помощь подобных ревнителей монархической идеи – гоголевских почтмейстеров, людей, „стремящихся к наживе“, бывших „злодеев“, интриганов и глупцов – полиция должна употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха».

Одобренная императором Николаем I записка Бенкендорфа послужила основой создания знаменитого Третьего отделения Собственной Его Величества Канцелярии. Исполнительным органом новой тайной службы Российской империи стал по указу царя Отдельный корпус жандармов, шеф которого – генерал А.Х. Бенкендорф – возглавил Третье отделение.

Историки полагают, что на желательное местопребывание «центральной шпионской конторы» в столице указал ее шеф – А.Х. Бенкендорф, объяснивший государю свой выбор: «У Красного моста, на левом берегу реки Мойки, вблизи оживленной Гороховой улицы является идеальным местом – не на виду у любопытных горожан и в то же время в непосредственной близости к одной из главных петербургских магистралей». Сердечно благодаря императора за столь высокое служебное назначение, шеф жандармов не преминул спросить государя о его мнении по поводу задач Третьего отделения. Говорили, что на подобный вопрос Бенкендорфа Николай Павлович загадочно улыбнулся и протянул ему носовой платок с дружеским наставлением, что единственная цель новой организации заключается в осушении слез невинно обиженных. Император оказался провидцем, ибо вскоре всем стало известно, что именно по вине этого учреждения действительно было пролито немало слез.

Расположившись в начале 1830-х гг. на набережной Мойки, в доме Таля, на участке сегодняшнего многоэтажного дома № 58, Третье отделение «Собственной Е.И.В. канцелярии» стало выполнять роль «всевидающего и вездесущего царского ока». Столица в короткое время наполнилась агентами, шпионами, проникавшими всюду. В сферу наблюдений сотрудников этой «шпионской конторы» входили семейная и общественная жизнь, личные разговоры и споры, гостиницы, рестораны, чайные и кабаки. Под всевидающее око агентов «шпионской конторы» попадали дворянские балы, дружеские пирушки, различные общества, клубы, театры и даже церкви. Современники стали отмечать, что где бы они ни находились, с кем бы ни встречались, то неизменно замечали какого-нибудь незнакомца, зорко следящего за вами или разглядывавшего кого-либо.

Основными задачами Третьего отделения являлись политический сыск и слежка не только за действиями, но и за мыслями жителей Российской империи. Роль политической полиции выросла необыкновенно. Офицеры жандармского корпуса наделялись правами абсолютного контроля за всеми сторонами жизни, а глава политического сыска граф Бенкендорф – шеф Корпуса жандармов и Третьего отделения – становится отныне лицом, наиболее приближенным к императору.

В 1826 г. в России установилась своеобразная военно-полицейская диктатура с полной централизацией распорядительной и исполнительной государственной деятельности.

В составе Императорской Канцелярии 31 января 1826 г. учредили Первое и Второе отделения, а 3 июля того же года и Третье отделение. 26 октября 1828 г. к их числу добавили Четвертое отделение, 29 апреля 1836 г. – Пятое отделение. Наконец, 30 августа 1842 г. в состав Императорской канцелярии ввели Шестое отделение. Отметим, что каждое из них являлось самостоятельным учреждением, подчиняющимся напрямую императору.

Первое отделение заведовало отчетностью императору всех министров, подготовкой указов по наградам, пенсиям и иным гражданским делам.

Второе отделение императорской канцелярии ведало законодательными государственными актами и указами.

Третье представляло собой орган политического сыска и следствия («Центральная шпионская контора»). В его структуре существовало пять «экспедиций». Первая ведала

политическим сыском, вторая – делами раскола, сектантства и уголовными преступлениями, третья – курировала контрразведку и вела наблюдения за иностранцами, четвертая экспедиция вела крестьянские дела и занималась проблемой профилактики крестьянских волнений и бунтов. И, наконец, пятая экспедиция Третьего отделения контролировала всю издательскую деятельность в Российской империи.

Четвертое отделение «Собственной Его Императорского Величества канцелярии» вело контроль за деятельностью благотворительных организаций Российской империи и за женскими учебными заведениями.

Пятое отделение занималось разработкой реформ о государственных крестьянах, а *шестое* специально организовали «для водворения в Закавказье прочного устройства».

Объем работы Третьего отделения, утвержденный императором Николаем I, выглядел безгранично обширным и весьма ответственным. Оно являлось по своей сути «государевым оком», пользующимся неограниченными полномочиями. Царь требовал от Бенкендорфа строжайшего контроля за всеми формами общественной и политической жизни в империи, всей информации о них во всех подробностях и деталях. Начальник Третьего отделения был обязан чуть ли не ежедневно информировать императора о политических настроениях и экономическом состоянии в губерниях, о любых крестьянских и рабочих волнениях и т. д.

В доме предпринимателя Таля на набережной реки Мойки, 58, располагался официальный штат сотрудников Третьего отделения, в подчинении которого находились жандармы, полиция, а позже и Отдельный корпус жандармов. Подбор официального штата служащих Третьего отделения проводился с особой тщательностью и ответственностью. Штатные чины работали в условиях жесткой личной дисциплины и персональной ответственности. Они обязывались докладывать руководству Третьего отделения о всех происшествиях, случившихся лично с ними или с их коллегами по работе. Под их началом находились многочисленные тайные агенты, провокаторы и завербованные внештатные сотрудники из различных социальных и профессиональных категорий населения, выискивающие везде крамолу. От них также требовалась жесткая дисциплина и активность. За огрехи в работе, не взирая на звания и общественное положение, каждому доставалось суровое порицание и весомое предупреждение о наказании. Даже такой активный агент Третьего отделения, как Фаддей Булгарин, – журналист и писатель, издававший газету «Северная пчела» и журнал «Сын Отечества», регулярно писавший доносы на русских литераторов, в страхе выслушал гневный и нелестный «разнос» шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа после публикаций в своей газете «Северная пчела» очерка «О непостоянной и нездоровой погоде петербургского климата». Глава Третьего отделения учинил перепуганному издателю выговор: «Ты о чем там нахрюкал, свинья! Климат императорской резиденции бранишь! По-твоему, погода в столице непостоянная и несколько вредная... Смотри!»

Особой заботой шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, а после его смерти в 1844 г. – его преемников графа А.Ф. Орлова и генерала Л.В. Дубельта, были российские писатели, критики и журналисты. После утверждения императором Николаем Павловичем в 1826 г. нового цензурного устава цензура подпала под жесткий и весьма бдительный контроль Третьего отделения, а сами цензоры автоматически превращались в осведомителей жандармерии.

Сотрудники Бенкендорфа действовали весьма профессионально, тонко вербуя в число своих агентов и осведомителей видных литераторов, известных владельцев популярных печатных изданий.

Теперь каждодневная жизнь великих русских писателей зависела от Третьего отделения. А.С. Пушкина постоянно приглашали в эту «центральную шпионскую организацию» для объяснений, выслушивания выговоров, «отеческих» внушений и наставлений. Бенкен-

дорф своей рукой наносил резолюции на личных письмах великого русского поэта: «К сведению», «К делу», «Это позволено», «Разрешается» и т. д. и т. п.

Неотвязный взгляд «всевидащего ока» незримо сопровождал творчество знаменитых писателей России. Пушкинист Б.Л. Модзалевский писал, что «отныне Бенкендорф стоял возле Пушкина, бдительно следя за каждым его словом и движением, держа его в своих мягких, но цепких руках».

Александр Христофорович Бенкендорф

Начальник Третьего отделения граф А.Х. Бенкендорф приезжал на набережную реки Мойки в арендуемый у Христофора Таля дом обычно рано утром, с Малой Морской улицы, где имел собственный дом. По воспоминаниям современников, на столе в его кабинете всегда лежали в строгом порядке толстые папки с тайными сообщениями, доносами, вскрытыми письмами, похищенными документами.

По свидетельству барона Корфа, шеф жандармов, предназначенный «отечески» опекать русское общество, «имел самое поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно, но зато он был верный и преданный слуга царю. И Николай I любил его. Во время его болезни в 1837 г. император проводил у его постели целые часы и плакал над ним, как над другом и братом».

Портрет Николая I нельзя нарисовать с достаточной убедительностью, если не поставить рядом с ним его спутника и любимца. Этот, даже по словам сочувствующего ему Греча, «бестолковый царедворец <...> добрый, но пустой», пользовался всеми прерогативами верховного жандарма. «Наружность шефа жандармов, – писал Герцен, – не имела в себе ничего доброго; вид его был довольно общий, соответствующий остзейским дворянам и вообще немецкой аристократии. Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво-добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатичным. Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право мешаться во все, – я готов этому верить, особенно вспоминая пресное выражение его лица...»

Будучи сластолюбцем и ловеласом, этот друг императора всегда был занят мечтаниями или воспоминаниями об альковных приключениях и не в состоянии был сосредотачивать

свое внимание на каком-нибудь деле. Но петербургские обыватели были невзыскательны. Являться к Бенкендорфу на прием было совершенно бесполезно. «Он слушал ласково просителя, ничего не понимая... <...> но публика была очень довольна его ласковостью, терпением и утешительным словом». В своих записях Бенкендорф тоже очень хвалит себя и нисколько не сомневается, что он стоит «на славном посту, охраняя нравственность».

Интересной исторической личностью являлся и начальник штаба Корпуса жандармов Леонтий Васильевич Дубельт – человек с биографией, схожей с жизнеописаниями многих членов Тайных обществ. Боевой офицер и героический участник Отечественной войны 1812 г., раненный в сражении на Бородинском поле. Член масонского общества с репутацией отъявленного вольнодумца, адъютант знаменитых генералов Отечественной войны: от инфантерии – Д.С. Дохтурова – командира корпуса при Бородине, и от кавалерии – Н.Н. Раевского – командира корпуса, героически сражавшегося под Смоленском и Бородином.

Начав службу в армии в возрасте 15 лет в чине прапорщика, в 20 лет он уже подполковник. Примкнув к южным декабристам, дружил с Михаилом Орловым и Сергеем Волконским, являлся членом сразу трех масонских лож. После событий 14 декабря 1825 г. он подпадает под следствие вместе с декабристами, однако обвинений, выдвинутых против него, оказалось недостаточно, его реабилитировали, но отправили в отставку. Бездеятельное существование отставного полковника оказалось для Дубельта невыносимым. Он приезжает в Петербург, чтобы найти применение своим силам и неумной энергии.

Через приятеля Львова Леонтий Васильевич получает предложение от графа Бенкендорфа перейти на службу с тем же полковничьим чином в Третье отделение. Вербовка шефом жандармов в штат своей службы недавнего свободолюбца была рассчитанным и верным приемом Бенкендорфа – вовлечение в штат полицейского аппарата лица благородного сословия из офицеров-вольнодумцев. В сотрудники Третьего отделения Бенкендорф приглашал даже А.С. Пушкина, предлагая ему сотрудничество при обращении поэта за разрешением ехать в армию. При этом шеф жандармов поставил поэту условие отправиться в действующую армию чиновником канцелярии Третьего отделения. Александру Сергеевичу после этого оставалось лишь поблагодарить графа за столь высокую честь и отказаться от подобной милости.

Но подозреваемый в причастности к декабрьскому восстанию полковник Дубельт принял предложение Бенкендорфа и без особых душевных терзаний сменил армейский мундир на жандармский и за короткий срок сделал головокружительную карьеру.

В 1835 г. Леонтий Васильевич назначается начальником штаба Корпуса жандармов и заместителем шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, а через четыре года, в 1839 г., сам возглавляет Третье отделение Его Императорского Величества Канцелярии и становится доверенным лицом Николая I.

Должность главы политического надзора почти полностью изменила вольнолюбивый характер и неумную говорливость участника Отечественной войны 1812 г., не вытравив у Дубельта лишь циничного презрения к своим агентам и платным осведомителям, получавшим за свои доносы символические «тридцать серебряников».

Леонтий Васильевич Дубельт

В «Былом и думах» А.И. Герцен писал о начальнике Третьего отделения Л.В. Дубельте: «Леонтий Васильевич – лицо оригинальное, он, наверное, умнее всего Третьего и всех трех отделений собственной канцелярии. Исхудалое лицо его... усталый взгляд, особенно рытвины на щеках и на лбу ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил, или, вернее, накрыл все, что там было. Черты его имели что-то волчье и даже лисье, то есть выражали тонкую смышленность хищных зверей вместе с уклончивостью и заносчивостью. При всем этом он был всегда учтив».

По мнению А.И. Герцена, он сразу же раскусил лицемерие этого жандарма, умеющего скрывать свои чувства под маской учтивости и благосклонности. Они поняли друг друга. Недаром Дубельт выходил из себя при одном упоминании имени Герцена. В записках И.В. Селиванова отмечается, что «вслед за упоминанием им имени Герцена Дубельт вспыхнул, как порох, губы его затряслись, на них показалась пена.

– Герцен! – закричал он с неистовством. – У меня три тысячи десятин жалованного леса, и я не знаю такого гадкого дерева, на котором бы я его повесил».

Полагают, что именно Дубельт окончательно сформировал жандармский аппарат, создав оригинальный тип «благородного, учтвого и сентиментального жандарма», по отношению к которому общественное мнение стало довольно терпимым. С точки зрения многих, теперь даже рядовые жандармы являлись «цветом учтивости».

В столице всем было известно, что Дубельт проявлял интерес к литературе и пребывал в весьма дружественных отношениях с В.А. Жуковским, но одновременно довольно нелестно отзывался о прочих петербургских литераторах. В столичных литературных салонах пересказывалась знаменитая реплика, высказанная как-то шефом жандармов Л.В. Дубельтом в адрес писателей: «Всякий писатель есть медведь, которого следует держать на цепи и ни под каким предлогом с цепи не спускать, а не то сейчас же укусит!»

С годами шеф Третьего отделения все чаще связывает свою работу с литературными делами, ибо в своем ведомстве он считается одним из самых просвещенных. Особым объектом наблюдения среди литераторов считался А.С. Пушкин. Глава Третьего отделения относил его к наиболее опасным и вредным для общества неблагонадежным вольнодумцам. Поэта окружила целая армия агентов-наблюдателей из числа коллег по литературному цеху

и явных агентов жандармского управления – цензоров. Дубельт, так же как и его предшественник Бенкендорф, невзлюбил поэта и не считал его поэзию полезной.

Уже после смерти А.С. Пушкина издатель Краевский вспоминал, как Дубельт выговаривал ему: «Что это, голубчик, вы затеяли, к чему у вас потянулся ряд неизданных сочинений Пушкина? Э-эх, голубчик, никому-то не нужен ваш Пушкин... Довольно этой дряни, сочинений-то вашего Пушкина при жизни его напечатано, чтобы продолжать и по смерти его отыскивать „неизданные“ его творения, да и печатать их! Нехорошо, любезнейший Андрей Александрович, нехорошо...»

В конце 1838 г. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии выехало из дома Таля на набережной реки Мойки и разместилось на набережной Фонтанки у Цепного моста (современный адрес – наб. р. Фонтанки, 16). Дом этот сохранился в перестроенном виде до наших дней. В особняке же предпринимателя Христофора Таля до 1862 г. еще оставались корпус жандармов и Главная императорская контора. В 1839 г. генерал-майор Леонтий Васильевич Дубельт становится управляющим Третьего отделения с сохранением должности начальника штаба Корпуса жандармов. Он занял одну из главнейших должностей империи. Судьба была благосклонна к Дубельту. Он пережил всех своих соперников по службе и многих подопечных.

Уже на склоне лет Дубельт получает письмо от своей супруги Анны Николаевны из имения Рыскино. Она в восторге пишет: «...твое имя гремит по всей России, меня все любят и слушают в здешнем углу...» Кроме того, жена в апреле 1852 г. сообщает мужу: «Идут приготовления к браку сына Михаила с дочерью Александра Сергеевича Пушкина – Натальей

Александровной, живущей со своей матерью Натальей Николаевной и отчимом генералом Ланским».

К осени свадьба была уже решенным делом и даже одобрена самим императором. Сын главного российского жандарма женится на дочери поэта-вольнодумца. Родство с дочерью Пушкина не приводит Дубельтов к добру. Молодожены затевали неслыханные ссоры и сцены. Михаил Дубельт нещадно бил свою супругу и этот брак вскоре завершается разводом.

После смерти Николая I новый император Александр II назначает шефом жандармов князя Василия Долгорукова. Дубельт же возводится в чин полного генерала, увольняется в отставку и уезжает в свое имение. Его имя, еще совсем недавно повергавшее многих в трепет, постепенно забывается.

В начале 1880-х гг. наследники Христофора Таля и его вдовы разделили между собой огромный земельный участок, выходящий на левый берег реки Мойки и Гороховую улицу в непосредственной близости от Красного моста, на причитающиеся им надель, и приступили к ремонтным работам некоторых зданий, к их надстройке коммерческими доходными этажами и сдаче отдельных строений в аренду.

Именно тогда богатый петербургский коммерсант А.В. Контан арендовал у одного из наследников Х. Таля дом № 58, ранее занимаемый Третьим отделением Е. И. В. Канцелярии, отремонтировал его и открыл в нем популярный ресторан «Контан».

Правда, просуществовал этот ресторан в стенах бывшей «центральной шпионской конторы» сравнительно недолго, и не в этом здании он стал знаменитым фешенебельным рестораном Санкт-Петербурга, вошедшим в четверку элитных заведений на Мойке, о которых с ностальгией вспоминали наши земляки в далекой эмиграции. У Николая Агнивцева в цикле стихов, объединенных названием «Блистательный Санкт-Петербург», есть такие строки:

«Кюба»! «Контан»! «Медведь»! «Донон»!
Чьи имена в шампанской пене
Взлетели в Невский небосклон
В своем сверкающем сплетенье!..

Набережная реки Мойки, 58

В 1885 г. у А.В. Контана закончился срок действия арендного договора, и хозяин не желал продлевать аренду старого дома Таля на новый срок, ибо собрался выгодно продать его богатому предпринимателю А. Жуэну, решившему возвести на престижном берегу Мойки высотный для того времени доходный дом.

Новый хозяин прибрежного участка А. Жуэн распорядился снести старый дом Х. Таля, а затем заказал городскому архитектору Р.Ф. Мельцеру проект нового доходного дома на красной линии левого берега реки.

В 1913 г. под надзором архитектора Р.Ф. Мельцера здесь возвели семиэтажный доходный дом № 58 в стиле модернизированной классики.

Три высоких проезда жилого дома специально предусмотрены проектом зодчего не только для транспорта, но и для обзора с набережной реки прекрасной панорамы озелененного двора.

Проходили годы, приближающие смутные времена двух революций 1917 г. После 1917 г. в доме № 58 разместили аккумуляторный завод «Тюдор» – единственное промышленное предприятие подобного рода не только в этой бывшей аристократической части Северной столицы, но и вообще в Петрограде.

В годы советской власти в этом же доме на левом берегу Мойки находилось Научно-производственное объединение «Пигмент» – разработчик и поставщик лакокрасочных материалов.

Ресторан «Контан» под крышей гостиницы «Россия»

Рядом с земельным наделом Христофора Таля располагался участок купца Н.И. Соболева, владельца нескольких бань, возведенных им здесь. Его бани отличались удобством и роскошной отделкой. Семейные «нумера» стоили в те годы до 6 и даже 10 рублей за одно посещение бани. Только один банный промысел приносил купеческому семейству высокий стабильный доход, позволивший Н.И. Соболеву выгодно вложить деньги в строительство четырехэтажной каменной гостиницы в пределах принадлежащего ему родового земельного участка.

Гостиница Н.И. Соболева «Россия», построенная по проекту петербургского архитектора Н.П. Басина в 1871–1872 гг. (наб. р. Мойки, 60), являла собой образец рядовой постройки в духе модной тогда эклектики. При планировании гостиничных помещений архитектор Басин предусмотрел размещение на ее трех верхних этажах различных по своим размерам, отделке и меблировке номеров. Гостиница «Россия» предлагала постояльцам два типа «номеров»: дорогие, выходящие окнами на набережную Мойки, стоимостью до 25–30 рублей в стуки, и более дешевые «порядочные», с не столь пышной отделкой, с меньшими удобствами и без прислуги, с окнами, обращенными во внутренний двор.

Администрация гостиницы «Россия», для упрочения своей известности, в качестве дополнительной услуги бесплатно посылала к вокзалам к приходу поездов собственные фирменные экипажи для желающих остановиться в ней.

Петербургские гостиницы и рестораны часто располагались под одной крышей друг с другом, что повышало доходы тех и других.

Н.И. Соболеву удалось уговорить владельца ресторана «Контан» перебраться с соседнего участка на Мойке, 58, в первый этаж гостиницы «Россия». Переезд «Контана» на небольшое расстояние вниз по течению Мойки позволил его хозяину А.В. Контану не только полностью сохранить старый контингент посетителей, но привлечь новых гостей в свое заведение. Деловой союз двух опытных предпринимателей юридически оформили в 1885 г., и газета «Петербургский листок» опубликовала извещение, что «в гостинице „Россия“, находящейся на набережной Мойки, 60, с 25 августа будет находиться ресторан „Контан“».

В новых помещениях «Контана» теперь регулярно устраивались творческие вечера людей искусства и литературы. В 1888 году в его банкетном зале собрание литераторов, художников и издателей торжественно отметило 70-летний юбилей художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского, а позже здесь же прошел творческий вечер композитора, пианиста и дирижера Антона Рубинштейна.

В 1899 г. в зале ресторана состоялся банкет в честь 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. В 1907 г. здесь с большим успехом прошел творческий вечер певца Н.Н. Фигнера и вечер в честь скульптора Паоло Трубецкого – автора памятника Александру III на Знаменской площади.

«Контан» под крышей гостиницы «Россия» становится одним из самых знаменитых ресторанов Петербурга. Теперь здесь постоянно собирались знаменитости от литературы и искусства, затевающие во время застолий философские разговоры и полемики. Обсуждались слухи, домыслы и сплетни о последних литературных новинках, пьесах и спектаклях.

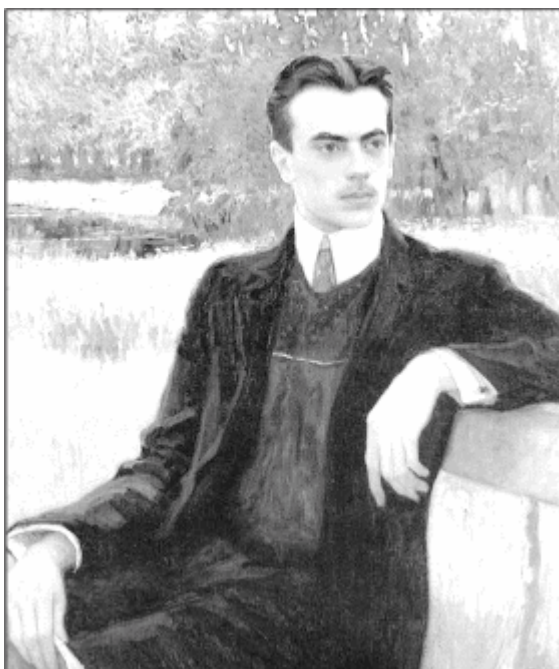
«Контан» нового XX столетия превратился в своего рода литературно-художественный клуб. Среди публики, всегда переполнявшей этот модный ресторан, можно было встретить постоянных посетителей: А.И. Куприна с его вечным попутчиком клоуном Жаколино, поэта А.А. Блока, А.Н. Толстого, писателей А.В. Амфитеатрова, А.Т. Аверченко и многих других.

В «Контане» кроме общих залов обустроили специальный кабинет для людей искусства. Известные поэты тех лет читали здесь свои стихи, произносили экспромты, а художники создавали оригинальные рисунки и дружеские карикатуры. Эту художественную «продукцию» администрация ресторана вставляла в застекленные рамы и украшала ею стены «Контана».

С рестораном «Контан» связано трагическое происшествие в княжеском семействе Юсуповых – трагическая гибель в 1907 г. на дуэли их старшего сына – Николая Феликсовича.

В своих воспоминаниях его младший брат – Юсупов Феликс Феликсович, граф Сумароков-Эльстон, писал: «Николай влюбился в девицу, помолвленную с одним гвардейцем, и собирался на ней жениться. Свадьбу же с гвардейцем откладывали, и жених потребовал назначить день. Николай пришел в отчаяние, девица рыдала и уверяла, что „скорей умрет, чем выйдет за немилого“. От брата я узнал, что она устраивает ему прощальный ужин в ресторане „Контан“ накануне своего венчания с гвардейцем...»

Во время ужина невеста, разгорячившись от вина, в слезах кинулась умолять Николая бежать с ней. Младшему брату, присутствующему на прощальном ужине, пришлось идти к ее матери и не без труда уговорить ее вмешаться. Когда Феликс Юсупов привел маменьку в ресторан, невеста гвардейца бросился к ней на шею. Младший брат, воспользовавшись переполохом, улучил минуту и увез Николая домой, во дворец на Мойке.

Николай Феликсович Юсупов

Феликс Феликсович Юсупов

Свадьба с гвардейцем состоялась, Николай Юсупов как будто бы успокоился и продолжил учебу. Но затем он все же вновь стал встречаться с уже замужней дамой – своей прошлой любовью. По Петербургу поползли слухи о том, что гвардеец по требованию офицерского собрания и по закону чести вызвал князя Николая Юсупова на дуэль. Однако старший сын заверил обеспокоенных родителей в несостоятельности слухов.

В один из вечеров младший брат Феликс нашел на своем столе записку от брата Николая. В записке от старшего брата он обнаружил приглашение на ужин в «Контан». При разговоре с княгиней Зинаидой Николаевной ее младший сын узнал, что противники якобы помирились и поединка не будет. «Про дуэль все ложь, – сказала она. – Николай был у меня».

Однако, придя в назначенное время в ресторан, Феликс убедился, что Николая там не оказалось и что он там не появлялся. Наутро камердинер Иван разбудил своего барина с плачем: «Вставайте скорей! Несчастье!..» В кабинете отца Феликс увидел носилки, на которых лежало мертвое тело брата. Около носилок – родители. Княгиня Зинаида Николаевна, стояла на коленях перед телом сына. Она, казалось, обезумела от горя, сцена была ужасна. Как выяснилось, дуэль все же состоялась ранним утром в имении князя Белосельского на Крестовском острове. Противники стрелялись на боевых револьверах с тридцати шагов. По данному знаку Николай Юсупов выстрелил в воздух. В ответном выстреле гвардеец промахнулся, после чего потребовал ужесточить условия поединка, сократив расстояние до пятнадцати шагов. Николай Юсупов вновь выстрелил в воздух, а гвардеец на сей раз не промахнулся.

*Ф.Ф. Сумароков-Эльстон, З.Н. Юсупова, Ф.Ф. Юсупов, Н.Ф. Сумароков-Эльстон.
Фото 1900-х гг.*

Великим событием в истории ресторана «Контан» стал дипломатический прием и ужин в 1916 г. В нем тогда собрались представители союзников – России и Франции, сражавшихся против общего врага, кайзеровской Германии. По просьбе посла Французской республики официальное торжество по случаю 25-летия франко-русского пакта о совместных действиях в случае угрозы войны отмечалось в ресторане «Контан». Юбилейное торжество прошло в присутствии высших государственных сановников и дипломатов с супругами. Российское правительство находилось на приеме в полном составе, во главе с тогдашним председателем Совета министров Б.В. Штюрмером.

Перед началом приема исполнились государственные гимны обеих стран. Ф.И. Шаляпин на французском языке спел «Марсельезу».

Война продолжалась. Вести с фронтов самые разноречивые – то о победах, то о поражениях. Театры, шантаны и рестораны ломались от публики, война сытно кормила казнокрадов, напропалую кутило тыловое офицерство. Петербург начинает наполняться сестрами милосердия в белых косынках и инвалидами. Летом 1916 г. возникают перебои с продуктами. На улицах все чаще встречаются люди с уставшими, хмурыми лицами.

Гостиница «Россия», считавшаяся надежным и достаточно комфортным приютом не только для россиян, но и для зарубежных гостей, не выдержав условий Первой мировой войны 1914–1918 гг. да и разрухи после революционных событий 1917 г., прекратила свое существование.

В первые дни после Октября 1917 г. в ее помещениях размещался центр контрреволюционного заговора, возглавляемого одним из лидеров «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела» и лидером крайне правых во II и IV Государственных думах Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем.

3 ноября 1917 г. в штабе Петроградского военного округа задержали прапорщика Е.В. Зелинского, признавшегося на допросе, что он по заданию В.М. Пуришкевича пытался похитить чистые бланки документов штаба военного округа. Кроме того, арестованный Зелинский сознался, что он по приказу Пуришкевича похитил автомобиль, убив шофера, и должен был раздать красноармейцам коробки с конфетами, отравленными цианистым калием.

Розыски главы контрреволюционной петроградской организации продолжались несколько дней. Пуришкевича обнаружил и арестовал в гостинице «Россия» 5 ноября 1917 г. отряд красноармейцев под командованием комиссара и члена Военно-революционного комитета А.И. Таранова-Родионова, проводивший обыск в помещениях и номерах этого отеля. Аресту Пуришкевича помог случай и бдительность одного из солдат, участвовавшего в обыске.

Своевременно узнав от своих агентов о начавшейся облаве и обысках в номерах отеля, Пуришкевич переоделся, загримировался, надел на голову парик и, выйдя из своего номера с зажженной керосиновой лампой, присоединился к группе, производящей досмотр номеров на его этаже. Вместе с ними он обходил гостиничные помещения, помогал солдатам, заглядывал в шкафы и под кровати, подсвечивал им своей керосиновой лампой в темных частях комнат. Действовал весьма активно, изображая помощь в розыске врага советской власти. Но, вероятно, слегка переиграл. Одному из солдат активность старого интеллигента показалась крайне подозрительной, а его прическа весьма странной. Любопытный боец не удержался и сдернул парик с активного помощника. Перед бойцами оказался человек, опознанный как В.М. Пуришкевич. При допросе выяснилось, что он проживал в гостинице «Россия» по чужому паспорту.

Владимир Митрофанович Пуришкевич

При его обыске и осмотре занимаемого им номера обнаружили письма, написанные Пуришкевичем к идейному монархисту и атаману войска Донского генералу А.М. Каледину. В них Пуришкевич сообщал, что его организация работает, «не покладая рук, сплачивает

офицеров, бывших учащихся кадетских училищ и юнкерских полков для борьбы с большевиками». Лидер «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» предлагал атаману Каледину двинуть казачьи войска на Петроград, заверяя, что его армия будет надежно поддержана «активными наличными силами города», которые возьмут на себя наведение порядка в столице. По этому поводу Пуришкевич писал донскому казачьему атаману, что «теперь с бунтовщиками необходимо расправляться только публично, массовыми расстрелами и виселицами».

Набережная реки Мойки, 60

При тщательном обыске, проведенном во всех номерах гостиницы «Россия», обнаружили целый склад банок с ядом, большое количество всевозможного боевого оружия и патронов к нему. Контрреволюционный заговор раскрыли весьма оперативно и вовремя пресекли его возможные тяжкие последствия.

18 ноября 1917 г. Пуришкевича за контрреволюционную деятельность приговорили к четырем годам принудительных работ при тюрьме. Однако 17 апреля 1918 г. по ходатайству председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского и комиссара юстиции Северной коммуны Николая Николаевича Крестинского Пуришкевича на время освободили из тюремного заключения по причине «тяжелой болезни сына». С него было взято честное слово в период предоставленного ему отпуска не заниматься политической антисоветской деятельностью. 1 мая 1918 г. в соответствии с декретом Петроградского совета Пуришкевича амнистировали и освободили из заключения.

В конце 1918 г. Пуришкевич уехал из Петрограда на юг и, нарушив данное Дзержинскому честное слово, продолжил работу и сотрудничество с контрреволюционно настроенными офицерами Главнокомандующего Добровольческой армией генерала Антона Ивановича Деникина.

В 1920 г. в Новороссийске Пуришкевич умер от сыпного тифа.

Гостиница Н.И. Соболева «Россия» на набережной реки Мойки, 60, в двадцатые годы прошлого столетия превратилась в национализированный государственный жилой дом с многочисленными коммунальными квартирами.

В 1997 г. в доме № 60 разместилась Петербургская еврейская благотворительная организация инвалидов (Е.В.А). Здесь же обосновались Северо-Западное общество евреев-инвалидов, бывших узников фашистских концентрационных лагерей, и Музей жертв нацистского Холокоста.

Квартал заводчиков Демидовых

Следуя от дома № 60 по набережной реки Мойки вниз по ее течению, вы непременно пройдете мимо двух старинных участков, разделенных друг с другом переулком Демидова. Усадебные участки отличаются своей величиной, и здания на них на протяжении нескольких столетий многократно перестраивались. Небольшой дом из них, наб. р. Мойки, 62 / пер. Демидова, 2, по распоряжению последнего владельца купца Липина в 1863 г. преобразился в доходный четырехэтажный массивный дом, возведенный архитектором Э.К. Гернетом. При его проектировании зодчий использовал старые конструкции строений, располагавшиеся на участке с времен XVIII столетия. Главный фасад доходного дома № 62 располагается по красной линии набережной реки Мойки, оригинально оформлен декором в «стиле Расстрелли» и украшен броской проработкой пластических элементов.

Другой обширный усадебный земельный надел с нынешним жилым домом № 64 своим главным фасадом тоже выходит на красную линию набережной Мойки. Второй, второстепенный фасад здания обращен к бывшему Конному, а позже Демидову переулку – названному по находившейся там усадьбе знаменитых уральских горнозаводчиков Демидовых. В декабре 1952 г. переулку присвоили им героя Великой Отечественной войны А.И. Гривцова. Постановление Ленинградского Исполкома коснулось лишь переулку, а старое название – Демидов тогда сохранилось за соседним мостом через канал Грибоедова.

Набережная реки Мойки, 62

Набережная реки Мойки, 64

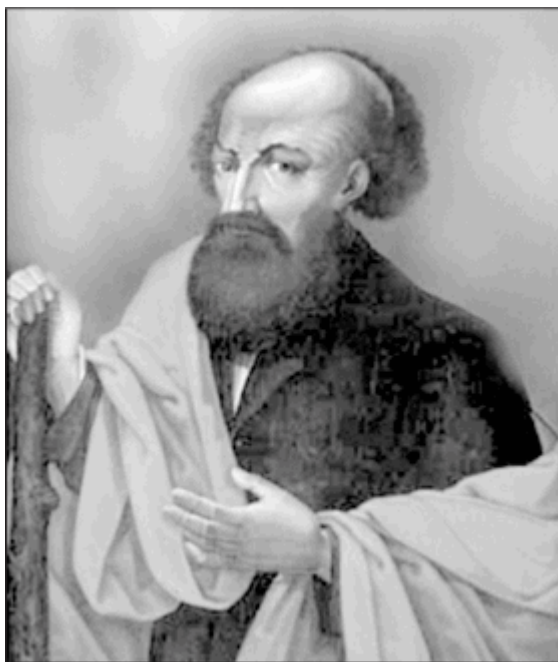
Александр Иванович Гривцов, которому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1944 г. посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, был лучшим водителем 504-го артиллерийского полка. В боях при форсировании реки Нарвы он сумел по тонкому льду переправить орудия своей батареи на левый берег реки. В сложной боевой обстановке А.И. Гривцов также смог доставить на окруженную врагами батарею боеприпасы, проведя свою машину там, где с трудом под огнем противника пробирались пехотинцы артиллерийского дивизиона. При втором рейсе через реку Нарву смельчака убил вражеский снайпер.

Подаренный Петром I в XVIII столетии главе рода Демидовых – Никите – усадебный земельный надел на левом берегу реки Мойки, по описанию историка В. Курбатова: «Занимал весь квартал от Мойки до Офицерской улицы. Усадебный дом располагался в глубине широкого парадного двора, а боковой его фасад выходил в Демидов переулок. Первоначальный деревянный дом № 64/1 был перестроен в каменный барский особняк (по-видимому, в 1860-х гг.), отделанный внутри изящными лепными карнизами и прекрасной росписью потолков всех его апартаментов».

Демидовы среди знаменитых российских семейных кланов занимают особое историческое место со времен деяний Петра Великого. Их имена стали своеобразным символом промышленников-первопроходцев. Следует заметить, что родоначальник Демидовых – Никита, по своему рождению носил иную фамилию, ибо его отец Демид Антуфьев числился в списках государственных крестьян и перебрался из села Павшина в город Тулу, чтобы заняться кузнечным промыслом, к которому имел призвание и немалый талант. В 1790-е гг., после смерти отца, Никита Демидов вошел в известную торговую группу купцов, торговавших железом, и еще до встречи с царем Петром I уже являлся владельцем железоделатель-

ного завода, выпускающего изделия более качественные, нежели иностранные предприятия того же профиля.

О встрече с Петром I и благожелательном отношении государя к талантливому мастеру Никите Демидову существует несколько легенд. По одной из них, тульский оружейник понравился царю, после того как тот взялся выполнить заказ Петра I на изготовление 300 ружей «по иностранному манеру» в короткий срок и весьма дешево. Кроме того, при сдаче подряда Никита Демидов не только искусно починил поломку императорского сложного немецкого пистолета, но и подарил царю прекрасную копию этого оружия, сделанную руками тульского оружейника Демидова. Петр I всегда умел ценить таланты мастеровых людей и оказывал помощь умельцам. Он наградил Никиту Демидова землей близ Тулы для строительства оружейного завода, а в 1701 г. выдал искусному мастеру грамоту, позволявшую ему расширять производство за счет покупки земельных участков.

Никита Демидов

В 1702 г. талантливый предприниматель «бил челом» Петру Алексеевичу о передаче ему Невьянского железоделательного завода на Урале. С этого момента начинается новая эпоха для Демидовых, ставших по сути хозяевами Урала. Тогда Никита Демидов отправил на Урал своего сына Акинфия, предварительно, по наказу своего батюшки, прошедшего в Саксонии обучение секретам железорудного дела и металлургического производства. Именно Акинфию Демидову удалось создать знаменитую промышленную империю Демидовых, производящую к 1716 г. 52 % всего русского металла. Ему не только в короткий срок удалось построить на Урале предприятия, но и одновременно с ними открыть и освоить богатые уральские и алтайские рудные месторождения.

После смерти Никиты Демидова в 1725 г. хозяином многочисленных заводов, месторождений и поместий становится его сын Акинфий, писавший в одном из писем к А.Д. Меншикову: «Фабрики, как малые дети, требуют постоянного внимания». Еще в 1720 г. Демидовы получили по указу Петра I грамоту на дворянство, что дало им право на законном основании покупать крепостных рабочих для своих фабрик и заводов. В 1737 г. Акинфий Демидов обратился к императрице с просьбой: всех его рабочих, формально числившихся свободными, впредь считать его крепостными. Демидовы прославились особой жестоко-

стью в отношении к своим рабочим и не останавливались ни перед чем в борьбе с конкурентами. Однако все жалобы обиженных не принимались во внимание, и виновник всегда избегал сурового наказания, ибо под его началом находилось тогда самое высокоэффективное производство, не имевшее в России аналогов ни в частном, ни в государственных секторах экономики.

Акинфий Никитич Демидов

В 1740 г. Акинфий Демидов становится статским, а через четыре года – действительным статским советником. К тому же в 1744 г. указом императрицы Елизаветы Петровны было отмечено, что «Акинфий Демидов находится под особым покровительством государыни, освобожденный вместе со своими братьями от обязательной военной службы, многих обременительных налогов». Неподвластный никому, кроме российской императрицы, предприниматель, по мнению большинства современников, «оказался тогда самым свободным человеком в России».

После смерти Акинфия Демидова в 1745 г. все принадлежавшие ему предприятия, месторождения и поместья перешли по наследству его сыновьям – Прокопию, Григорию и Никите. Его старший сын Прокопий делами предков не интересовался и продал свою долю купцу Яковлеву. Прокопий прославился в России благодаря своей благотворительной деятельности и финансовой помощи Московскому воспитательному дому и денежными крупными вкладами в стипендиальный фонд студентам Московского университета. В Москве им было основано Демидовское коммерческое училище и организован замечательный ботанический сад. Отошел от железорудных дел и второй сын Акинфия – Григорий Демидов, чей отпрыск – Павел, стал известным естествоиспытателем, подарившим Московскому университету свою коллекцию минералов и обширную многотомную научную библиотеку. В 1803 г. на собственные средства он основал Демидовский лицей в Ярославле, а в 1880-е гг. на его денежные вложения открыли Томский университет.

Только младший из сыновей Акинфия Демидова – Никита продолжил отцовское дело и даже построил целый ряд новых фабрик и заводов. При всем этом он был прекрасно образованным человеком. Его же сын Николай предпринимательству предпочел военную и дипломатическую карьеру, был российским посланником во Флоренции, где собрал редкую коллекцию картин для своей художественной галереи.

Дети Николая Демидова – Павел и Анатолий также не заботились расширением потомственного дела и занимались унаследованными заводами через своих управляющих. Павел, отличившийся на военной и гражданской службе, в 1831 г. становится учредителем самой почетной (до 1917 г.) Демидовской премии Петербургской академии наук, присуждавшейся за достижения в области науки, техники и искусства.

Анатолий Демидов зарекомендовал себя талантливым дипломатом и большую часть своей жизни провел за границей. Женившись на племяннице Наполеона I, он добавил к своему дворянскому российскому званию титул князя Сан-Донато.

С именем одного из наиболее одаренных зодчих начала 1850-х гг. – Саввы Ивановича Чевакинского – связывается первая перестройка усадебного дома на Мойке, принадлежавшего в те годы Григорию Акинфиевичу Демидову – брату Прокопия Акинфиевича. Каменный дом Г.А. Демидова в два этажа на углу наб. р. Мойки, 64, и по Демидову пер., 1, архитектор возвел в 1755–1756 гг. на месте снесенного усадебного деревянного здания. В 1755 г. столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовала объявление о том, что вновь построенные палаты названы «новым каменным домом». Особняк Григория Акинфиевича Демидова располагался в глубине обширного дворового участка. С южной стороны перед ним был распланирован регулярный сад. Дом лишь частично сохранил свой внешний облик, типичный для архитектуры русского барокко.

Фасад каменного дома, обращенного в сад, не претерпел значительных изменений. Его замечательной и характерной особенностью являлись литые из чугуна декоративные детали фасада и открытая терраса с лестницами-спусками в сад из парадных покоев дома. Все металлические детали отлили на заводе Демидова. Открытую террасу садового фасада поддерживают ионические колонны, также отлитые из чугуна. Превосходно прорисованы сандрики над окнами, тонко и выразительно сделаны модели для скульптурных отливок. Примечательна маска Геркулеса в композиции с атрибутами героя – палицей и шкурой немейского льва. Очень лирично трактованы прелестная головка девушки и голова женщины, нежно склонившейся к ребенку. Они воспринимаются как портреты реальных персонажей, быть может, членов семьи Демидовых. Фасад дома – один из лучших примеров синтеза архитектуры и скульптуры в русском барокко середины XVIII столетия.

Главный фасад здания, выходивший на Мойку, был перестроен и, к сожалению, утратил свой первоначальный облик. В 1870 г. бывшую усадьбу Демидовых купил петербургский купец 1-й гильдии К.Т. Корпус. По его инициативе на месте усадебного дома Демидова, старинных флигелей и парадного двора построили пятиэтажный доходный дом № 64 на красной линии набережной Мойки.

Автор проекта доходного дома № 64 – архитектор А.Р. Гешвенд – встроил в здание фрагменты двух симметричных двухэтажных флигелей, ранее обрамлявших парадный въезд на территорию усадьбы со стороны реки Мойки.

Новое здание полностью закрыло старинный фасад усадебного дома Г.А. Демидова, вошедшего в историю отечественной культуры и русского зодчества не только как уникальный памятник русской архитектуры XVIII в.

Велико его мемориальное значение. В этом доме располагались Первая российская консерватория, Английское собрание, столичный «Шустер клуб». В нем в разные годы бывали знаменитые русские зодчие: А.Ф. Кокоринов, С.И. Чевакинский, Ф.И. Шубин, ученики С.И. Чевакинского – И.Е. Старов и В.И. Баженов. Дом № 64 на Мойке стал первой

школой великих композиторов и музыкантов России: А.Н. Рубинштейна, П.И. Чайковского и многих других представителей объединения «Могучая кучка».

Мемориальная доска на доме № 64 удостоверяет: «Здесь на набережной реки Мойки, 64, с 1912 по 1918 год жил и работал основатель оркестра русских народных инструментов Василий Васильевич Андреев».

Наследники знаменитых Демидовых в родовом доме № 64/1 практически не жили, предпочитая обитать либо в Москве, либо в своих многочисленных поместьях. Купец же 1-й гильдии К.Т. Корпус являлся с 1870 г. не только хозяином усадебного надела Демидовых на левом берегу реки Мойки, но и владельцем многих столичных доходных домов, возведенных им в разных частях Петербурга.

Поэтому Демидовы и купец К.Т. Корпус предпочитали в те времена специально нанимать по договору управляющего домом, юридически обязывая этого наделенного немалыми правами человека обеспечивать «сбор арендных денег за помещения и квартиры, ведение финансовых или домовых книг, надзор за дворниками и рабочими по дому, наблюдение за чистотой, порядком и благочинием в доме, приискание подрядчиков и строительных рабочих, заключение с ними условий и расплаты в размере разрешенной суммы, взнос куда следует поземельных и страховых денег и проч. Управляющий отвечал за все по дому упущения и беспорядки, принимал на свой счет и страх все могущие быть последствия от того взыскания, налагаемые административными и судебными властями».

Управляющий с каждым арендатором заключал торжественное условие (контракт), заканчивающийся в те годы строкой, гласившей: «...Условие сие с обеих сторон хранить свято и нерушимо». На документ наклеивалась гербовая марка, и он скреплялся подписями управляющего и арендатора.

В договор входили пункты, обязывающие арендатора сохранять порядок в помещениях и строго соблюдать противопожарные и санитарные меры безопасности.

«Справочник домовладельца» содержал 240 страниц, четко регламентирующих права и обязанности хозяина дома или его управляющего. Домовладелец или управляющий отвечали перед властями за все, что нарушало общественные правила, и несли самую строгую административную или даже судебную ответственность за возможные упущения.

В усадебном доме и флигелях дворян Демидовых, а затем и в доходном доме К.Б. Корпуса на левом берегу реки Мойки (№ 64/1) многие годы помещения арендовали самые различные организации, учреждения и отдельные столичные жители.

Особую популярность в Северной столице в XVIII столетии приобрел Немецкий клуб, основанный в 1772 г. с благотворительной целью. Это заведение арендовало у управляющего горнозаводчика Демидова один из флигелей усадебного дома на наб. р. Мойки, 64. Немецкий клуб периодически менял свои названия. То он официально именовался как «Петербургское немецкое собрание», то числился «Большим бюргерским клубом». Однако в историю увеселительных заведений старого Петербурга Немецкий клуб все же вошел как «Шустер клуб», ибо его первым распорядителем стал немецкий купец по фамилии Шустер. История организации этого клуба в столице делает честь многочисленной немецкой петербургской диаспоре, оказавшей реальную помощь своему земляку, попавшему в беду.

Один из богатых столичных немецких купцов, некий Шустер разорился. Глава немецкой диаспоры предпринял оригинальный способ выручить земляка из беды. На собранные денежные средства в арендованном флигеле усадебного дома Демидова немецкая диаспора организовала Немецкий клуб, а его распорядителем назначили разорившегося купца Шустера.

Петербургский справочник 1770-х гг. тогда свидетельствовал, что данный «клуб с мещанским уклоном» существовал на членские взносы его учредителей. В 1772 г. немец-

кая диаспора Санкт-Петербурга приняла официальный устав нового заведения и установила правила поведения в нем.

В XIX столетии «Шустер клуб» стал настолько популярным в столице, что членство в нем считалось весьма престижным и для русских дворян. Членами Немецкого клуба могли стать только мужчины. В клубе были созданы все условия для приятного отдыха и деловых встреч за обеденным столом.

Во все времена в «Шустер клубе» соблюдался идеальный немецкий порядок, и первые его русские члены удивлялись приверженности немцев к нему даже в мелочах: в обмен на сданную в гардероб одежду каждый из них получил невиданный в ту пору в Петербурге номерок.

В XIX в. во флигеле усадебного дома Демидова, который снимал «Шустер клуб», в нескольких комнатах располагались немецкие благотворительные союзы, организованные по чисто национальному признаку. В 1842 г. здесь находился «Немецкий благотворительный союз» – организатор помощи землякам, приезжающим в Петербург. Им помогали в устройстве на работу, подыскивали жилье, оказывали финансовую поддержку и т. п.

В 1886 г. здесь же находился «Союз подданных Германской империи» для «поддержки проживающих или находящихся проездом в Санкт-Петербурге нуждающихся подданных империи». Кстати, первым почетным членом этого союза являлся князь Отто фон Бисмарк, живший некоторое время в русской столице и работавший в прусской дипломатической миссии.

Прусскому посланнику в Петербурге оказали высокое почтение и уважение. Император Александр II в знак особого внимания к иностранному дипломату вместо принятого по дипломатическому этикету французского языка в беседе с Бисмарком разговаривал с ним на немецком, приглашал дипломата на дружеские обеды и прогулки. Высоко оценивая знания и талант прусского дипломата, Александр II даже предложил Бисмарку – будущему «железному» канцлеру Германии – перейти на русскую службу.

Почти одновременно с организацией во флигеле дома Демидова Немецкого клуба по соседству с ним в столице в усадьбе этого же богатого горнозаводчика открыли первый общественный увеселительный сад, учрежденный вице-директором Императорских театров бароном Эрнестом Ванжурой. В саду по средам и пятницам устраивались танцевальные вечера и веселые маскарады. С посетителей взимали входную плату по 1 рублю с каждой персоны.

Все предусмотренные программой мероприятия в саду начинались с восьми часов вечера. В танцевальном зале постоянно выступали два оркестра: роговой и бальной музыки. На театральной сцене сада выступали драматические артисты. Сочетая декламацию и пантомиму они давали представления со сложными для восприятия названиями, такими как, например, «Капитана Кука сошествие на остров со сражением, поставленным фейхтместером Мире» или «Новый год индейцев». Подобные представления обычно стоили зрителю вдвое дороже.

Общественный сад в усадьбе Демидова просуществовал сравнительно недолго, несмотря на то что его театральные спектакли, по свидетельству столичных газет, «пользовались у публики ошеломляющим успехом».

В 1830 г. во втором флигеле усадебного дома Г.А. Демидова на набережной расположился Английский клуб, ранее находившийся неподалеку – в усадебном доме Христофора Таля у Красного моста.

К моменту своего переезда в усадебный флигель Демидова Английское собрание превратилось в элитарное, закрытое сообщество, и состоять в нем в те годы считалось весьма престижным. Жизнь Английского клуба теперь регламентировалась сформировавшимися годами традициями с обязательным соблюдением норм поведения. В его стенах бывали

только мужчины, женщин в клуб не пускали. Строго воспрещался в его залы вход посторонним лицам. За каждым членом Английского клуба навсегда закреплялось место за обеденным столом. Бывало, что два старых друга, решивших встретиться и пообедать в клубе, вынуждены были обедать в разных местах обеденного зала или сидеть спинами друг к другу.

После переезда в дом Демидова в Английском клубе открыли зал портретной гостиной, где развесили изображения русских императоров, в годы правления которых существовал «Английский клуб».

Во времена А.С. Пушкина – члена клуба с 1832 г. – Английское собрание имело репутацию самого аристократического из всех городских клубов и насчитывало более 400 членов, внесших вступительный взнос в размере 100 рублей серебром. В «Пиковой даме» поэт упоминает Английское собрание: «Герман и его спутники пришли в Английский клуб, прошли ряд сквозных великолепных комнат, наполненных учтивыми официантами, мимо нескольких генералов и тайных советников, игравших в вист, мимо молодых людей, сидевших на штофных диванах...»

Членами клуба состояли видные государственные деятели, военачальники, литераторы. Среди последних можно вспомнить имена Радищева, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Крылова, Грибоедова, Некрасова и многих других. В одной из гостиных клуба, над тем местом, где обычно отдыхал после сытного обеда гурман И.А. Крылов, после его смерти установили небольшой бюст великого баснописца.

Все же иногда строгий порядок «Английского клуба» нарушался скандальными происшествиями. Ю.Л. Алянский, упоминая в своей книге «Увеселительные заведения старого Петербурга» об Английском собрании, писал: «16 апреля 1866 года на официальном чествовании в клубе реакционнейшего деятеля тех лет М.Н. Муравьева, снискавшего прозвище „вешатель“, Некрасов неожиданно для всех прочел ему стихотворный восторженный панегирик». Многие были удивлены случившимся, а драматург и актер П.А. Каратыгин, автор популярных водевилей, написал стихи:

Михаил Николаевич Муравьев

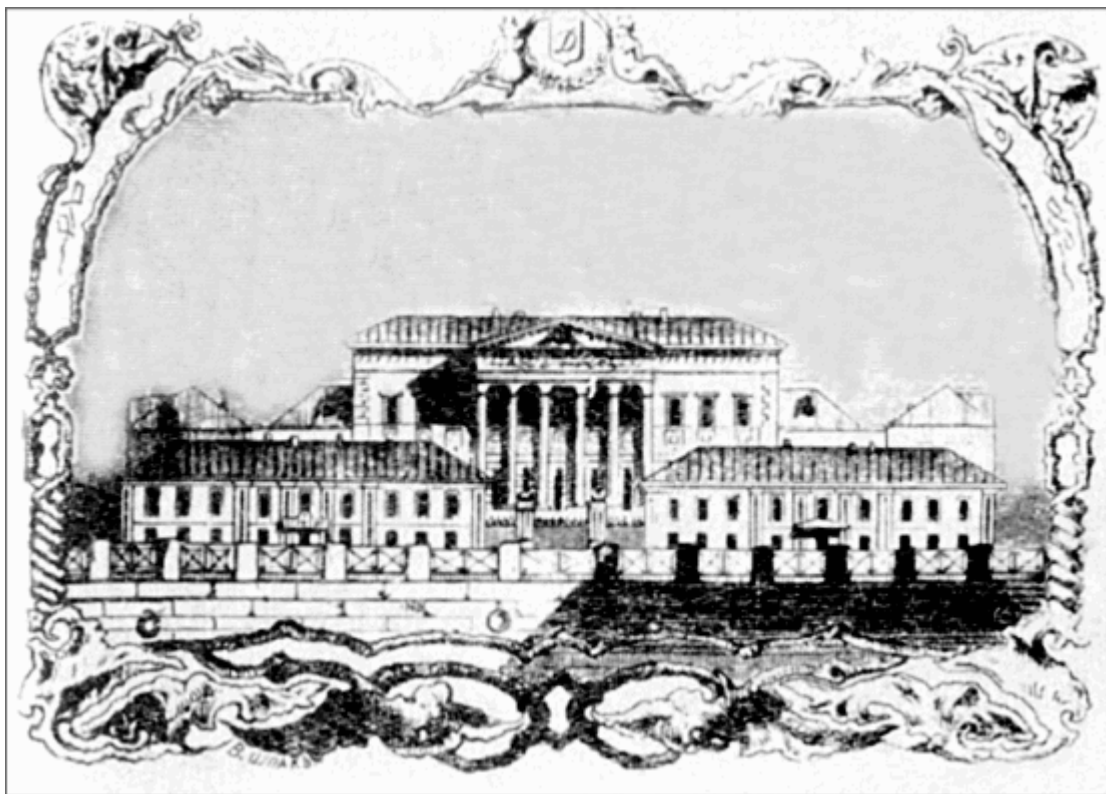
Из самых красных, наш Некрасов либерал,

Суровый демократ, неподкупной сатирик;
Ужели не краснел, когда читал
Ты Муравьеву свой прекрасный панегирик?
Кого стихами ты своими обманул,
Куда ж девалася Маратова свирепость?
Знать, ветер на тебя с той стороны подул,
Где Петропавловская крепость!

Стихи Некрасова, посвященные Муравьеву, – вынужденная наивная попытка поэта спасти от гибели литературный журнал «Современник». Журнал ожидало закрытие – он подвергался невероятным и весьма жестоким цензурным нападкам. Партнеры-издатели Н.А. Некрасов и И.И. Панаев пытались любыми способами предотвратить гибель любимого детища и пошли на это совершенно невероятное унижение. Лесть в адрес генерала, любившего повторять при любом случае фразу: «Мы не из тех Муравьевых, кого вешали, а из тех, кто вешал!», не помогла, и в том же 1866 г. журнал «Современник» закрыли.

В середине XIX столетия в одном из флигелей дома № 64 на набережной реки Мойки, Консерватория, организатором и директором которой стал Антон Григорьевич Рубенштейн – знаменитый пианист, композитор, дирижер и известный музыкально-общественный деятель. Особняк и его флигели для размещения Консерватории капитально перестроили по проекту архитекторов СИ. Чевакинского и А.Ф. Кокоринова.

В своем выступлении А.Г. Рубинштейн тогда отметил, что он и его коллеги-музыканты «осуществили наконец свою мечту создать в России такие учреждения, из которых выходили бы музыканты с дипломом свободного художника, подобно тому, как Академия художеств выпускает из своих недр живописцев, скульпторов, архитекторов...»

Дом Демидова, в левом флигеле которого открылась первая российская консерватория

Рубинштейн призывал учащихся, «не довольствуясь посредственностью, стремиться к высшему совершенству и выходить из стен консерватории истинными художниками, способными приносить пользу своему отечеству и самим себе».

Петр Ильич Чайковский 13 мая 1859 года окончил по первому разряду с чином титулярного советника столичное Училище правоведения и был назначен чиновником департамента Министерства юстиции, занимающего большое здание на Малой Садовой улице (напротив нынешнего Дома радио).

Однако ревностно служа в Министерстве юстиции, П.И. Чайковский занимается музыкой, посещает классы Русского музыкального общества, располагавшиеся тогда в нижнем этаже левого крыла Михайловского дворца. В письмах своей сестре Александре Ильиничне он писал: «За ужином говорили про мой музыкальный талант. Папаша уверяет, что мне еще не поздно сделаться артистом...», и еще: «...я писал тебе, кажется, что начал заниматься теорией музыки и очень ты это не примешь за хвастовство) было бы неблагоразумно не попробовать счастья на этом поприще...»

В 1868 г. одним из первых учеников Петербургской консерватории становится П.И. Чайковский, решивший стать музыкантом. Его дядя, Петр Петрович Чайковский, узнав о поступке любимого племянника, гневно воскликнул: «А Петя-то, Петя! Какой срам! Юриспруденцию на гудок променял!»

Многие годы историки и краеведы полагали, что изображение здания, где размещалась первая российская Консерватория, не сохранилось.

Однако историку Лидии Михайловне Конисской удалось найти не только документальное подтверждение местопребывания первой российской консерватории в усадьбе горнозаводчика Демидова на левом берегу Мойки, но и обнаружить архивное изображение строения, в котором тогда, на протяжении десяти лет (1862–1872 гг.), она размещалась.

Знакомясь с воспоминаниями и дневниковыми записями очевидцев 1860-х гг., Л.М. Конисская отметила в записках одного из композиторов, современника П.И. Чайковского, о первой Консерватории: «Я был на открытии. Семь или восемь комнат во флигеле усадебного дома Демидова на углу Мойки и Демидова переулка составляли все помещения и служили классами для игры на фортепьяно, на струнных инструментах и для пения».

А.И. Рубец – воспитанник первой столичной консерватории – писал в своих воспоминаниях о первом впечатлении от Консерватории на набережной реки Мойки: «Извозчик остановился у подъезда маленького... домика с зеркальными окнами... Я вошел в залу довольно большого размера, очень светлую, выходящую на Мойку и Демидов переулок». Прочитав запись А.И. Рубца, Лидия Михайловна сделала вывод: «...На углу Мойки... значит, этого флигеля уже нет, и вместо него возвышается эта неуклюжая громада? И сфотографировать тоже уже нечего. Жалко».

Далее А.И. Рубец писал: «В одном из флигелей дома Демидова помещался Английский клуб на углу Демидова переулка и Мойки. Здесь же открылись впоследствии первые курсы Консерватории, учрежденные Антоном Григорьевичем Рубинштейном. Ныне эти флигеля не существуют: на их месте воздвигнут новым владельцем большой дом».

Л.М. Конисская с огорчением убеждается, что «флигель действительно не существует, но ведь все-таки где-нибудь же должно был сохраниться его изображение...» Поиск продолжился. В архиве Государственной инспекции охраны памятников (ГИОП) среди «исторических справок» по дому Демидова Лидия Михайловна обнаруживает альбом, зарегистрированный под именем его составителя, А.Ф. Крашенинникова. И чудо свершилось! На одной из страниц альбома исследователь находит фотографию с гравюры, изображающей расположенный в глубине парадного двора большой двухэтажный дом заводчиков Демидовых с аттиковым этажом в центральной части и двумя симметричными флигелями, выходящими своими главными фасадами на набережную реки Мойки. Появлению этой редкой гравюры

невольно способствовал случай. Ее специально заказали распорядители Английского клуба к торжественному дню – празднованию юбилея в 1870 г. Кстати, редчайшее изображение демидовского усадебного комплекса полностью совпало с воспоминанием сокурсника П.И. Чайковского по первой Петербургской консерватории ГА. Лароша: «Главное здание с важностью, по-московски, стояло во дворе, отделенном решеткой от набережной Мойки, а с нас довольно было и флигеля, да и тот мы разделяли с Немецким клубом». Убедительно заключение Л.М. Конисской: «...именно этот маленький флигель слева и был первым домом консерватории, тем, куда пришел юный Чайковский, решивший так круто изменить свою жизнь...».

В архиве клинского дома-музея П.И. Чайковского хранится протокол от 12 октября 1865 г. о «поручении ученику старшего теоретического класса Консерватории Чайковскому предоставить на публичный экзамен на диплом сего 1865 года кантаты с сопровождением оркестра на оду Шиллера „К радости“». Там же хранится и протокол о присвоении П.И. Чайковскому звания свободного художника.

В 1956 г. на фасаде жилого дома на набережной реки Мойки, 64, торжественно укрепили мемориальную мраморную доску, обрамленную резным орнаментом в виде колосьев, по проекту архитектора М.Ф. Егорова, в честь реформатора русских народных инструментов и создателя первого Великорусского оркестра Василия Васильевича Андреева (1861–1918). На мемориальной доске нанесен текст: «Здесь с 1912 по 1918 г. жил и работал основатель оркестра русских народных инструментов Василий Васильевич Андреев».

Музыкант родился 3 января 1861 г. в городе Бежецке Тверской губернии в семье купца 1-й гильдии Василия Андреевича Андреева и дворянки Софьи Михайловны (в девичестве Веселаго).

Мальчик рано начал тянуться к музыке. В возрасте 14 лет он самоучкой, не зная ни одной ноты, виртуозно играл на 12 инструментах. Организатор и руководитель первого оркестра русских народных инструментов, основанного в Петербурге в 1887 г., Андреев со своим оркестром с блеском концертировал в России и за ее пределами (Франция, Германия, Англия, США, Канада). По его чертежам в России создаются различного типа и размера струнные оркестровые музыкальные инструменты. Деятельность В.В. Андреева высоко ценили Л.Н. Толстой, М. Горький, И.Е. Репин, П.И. Чайковский, Ф.И. Шляпин и большой любитель игры на балалайке и русских струнных музыкальных инструментах – император Николай II.

Благодаря энергии В.В. Андреева, в войсках, железнодорожных училищах, на курсах сельских учителей – балалайки и домры быстро распространились по всей России. В 1892 г., во время гастролей во Франции, Андреев избирается почетным членом Французской академии искусств «за введение нового элемента в музыку». В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже Василий Васильевич награждается орденом Почетного легиона и Большой золотой медалью выставки. В 1913 г. ему присвоен титул надворного советника, а в 1914 г. – звание «солиста Его Императорского Величества».

В интервью «Петербургской газете» в 1899 г. В.В. Андреев уверенно говорит о том, что балалайка нашла широкое распространение не только в России, но и за ее пределами. В России во множестве стали образовываться кружки любителей балалайки. В Петербурге к этому времени насчитывалось 20 тысяч любителей игры на балалайке. На ней с большим увлечением играли не только мужчины, но и дамы из высшего общества.

Несложность инструмента, певучий звук и легкость игры делали балалайку доступной широким массам населения страны.

В.В. Андреев добился, чтобы в армии ввели обучение игре на балалайке. Он считал это важным стимулом в деле духовного воспитания людей. «Научился – демобилизовался – теперь и сам играй, и других учи, пусть все облагораживаются».

Василий Васильевич учредил в войсках штаты преподавателей игры на балалайке, а сам императорским указом возводится в должность «заведующего преподаванием народной музыки в войсках гвардии».

В России заслуги В.В. Андреева признали в полной мере только после огромного успеха Великорусского оркестра за границей. За рубежом поначалу были настроены к нему весьма скептически. Вот как описывала отношение зрителей к выступлению оркестра В.В. Андреева английская пресса: «Первый концерт Великорусского оркестра в Лондоне. Выходит Андреев, занимает место дирижера. Из публики два-три поощрительных хлопка, никаких аплодисментов. По окончании первого номера в зале послышался какой-то шепот. Аплодисментов никаких. При последующих номерах раздаются аплодисменты. После же исполнения „Эй, ухнем“ в зале сначала наступила гробовая тишина, а затем сдержанные англичане вдруг разразились бурей аплодисментов и требованиями повторения номера». Английские музыкальные критики на следующий же день после концерта направили в газеты отзывы с восторженными похвалами. Срочно переписывается контракт с Андреевым, оркестру продлевают пребывание в Англии. Английские музыканты просят у Андреева ноты некоторых русских народных песен. Во всех фешенебельных ресторанах Лондона звучит русская музыка.

Василий Васильевич Андреев

Театральные оркестры Великобритании приветствовали появление на сцене оркестра В.В. Андреева русским гимном. Вся атмосфера гастролей Великорусского оркестра в Англии в 1909–1910 гг. была проникнута искренней дружбой и братством.

В Америке в 1911 г. специально выпустили граммпластинку с записью Великорусского оркестра. В том же году в оркестре Андреева впервые выступил с соло на балалайке десяти-

летний Ника Осипов, будущий знаменитый русский музыкант, чье имя сегодня носит российский оркестр народных инструментов.

В 1913 г. Великоорусскому оркестру исполнилось двадцать пять лет. Юбилейные торжества прошли в большом зале Мариинского театра в Петербурге. Юбиляра горячо поздравляли делегации – от рабочих Путиловского завода до знаменитых музыкальных деятелей. Друг В.В. Андреева, певец Ф.И. Шаляпин, в замечательном приветственном слове сказал: «Ты пригрел у своего доброго, теплого сердца сиротиночку – балалайку. От твоей заботы и любви она выросла в чудесную русскую красавицу, покоровшую своей красотой весь мир».

Когда Андреев скоропостижно умер во время выступления в 1918 г. на Северном фронте перед бойцами Красной армии, Ф.И. Шаляпин глубокого переживал его смерть. Певец присутствовал на похоронах друга в Александро-Невской лавре, находился у его гроба при обряде отпевания музыканта, долго вглядывался в его лицо и все говорил: «Вася, Вася! Что же ты сделал, что?» Поцеловал Андреева в лоб, нежно погладил по голове и с глазами, полными слез, отошел в сторону.

Незадолго до кончины Василий Васильевич Андреев говорил своим друзьям, пришедшим к нему в гости на набережную реки Мойки в дом № 64: «Я вполне удовлетворен результатами своего многолетнего труда. Я работал для русского народа, от него взял простые забытые музыкальные инструменты и ему же вернул их вот в таком красивом виде...»

Здесь жил первый посланник Североамериканских штатов – шестой президент США

Следующий за домом № 64, угловой особняк на набережной реки Мойки и Нового переулка, числящийся под № 66, находится в непосредственной близости от широкого Синего моста и Мариинского дворца. Застройка участка имела весьма любопытную историю. Строения на нем неоднократно меняли свой первоначальный облик и функциональное назначение. Их перестраивали, надстраивали дополнительными этажами, на фасадах время от времени появлялись новые архитектурные наслоения.

О доме на углу набережной и Нового переулка неоднократно упоминала столичная пресса. «Санкт-Петербургские ведомости» в годы царствования императора Николая I даже опубликовали царский указ с требованиями сурового наказания владельца дома № 66, архитектора и подрядчика, осмелившихся игнорировать согласованный с Николаем Павловичем перестроечный проект жилого здания.

В этом доме переплелись судьбы знаменитых жильцов, проживавших в его стенах, с историческими событиями, которые происходили в разные периоды существования Северной столицы.

В 1939 г. «Ленинградская правда» опубликовала постановление Ленгорисполкома о переименовании Нового переулка в переулок Антоненко. В своем решении Ленинградский исполком приводил следующее основание для переименования: «Сохранение памяти о героях-очаковцах, погибших за великое дело свободы». Расскажем немного подробнее о событиях, послуживших поводом к переименованию.

После трагической для России Русско-японской войны 1905 г. волна революционных выступлений захлестнула базы отечественного флота на Балтике и Черном море. На всю страну прогремели выстрелы на броненосце «Потемкин». 13 ноября крейсер Черноморского флота «Очаков» захватили восставшие матросы. Большевик Никита Григорьевич Антоненко в ответ на требование командира «Очакова» разоружить восставших матросов обратился к ним с призывом: «Оружие не сдавать!» На крейсере организовали судовой комитет, постановивший спустить официальный военно-морской флаг и поднять на корабле революционный красный стяг. Председателем судового комитета на крейсере «Очаков» единодушно избрали лейтенанта П.П. Шмидта. Мятежный корабль по приказу командующего флотом окружили корабли черноморской эскадры и подвергли его массированному обстрелу. Уцелевших матросов и лейтенанта Шмидта арестовали, предали военно-полевому морскому суду и приговорили к расстрелу. Никиту Григорьевича Антоненко казнили 6 марта 1906 г. на острове Березань вместе с руководителями восстания на крейсере «Очаков» – П.П. Шмидтом, СП. Частником и А.И. Гладковым.

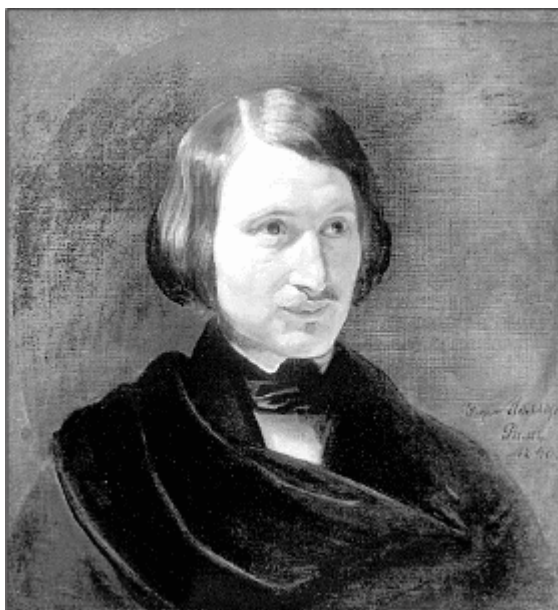
Вернемся к нашему повествованию. Вот еще одно имя, связанное с домом № 66 по набережной Мойки. Приехавший в Петербург выпускник Нежинской гимназии Н.В. Гоголь в декабре 1828 г. восторженно писал своему дяде Петру Петровичу Косяровскому о том, что только в Петербурге предполагал он дальше жить и работать: «...может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя бы малейшую пользу... Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции. Я видел, что здесь работы будет более всего, что здесь только я буду истинно полезен для человечества».

Северная Пальмира – предмет его юношеской любви и мечтаний. Однако действительный Петербург и существование в столице оказались для молодого Гоголя совершенно иными.

Набережная реки Мойки, 66

В письме матери Николай Васильевич вынужден был написать: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее...» Суровая столичная действительность беспощадно и быстро разрушила его юношеские представления о жизни в Петербурге. Будущему писателю сразу же пришлось отказаться от своей мечты поселиться «в веселой комнате окнами на Неву». Он снял небольшую комнату на Гороховой улице в многолюдном доходном доме купца 3-й гильдии Н.Е. Галибина. Для молодого человека начался период поиска места работы. В конце 1829 г. Н.В. Гоголь наконец находит место мелкого чиновника в Департаменте государственного хозяйства Министерства внутренних дел, располагавшегося тогда в массивном доходном трехэтажном доме № 66 на набережной реки Мойки, на углу Нового переулочка, близ Синего моста. Министерство внутренних дел, которому принадлежало здание, учредило 8 сентября 1802 г., возложив на него следующие задачи: «Пещись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройству всей империи». По указу об «Учреждении министерств» от 25 июня 1811 г. в состав Министерства внутренних дел среди прочих подразделений включили Департамент государственного хозяйства и публичных зданий. Работа канцеляриста сразу же разочаровала Н.В. Гоголя. Он назвал ее «глупой и бестолковой», не имеющей ничего общего с его юношескими мечтами о благородном служении человечеству.

Николай Васильевич Гоголь

Однако скромная должность переписчика бумаг позволила начинающему писателю Н.В. Гоголю реально на себе испытать унижительный труд мелкого чиновника, познать мир столичной канцелярии и встретить там прототипы своих будущих героев – Акакия Акакиевича Башмачкина, Аксентия Поприщева и некое «значительное лицо», перед коим в страхе трепетал бедный чиновный люд.

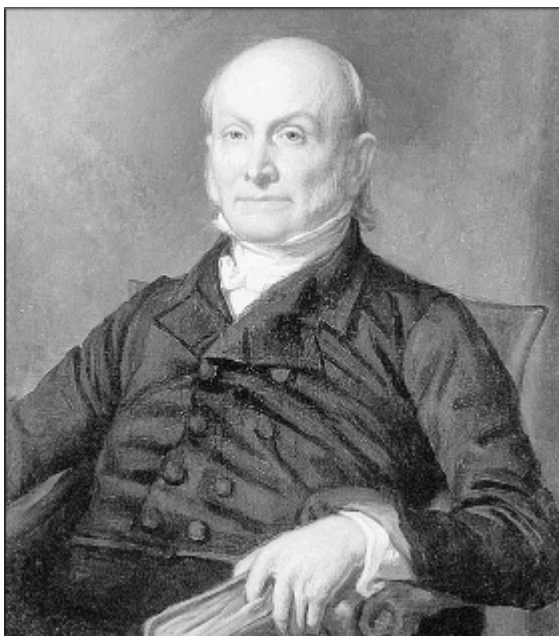
Проработав несколько месяцев в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, Н.В. Гоголь подал прошение об увольнении со службы и по протекции Василия Андреевича Жуковского в апреле того же года поступает писцом в Департамент уделов.

В начале XIX столетия в доме № 66 по набережной реки Мойки с 1809 по 1814 г. снимал квартиру, занимавшую весь этаж здания, первый посланник Североамериканских штатов в Российской империи и будущий шестой президент США (1825–1829 гг.) Джон Куинси Адамс. Американскому посланнику понравилась российская столица, которую он считал прекраснейшим городом, превосходившим по своему великолепию виденные им ранее европейские столицы. В Европе юному Адамсу довелось побывать со своим отцом – вторым президентом США – Джоном Адамсом, избранным на этот пост с 1797 по 1801 г., активным участником борьбы за независимость Североамериканского государства. Они подолгу жили тогда в Лондоне и Париже. А позже посланник Джон Куинси Адамс находился на дипломатической работе в Нидерландах и Пруссии. Русская столица поразила американского посла роскошными зданиями, парками и набережными рек и каналов. Впечатления о регулярных прогулках по Северной Венеции на всю жизнь сохранились в памяти шестого президента США.

В Летнем саду он периодически встречал русского императора Александра I, взошедшего на престол незадолго до приезда американского дипломата в Россию, и тот беседовал с ним.

Однако столица Российской империи в начале XIX столетия считалась наиболее дорогим городом мира, а заработок американского посланника из страны, не считавшейся в те времена сверхдержавой, увы, составлял во много раз меньшую сумму, чем жалованье его европейских коллег – представителей авторитетных и могущественных государств, таких как Великобритания и Франция. Поэтому в письмах на родину – друзьям и близким людям – будущий шестой президент США жаловался на свою квартиру в «довольно скверном и очень дорогом доме на углу Нового переулка и набережной реки Мойки».

В работе В. Плешакова «Дж. К. Адамс в Петербурге» приводится выдержка из письма посланника Североамериканских штатов к матери, в котором он с раздражением перечисляет многие финансовые затруднения в период пребывания в России: «Нанять дом или квартиру с обстановкой невозможно. За голые стены одного этажа или дома, достаточного для размещения одной моей семьи, необходимо платить полторы или две тысячи долларов, то есть шесть или семь тысяч рублей в год, а на меблировку потребуется в пять раз больше. Количество слуг, которых здесь должны держать, втрое больше, чем в других странах. Мы содержим дворецкого, повара, в распоряжении которого двое кухонных мужиков, привратника, двух ливрейных лакеев, мужика, топящего печи, кучера и фореятера, Томаса, моего чернокожего камердинера, Марту Годфри – служанку, привезенную из Америки, горничную мисс Адамс, которая является женой дворецкого, уборщицу и прачку. Швейцар, повар и один из ливрейных лакеев женаты, и все их жены также живут в доме. У дворецкого двое детей, у прачки дочь, и они тоже содержатся в доме. Я ежемесячно оплачиваю счета булочника, молочника, мясника, зеленщика, торговца птицей, торговца рыбой и бакалейщика, помимо покупки чая, кофе, сахара, восковых и сальных свечей. Дрова, к счастью, включены в стоимость квартирной платы».

Джон Куинси Адамс

В 1814 г. первый посланник Североамериканских Штатов покинул Санкт-Петербург. Дипломата отозвали в Англию, где он сначала возглавил американскую делегацию на переговорах с Великобританией, а затем выполнял обязанности главы американской дипломатической миссии в Лондоне. В 1817 г. Джон Куинси Адамс назначается госсекретарем США, а в 1825 г. избирается шестым президентом Североамериканских штатов. К особым заслугам Джона Куинси Адамса относят его весьма активное участие в подготовке важного политического документа – «Доктрины Монро», провозглашенной в 1823 г. в послании конгрессу пятым президентом США Джеймсом Монро. Американская политика XIX столетия не была столь явно воинственной по сравнению с нынешней агрессивной внешнеполитической программой правительства США XXI столетия. Правда, даже доктрина Монро, утвержденная конгрессом США в 20-х годах XIX столетия, по совести говоря, лишь наполовину отличается от сегодняшних американских правительственных планов.

Посудите сами, доктрина Монро, послужившая основанием для внешнеполитической программы правительства Соединенных Штатов Америки, в 1823 г., с одной стороны, декларировала принципы взаимного невмешательства стран американского и европейского континентов во внутренние дела друг друга, но одновременно выдвигала положение, согласно которому, рост могущества США ставился в прямую зависимость от присоединения новых территорий, что и было позднее использовано для обоснования экспансии США в Латинской Америке.

В июне 2004 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщила горожанам, что петербургский филиал «Альфа-Банка» совместно с Генеральным консульством США в Петербурге и Комитетом по культуре Северной столицы торжественно открыли в июне месяце на доме № 66 по набережной реки Мойки мемориальную доску в честь проживавшего здесь первого посланника США в России Джона Куинси Адамса, шестого президента Соединенных Штатов Америки.

Любопытный факт: в том же XIX в. во дворе дома № 66 на набережной Мойки располагался знаменитый конный манеж, обустроенный по всем новейшим правилам того времени, с прекрасными конюшнями для дорогих породистых элитных лошадей. Он являл собой объект зависти любителей лошадей, особенно богатой военной молодежи – офицеров конной гвардии, шутивших иногда по поводу своих родословных: «Голубая кровь течет не только в наших жилах, но и в жилах наших лошадей». В манеже было возможно с необходимыми удобствами поставить свою любимую породистую лошадь и получить профессиональные уроки верховой езды. История этой аристократической конюшни во дворе дома № 66 полна легенд, интересных фактов и домыслов. Именно здесь содержался породистый вороной жеребец по кличке Варвар, в элитной конюшне хранилась его дорогая упряжь и беговые дрожки, а в гардеробе содержалась одежда кучера-лихача Адриана Михайлова – члена народо-довольческого подполья, известной боевой организации «Земля и воля». Хозяином Варвара официально считался столичный домовладелец, врач и владелец элитной клиники О.Э. Веймар – участник Русско-турецкой войны, награжденный многими боевыми наградами.

Внезапный арест доктора Веймара и обвинение его в участии во многих террористических операциях боевой организации «Земля и воля» буквально потрясли все слои петербургского общества. О. Веймару предъявили несколько обвинений: намеренная покупка жеребца Варвар для организации побегов из столичных тюрем арестованных товарищей по террору; приобретение оружия для покушения на императора Александра II; связь с революционным подпольем и регулярная финансовая помощь руководству боевой террористической организации. Петербургский уголовный суд приговорил Веймара к каторжным работам, а жеребца Варвара перевели в конюшню полицейского управления, и он лихо возил своего нового хозяина – помощника столичного обер-полицмейстера.

В этом же доме в конце XIX столетия долгое время активно работала небольшая типография некоего А. Бенке, напечатавшего в 1899 г. второе издание первого тома «Капитала» Карла Маркса.

В 1849 г. дом на углу набережной реки Мойки и Нового переулка приобрела «почетная» гражданка А.Н. Якунчикова, женщина деловая, решившая капитально перестроить здание и превратить его в выгодное доходное строение. Проект доходного дома по указанному адресу составил французский подданный, архитектор Адриан Робен. В январе 1849 г. проект утвердил император Николай Павлович. Однако, посоветовавшись с архитектором и подрядчиком, владелица приобретенной недвижимости решила, несмотря на утвержденный царем проект, «слегка» увеличить размеры своего нового доходного дома, и поэтому проект Робена претворили в жизнь со значительными отступлениями от утвержденного Николаем I строительного плана. Принимавшая готовое здание строительная комиссия, естественно, обнаружила самовольные изменения проекта. В частности, уровень карниза здания оказался под-

нятым «на 12 вершков выше размера в утвержденном царем проекте. Крыша же доходного дома теперь возвышалась на целых два аршина 12 вершков. Окна и подоконники построенного здания также оказались приподнятыми». Узнав о подобном самовольстве купчихи Якунчиковой, Николай I, возмущившись, потребовал немедленного строжайшего наказания всех виновных – участников строительного подлога, проигнорировавших утвержденный им проект. Заметим, что гнев и крайнее возмущение государя вызвало не только нарушение проекта дома после Высочайшего утверждения, но то, что доходный дом бойкой купчихи

Якунчиковой находился по соседству с возводимым тогда зданием Мариинского дворца – подарка императора своей любимой дочери – великой княжне Марии Николаевне ко дню ее свадьбы с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф Петр Андреевич Клейнмихель, ответственный за строительство в столице, вынужден был издать грозный указ о наказании многих лиц разных званий и должностей. Начальнику округа инженер-полковнику Романову и его заместителю – инженер-полковнику Энгельгардту – объявили строгий выговор. Ответственного за строительство в первом отделении Первого округа инженер-майора Палибина и архитектора титулярного советника Федотова арестовали и водворили на гауптвахту. Главного виновника произошедшего – архитектора Робена, «который этот дом строил, за то, что осмелился возвести оный не по плану Высочайше утвержденному, Высочайше повелено арестовать на гауптвахте на две недели, а потом выслать за границу; „почетную“ гражданку Якунчикову, дозволившую построить сей дом не по выданному ей Высочайше утвержденному в 10 день ноября 1849 года фасаду, Высочайше повелено обязать привести сей дом непременно в вид Высочайше утвержденного фасада».

Переделкой злополучного дома № 66 на набережной Мойки и Нового переулка занимался архитектор Н.Е. Ефимов. Он разработал новый проект перестройки дома, утвержденный 15 марта 1851 г. Николаем I.

Ефимову пришлось снизить высоту здания, с помощью графичного руста он придал фасаду более представительный вид, тактично сочетавшейся с «соседом» – Мариинским дворцом. В работе над новым проектом дома купчихи А.Н. Якунчиковой при перестройке первоначального варианта здания городскому архитектору Н.Е. Ефимову в 1850–1851 гг. помогал архитектор Б. де Симон. После переделки дом А.Н. Якунчиковой, по мнению градостроителей, на набережной реки Мойки, 66 / Новый переулок, 2, вместе с домом на набережной реки Мойки, 70 / Вознесенский проспект, 3, удачно фланкирует Мариинский дворец.

Доктор архитектуры, профессор Л.П. Лавров, оценивая более поздние перестроечные работы этих двух жилых домов (№ 66 и № 70), отмечал, что «в 1956–1958 годах архитектор В.А. Матвеев предложил реконструкцию зданий, повышавшую представительность построек. Провозглашенная в этот период „борьба с излишествами“ привела здесь к реализации удешевленного варианта „сталинского ампира“».

В октябре 1927 г. по инициативе трудящихся в доме на набережной реки Мойки, 66 / переулок Антоненко, 2, торжественно открыли клуб швейников. В период Великой Отечественной войны в нем находился военный госпиталь, а в 1945 г. в здании располагался клуб фабрики им. В. Володарского, переведенный в 1961 г. в разряд Дворцов культуры.

При перестроечных работах в период 1956–1958 гг. по проекту ленинградского архитектора В.А. Матвеева трехэтажный дом на набережной реки Мойки, 66, надстроили четвертым дополнительным этажом.

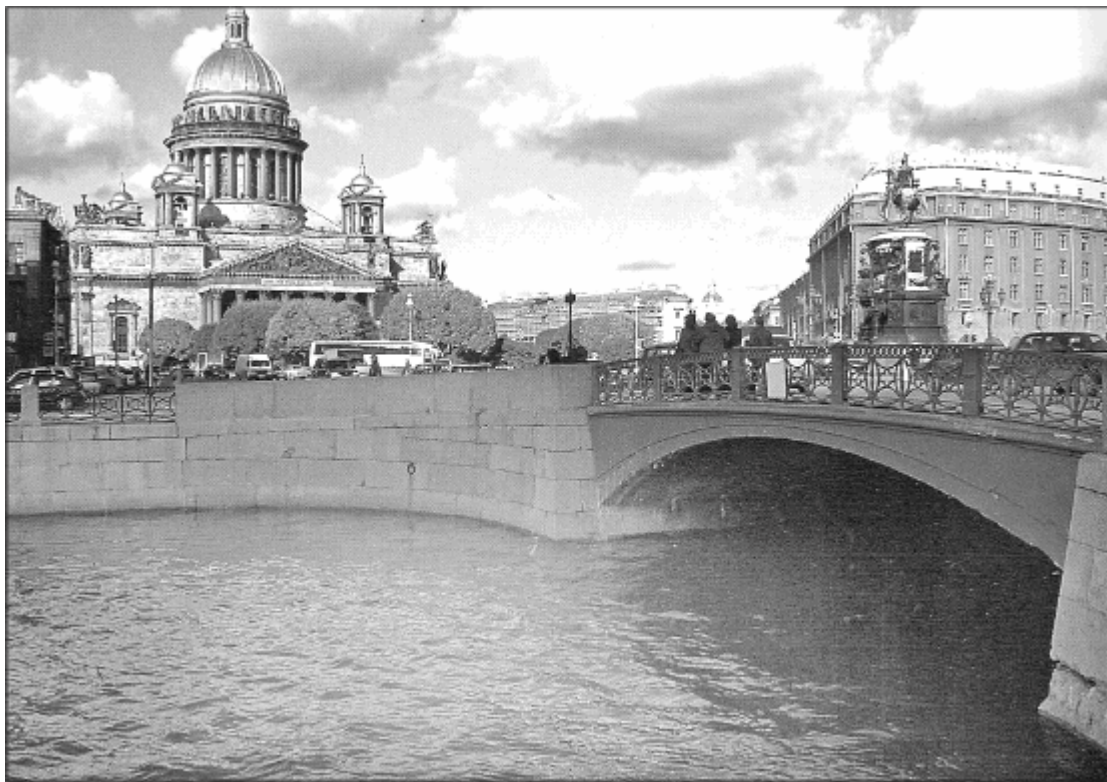
Свадебный подарок великой княжне Марии Николаевне

Неподалеку от дома № 66, ниже по течению реки Мойки, находится последний из четырех цветных мостов старинного водоема – Синий мост. В наши дни это мостовое сооружение по существу является частью Исаакиевской площади, на которой в 1818–1858 гг. по проекту зодчего О. Монферрана построили одно из крупнейших купольных сооружений мира и одну из главных архитектурных доминант Санкт-Петербурга – собор Святого Исаакия Долматского.

Колоссальный масштаб здания, его многочисленные гигантские монолитные колонны и купол диаметром 21,8 м, венчающий собор, замыкают пространство Исаакиевской площади с севера.

Южная же часть площади над рекой Мойкой перекрыта самым широким в мире – Синим мостом. Его ширина составляет 99,95 м. По авторитетному суждению архитектора А.И. Дмитриева (1878–1959), этот мост в створе Вознесенского проспекта является «особым экземпляром мостового сооружения – невидимки и мирового рекорсмена. Его немалая ширина продиктована не техническими или эксплуатационными, а чисто архитектурными соображениями».

В XVIII столетии на месте пересечения Невского проспекта, Гороховой улицы и Вознесенского проспекта с рекой Мьей (Мойкой) построили три деревянных моста, выкрашенных в разные цвета. Через Невский проспект проложили Зеленый мост, через Гороховую – Красный, а через Вознесенский – Синий.

Синий мост

Мойка в те годы являлась естественной границей Северной столицы и выполняла роль водной преграды при возможных попытках шведов с ходу захватить Санкт-Петербург.

В 1737 г. на месте нынешнего современного Синего моста, по проекту инженера Г. ван Болеса построили деревянный подъемный мост, а в 1810 г. его переделали в деревянный трехпролетный мост на прочных деревянных опорах.

В 1818 г. окрашенный в синий цвет мост уже представлял собой постоянное однопролетное сооружение с коробчатым сводом и прочными каменными опорами. Тогда его проект разработали инженеры В.В. Гесте и П.П. Базен. Ширина проезжего мостового полотна в то время составляла 41 м. Мариинского дворца на Исаакиевской площади до 1845 г. не существовало. На его месте возвышалось дворцовое строение графа И.Г. Чернышева, блестящего дворцового придворного при императрицах Елизавете Петровне, Екатерине II и императоре Павле I.

Иван Григорьевич Чернышев родился в загородной усадьбе отца, графа Григория Чернышева, на Фонтанке. Григорий Чернышев – любимый денщик Петра Великого, возведенный царем в графское достоинство. Сохранилась характеристика Григория, данная ему испанским послом в России Дюком де Лириа: «Граф Чернышев был умен и исправен в службе, но отличался чрезвычайной скупостью, лживостью и ненавистью к иностранцам». Его сыновья Иван, Петр и Захар после завершения учебы в столичном сухопутном кадетском корпусе сделали прекрасную карьеру при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Иван и Петр Чернышевы начали свою деятельность на дипломатическом поприще, оказавшемся для братьев весьма удачным в их карьерном росте.

Граф Иван Григорьевич Чернышев в 1741 г. состоял советником российской дипломатической миссии в Копенгагене, где в то же время его старший брат Петр Григорьевич являлся уже чрезвычайным посланником императрицы Елизаветы Петровны в Датском королевстве. В 1742 г. И.Г. Чернышев с повышением в должности работает в русской дипломатической миссии Берлина. За работу на дипломатическом поприще граф Иван Григорьевич производится в придворный чин камер-юнкера. Весьма удачным для карьерного роста молодого камер-юнкера оказался и его первый брак на фрейлине и родственнице Елизаветы Петровны – Елизавете Осиповне Ефимовой.

В 1755 г. граф назначается директором «Комиссии о коммерции» и одновременно производится в придворный чин камергера, соответствующий весьма почетному гражданскому чину действительного статского советника. Благодаря дружеским отношениям с фаворитом императрицы Елизаветы Петровны, генерал-адъютантом Иваном Ивановичем Шуваловым, граф Иван Григорьевич почти за бесценок приобретает уральские медные заводы, уплатив в казну всего 30 тысяч рублей, в то время как на заводских складах на этот период оказалось только наработанной промышленной отлитой меди, оцененной на 100 тысяч рублей. Граф И.Г. Чернышев лично не занимался делами своих предприятий, а потому они быстро пришли к полному развалу. Правда, он удачно продал их в казну с большой для себя выгодой – в 700 тысяч рублей. Иван Григорьевич же по-прежнему продолжал работу на дипломатическом поприще, успешно участвовал от имени российского правительства в международных переговорах и совещаниях.

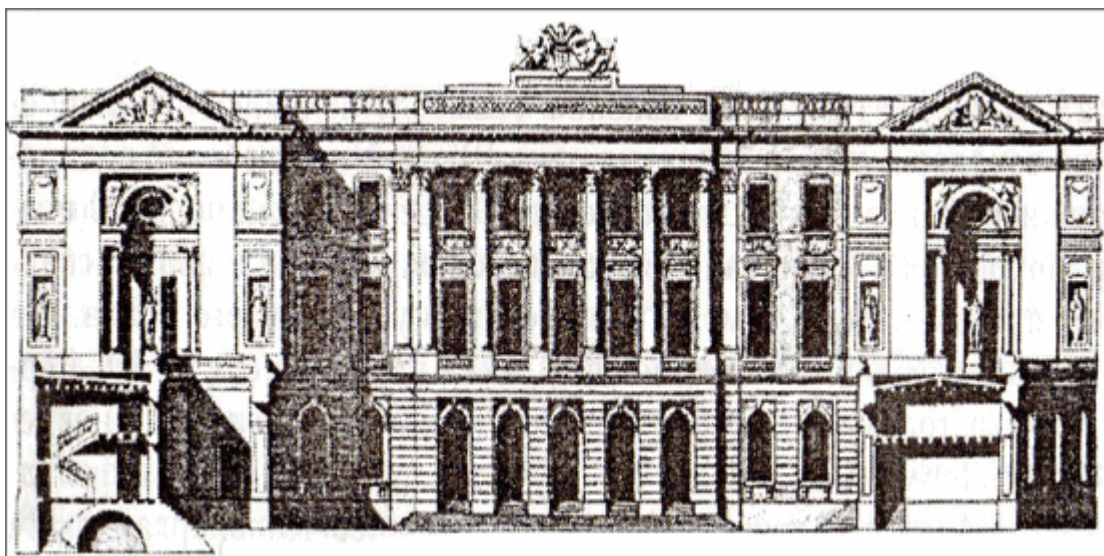

Иван Григорьевич Чернышев

На деньги, вырученные от финансовой сделки по приобретению и продаже уральских медеплавильных заводов, граф И.Г. Чернышев приобретает участок земли на левом берегу реки Мьи (Мойки) и приступает к возведению на нем семейного усадебного дворца с флигелями и регулярным садом. Проект дворцового здания для него подготовил архитектор Ж.-Б. Валлен-Деламот. Князь М.М. Щербатов тогда писал о И.Г. Чернышеве: «Граф был очень богатым человеком. Одевания его были особливого богатства и вкуса, и их столь много, что он единожды вдруг 12 кавтанов выписал. Стол его со вкусом из дорогих вещей сделанный, обще вкус, обоняние и вид привлекал; экипажи его блистали золотом, и самая ливрея его пажей была шита серебром; вина у него были науличшия и наидражайшия...»

Екатерина II, взойдя на престол, возвела графа Ивана Григорьевича в генерал-поручики, сохранив за ним придворный чин действительного камергера, и повелела ему указом «Оставить впредь дипломатическую службу и перейти на военно-морскую, в должности члена Адмиралтейств-коллегии». По прошествии двух лет, в 1765 г., Иван Григорьевич Чернышев становится главным командиром Галерного порта.

Строительство дворца графа И.Г. Чернышева на набережной Мойки торжественно завершилось роскошным новосельем в апреле 1766 г., а в декабре того же года газета «Санкт-Петербургские ведомости» восторженно писала о приеме владельцем дворца, графом Иваном Григорьевичем, императрицы Екатерины II, которая «соизволила там остаться при столе вечерняго кушанья. По окончании онаго их Величество засвидетельствовала хозяйину дворца Высочайшее удовольствие». В одном из дворцовых покоев по распоряжению графа Чернышева установили персональное кресло для императрицы, сидя в котором Екатерина II нередко играла в карты.

Дворец графа И.Г. Чернышева на Мойке

Ж.-Б. Валлен-Деламот сумел создать великолепное дворцовое здание, обращенное главным фасадом на набережную реки Мойки, а противоположным – в сад.

Как было тогда принято для усадебных зданий, перед главным фасадом дворца графа И.Г. Чернышева располагался парадный двор, отделявший строение от набережной. В своем дневнике почетный член Петербургской академии наук, швейцарец Иоганн Бернулли, писал о визите к графу И.Г. Чернышеву: «Осмотрел я чудный дворец графа Чернышева, который, конечно, одна из достопримечательностей Петербурга. Снаружи он построен на французский манер, со многими статуями, нишами и прочим. В комнатах графа и парадных роскошных залах соединяется вкус с истинно царским великолепием. С главной лестницы входите прежде всего в комнату, где находится часть библиотеки и модели кораблей, морские карты и пр.; между ними большая прекрасная модель здешнего Адмиралтейства. Здесь всегда замечательное множество прекрасных картин...»

В свете граф считался заядлым меломаном и всегда гостеприимно открывал двери своего дворца всем зарубежным музыкальным гастролерам. В начале 1780-х гг. у графа гостили знаменитые итальянские музыканты того времени, Виотти и Пуньяни. Вездесущая столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» не преминула на своих страницах сообщить об этом читателям: «Оба музыканта со слугою Дефлером живут у Синего мосту в доме его сиятельства графа Ивана Григорьевича Чернышева».

В 1767 г. по распоряжению императрицы Екатерины II граф направляется в Великобританию в качестве чрезвычайного и полномочного российского посла. Чернышеву удается убедить англичан беспрепятственно пропустить в Средиземное море участвующую в Русско-турецкой войне эскадру под командованием адмирала Григория Андреевича Спиридова, сумевшего тогда освободить целый ряд греческих городов, занятых турками.

По возвращению из Англии в 1769 г. И.Г. Чернышев императорским указом назначается вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. Ему поручается работа по восстановлению боеспособности Российского военно-морского флота. С этой трудной задачей граф Чернышев с честью справился. Военно-морские силы Российской империи пополнились новыми боевыми кораблями и были перевооружены. Его труды по достоинству высоко отметила Екатерина II, издав указ о награждении графа И.Г. Чернышева двумя высшими российскими военными орденами – Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного: «За многие труды в приведении флота в доброе состояние».

В годы правления императора Павла I граф Чернышев назначается президентом Адмиралтейств-коллегии и производится в генерал-фельдмаршалы по флоту «с тем, однако, чтобы не был генерал-адмиралом».

В 1798 г., находясь в Риме, граф Иван Григорьевич Чернышев скончался. Его тело перевезли в Санкт-Петербург и похоронили в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. (Кстати, напомним, Благовещенская церковь лавры являлась усыпальницей сподвижников царя Петра и знаменитых государственных деятелей России: здесь погребены: граф П.И. Ягужинский, фельдмаршал В.В. Долгорукий, А.Г. Разумовский, А.М. Голицын, П.И. Панин, А.И. Ушаков, граф Я.В. Брюс, И.И. Бецкой, князь Безбородко, граф И.И. Шувалов и многие другие. За левым клиросом находится могила полководца А.В. Суворова с лаконичной записью на могильной плите: «Здесь лежит Суворов». Из царственных особ в Благовещенской церкви покоятся: царица Прасковья – супруга Иоанна Алексеевича, Наталья Алексеевна – сестра Петра Великого, сын Петра I Петр Петрович, правительница Анна Леопольдовна, Петр III и его дочь Анна, первая супруга Павла I Наталья Алексеевна и их дочь Ольга. Здесь же похоронены дочери Александра I Мария и Александра).

После смерти графа И.Г. Чернышева дворец перешел по наследству к старшему сыну от второго брака с Анной Александровной Исленьевой – Григорию Ивановичу. Тот вел довольно праздную жизнь и быстро промотал батюшкино наследство. Графский дворец с его великолепным содержимым и редкими коллекциями картин и скульптур вскоре был заложен, а затем в счет погашения долга отошел в казну. Часть дворца графа И.Г. Чернышева даже сдавалась в аренду разного рода предпринимателям. Здесь открыли магазины по продаже картин, табака, сигар и даже знаменитых немецких колбас.

На рубеже XVIII и XIX столетий в связи с бурными событиями во Франции значительно увеличилось количество французских эмигрантов в Петербурге. Среди убежденных роялистов, эмигрировавших в столицу России из революционной Франции, оказался тогда и принц Ж.Л. Конде. По распоряжению вступившего на престол императора Павла I, французский принц на некоторое время поселился на набережной реки Мойки, во дворце графа И.Г. Чернышева. Тогда графский дворец даже украсили лилией – эмблемой Бурбонов – королевской династии Франции с 1589 г. Принцу Конде, по повелению Павла I, вручили 20 тысяч рублей, а на главном фасаде дворца графа Чернышева укрепили доску с надписью на французском языке: «Отель Конде».

9 мая 1823 г. именным указом российского императора Александра I в Санкт-Петербурге утверждается «Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров»: «Дабы дать военное образование молодым людям для получения офицерского звания в гвардейской пехоте». Некоторое время новое военное учебное заведение размещалось в казармах лейб-гвардии Измайловского полка, а 10 августа 1825 г. по Высочайшему указу ему передали участок и бывший дворец графа И.Г. Чернышева на Мойке у Синего моста, в котором в течение двух лет выполняли подготовительные перестроечные работы как внутри, так и снаружи дворцового здания.

Весь комплект проектных документов по приспособлению дворца графа И.Г. Чернышева на Мойке к структуре и задачам Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Военное министерство поручило подготовить своему ведомственному зодчему Александру Егоровичу Штауберту. Кстати заметим, что большинство российских архитекторов предпочитало творить под патронажем тех или иных вельмож, поскольку государственная служба являлась для них надежным гарантом постоянной и хорошо оплачиваемой работой, предоставляла интересные проектные заказы и давала иные немалые преимущества в карьерном росте. Зодчий Д. Кваренги значился по Придворному ведомству, А.Г. Захаров – по Морскому ведомству, В.П. Стасов – по Полицейскому ведомству, и целый ряд других российских архитекторов с полным правом считались ведомственными чиновниками.

В учебном досье выпускника Петербургской академии художеств 1801 г., академический совет внес последнюю запись: «...ученика 5-го возраста Александра Штауберта по желанию его для определения в службу Его Императорского Величества, во 2-й Шляхетский кадетский корпус... выпустить». Молодой архитектор преподавал в названном военном учебном заведении и одновременно работал практическим архитектором при строительстве Горного кадетского корпуса, Военно-сиротского дома, занимался перестройкой военных казарменных зданий, постройкой военных госпиталей и других подведомственных Военному министерству объектов.

Перестраивая дворец графа И.Г. Чернышева, архитектор А.Е. Штауберт практически полностью изменил внутреннюю планировку здания, предусмотрел помещения для учебы и проживания будущих гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, манеж для их строевой подготовки и верховой езды. Для нужд Школы Штауберт предусмотрел отдельный офицерский корпус на Вознесенском проспекте с манежем, конюшнями и складскими сооружениями. На все перестроечные работы графского дворца, завершившиеся в 1829 г., Военное министерство выделило 200 тысяч рублей.

В процессе переделки здания его надстроили третьим дополнительным этажом, а на аттике главного корпуса Школы подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров гвардии установили декоративные фигуры, поддерживающие Государственный российский герб. Зодчий предусмотрел строительство более упрощенных лестничных пролетов вместо широких дворцовых мраморных лестниц.

В комплекс новых сооружений Школы входил главный корпус с пристроенными к нему двумя небольшими симметричными каменными флигелями, от которых отходил высокий кирпичный забор, ограждавший обширный двор учебного заведения.

Главные ворота военного плаца выходили на Синий мост. Налево от ворот располагались помещения для прислуги и школьная гауптвахта.

В правом флигеле размещалась учебная канцелярия. Крыльцо и лестница в нем вели в служебные помещения начальника школы, в роту подпрапорщиков и в госпиталь.

Против главных ворот располагался парадный подъезд учебного заведения со швейцарской и главной лестницей, украшенной касками, кирасами и карабинами. Со швейцарской соседствовал огромных размеров учебный зал для строевых занятий и экзерциций. Одна из дверей учебного зала выходила в сад.

Во втором этаже главного корпуса школы находились учебные классы, конференц-зал и помещение столовой. Здесь же располагался эскадрон юнкеров гвардейской кавалерии, занимавший три комнаты.

Половину третьего (верхнего) этажа главного корпуса, обращенную во двор, занимала госпитальная служба. Другая же половина верхнего этажа закреплялась за ротой гвардейских подпрапорщиков. Учебный строевой плац был обустроен в центре сада, а за ним располагались конюшни, конный учебный манеж и общий двор, выходивший на Вознесенский проспект, неподалеку от ведомственного дома, в коем жили дежурные офицеры и преподаватели Школы.

В новом учебном заведении обучались 120 гвардейских подпрапорщиков и 108 кавалерийских юнкеров из разных гвардейских полков. Внутренним распорядком Школы учащимся дозволялось ношение форменного мундира своего гвардейского подразделения.

Первым командиром Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров был назначен генерал-майор К.А. Шлиппенбах, старый вояка, суровый и требовательный, а порой весьма грубый и даже свирепый. По воспоминаниям поручика И.В. Анненкова, выпускника Школы 1831 г., «генерал Шлиппенбах являлся врагом всякой науки, но имел особое пристрастие к военной муштре». По его приказу, в Школе ввели обязательный полный курс обучения классической военной верховой езде для «пеших» подпрапорщиков.

Набор в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров проходил из кандидатов, выдержавших вступительные конкурсные экзамены. По воспоминаниям того же поручика И.В. Анненкова, опубликованным в журнале «Наша старина»: «Приемный экзамен в Школу проходил так. Несколько поступающих распределялись среди экзаменаторов по разным предметам. В углах конференц-зала были поставлены столы и классные доски. Таким образом, каждый экзаменовался отдельно, и учитель, проэкзаменовав его, подходил к большому столу, который стоял посредине конференц-зала, и заявлял инспектору классов, сколько каждый экзаменуемый заслуживает баллов».

В гвардейской Школе обучался М.Ю. Лермонтов, поступавший в это военное учебное заведение 10 ноября 1832 г. юнкером лейб-гвардии Гусарского полка. Одновременно с Михаилом

Юрьевичем в Школу тогда зачислили и юнкера Кавалергардского полка – будущего знаменитого российского генерал-фельдмаршала и героя Кавказской войны Александра Ивановича Барятинского.

Учебной программой Школы, кроме освоения военных дисциплин, для юнкеров предусматривалось изучение целого ряда общеобразовательных предметов: литературы, русской словесности, судопроизводства, истории, математики, французского языка, географии – предметов, позволяющих юнкерам выходить из стен этого учебного заведения разносторонне образованными офицерами, не только обладавшими широким военным кругозором, но и образованными, эрудированными людьми. Некоторым юнкерам, и Лермонтову в том числе, порой надоедали многочисленные маршировки, парады и иные возможные ограничения свободы, связанные с военной дисциплиной и обязательной программой воинских дисциплин. Для кавалерийских юнкеров к этому прибавлялись часы изнурительной работы в конном манеже и на кавалерийских учениях. В шутовском стихотворении юнкера Лермонтова «Юнкерская молитва» будущий гусарский корнет писал:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.

«Алехой» юнкера тогда звали командира кавалерийского эскадрона, непосредственного начальника в обучении верховой езде и кавалерийской подготовке будущих лихих гусар кавалергардов, улан, конногвардейцев, кирасир и драгун Алексея Степановича Стунеева. Имея большой профессиональный военный опыт, требовательный, а порой и грубоватый офицер обучал командованию кавалерийским подразделением будущих офицеров конной гвардии, объясняя своим воспитанникам, как использовать «все надлежащие в разных ситуациях интонации в голосе при отдаче той или иной команды».

Для Лермонтова стало откровением, когда он узнал, что этот грубоватый и требовательный офицер является страстным любителем серьезной классической музыки и поклонником русских композиторов. Бывая на домашних музыкальных вечерах у своего командира кавалерийского эскадрона А.С. Стунеева, Лермонтов встречал там знаменитых русских ком-

позиторов, в том числе М.И. Глинку, вскоре женившегося на свояченице Алексея Степановича.

Через два года обучения М.Ю. Лермонтова Высочайшим указом «провели по экзамену» из юнкеров в корнеты знаменитого лейб-гвардии Гусарского полка.

В 1839 г. это учебное заведение перевели во вновь отстроенное здание на Ново-Петергофском проспекте дом № 54 (ныне – Лермонтовский пр.), вблизи Обводного канала.

На освобожденном от военной школы участке император Николай I решил построить дворец для своей любимой дочери – великой княжны Марии Николаевны, или, как ее обычно чаще называли в кругу семейства, Мери. Место для возведения дворцового комплекса предложил Николаю Павловичу его придворный архитектор и любимец Андрей Иванович Штакеншнейдер – один из талантливых зодчих, работавших во второй трети XIX столетия. Он принадлежал к числу зодчих, воспитанных в духе строгого классицизма, но позднее работал с заказчиками, требовавшими от него постройки зданий, отвечавших совершенно иным модным эстетическим критериям.

Михаил Юрьевич Лермонтов

Андрей Иванович Штакеншнейдер

Выпускник Академии художеств 1820 г. Андрей Иванович вначале работал «рисувальщиком при архитекторе О. Монферране, в Комиссии о построении Исаакиевского кафедрального собора». Его первая самостоятельная строительная работа относится к перестройке «в готическом вкусе» старинного дворянского замка Фалль в эстляндском имении графа А.Х. Бенкендорфа. В своих творческих проектах зданий тридцатых годов XIX столетия Штакеншнейдер часто соединял традиции классицизма с более поздними архитектурными стилями. Его первой крупной постройкой в Петербурге стала резиденция для дочери Николая I – Марии Николаевны, созданная накануне ее свадьбы с герцогом Лейхтенбергским. Зодчий убедил императора Николая Павловича в преимуществе выбранного им места для возведения дворца перед другими возможными вариантами городских строительных площадок. Весомым доводом зодчего в неоднократных беседах с царем была возможность прекрасного обзора всего пространства Исаакиевской площади из окон будущего дворца его любимой дочери.

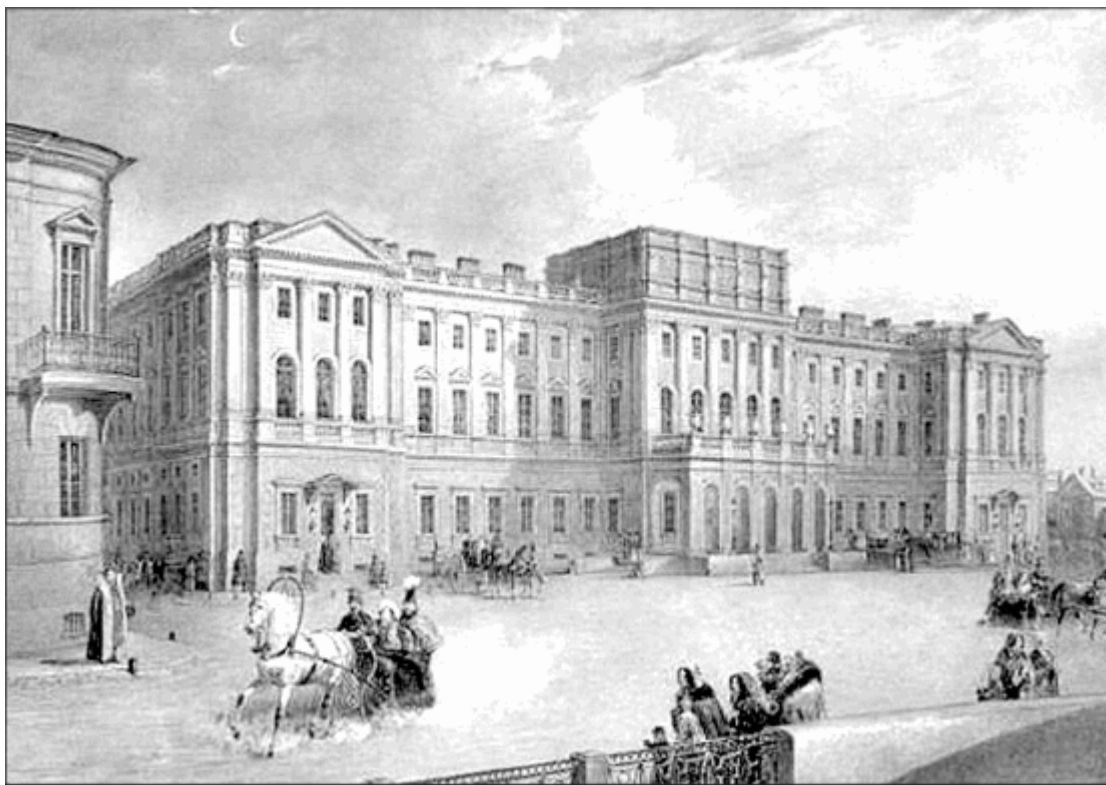
Николай I остался доволен проектом дворцового комплекса, разработанного его любимцем со всей тщательностью и подробностями.

Фасад дворца А.И. Штакеншнейдер скомпоновал в строгом соответствии с принципами классицизма, выделив центр и края ризалитами, обработав первый этаж здания рустом. Второй и третий этажи автор проекта объединил колоннами и пилястрами коринфского ордера. Заметим, что в прорисовке целого ряда деталей явно ощущается отход зодчего от классического стиля. В частности, это явно проявляется в мелкой «бриллиантовой» рустовке стен первого этажа здания. В обработке поверхностей колонн и пилястр Андрей Иванович использовал оригинальный прием: помимо углубленных желобковых каннелюр, они получили в нижней трети дополнительные «багетные» вставки в виде вертикальных валиков, заполняющих каннелюры. По мнению историка архитектуры А.Л. Пунина, «это был едва ли не первый в архитектуре петербургских фасадов пример такого нового усложненного каннелирования ордерных элементов: они приобрели некоторую дробность и усложненность, что отвечало общей эволюции художественных вкусов в те годы».

Если фасад Мариинского дворца выдержан в приемах классицизма, то к разработке его интерьеров архитектор подошел с иных позиций, явно подсказанных ему опытом восстановления Зимнего дворца.

Строительство Мариинского дворца началось в 1839 г. Боковые части старого графского дворца на набережной Мойки снесли и принципиальным образом изменили планировку оставленной части здания. Фасад сохраняемого графского строения, выходящего на Исаакиевскую площадь, удлинили, а часть реки Мойки, протекавшей перед графским дворцом, упрятали под широким измененным настилом Синего моста, после чего его поверхность расширилась до 99,95 м и слилась с широкой и просторной площадью. Синий мост в пределах огромной Исаакиевской площади стал теперь визуально незаметен. Таким образом, одновременно со строительством Мариинского дворца зодчему Штакеншнейдеру в 1842 г. удалось значительно расширить чугунный Синий мост через реку Мойку, построенный в 1818 г. инженером-мостостроителем В.И. Гесте. Теперь его ширина не только достигла почти рекордной 100-метровой ширины, но сделала это сооружение частью площади, пространственная композиция которой получила новую художественную ценность и глубину.

При возведении дворцового комплекса Штакеншнейдеру пришлось сломать не только флигели дворца графа Чернышева, но и три дома, расположенных на соседних участках. Мариинский дворец занял всю ширину квартала по бывшей Мариинской площади, от Вознесенского проспекта до Нового переулкa. Его левое крыло возвели заново, в правом же крыле использовали надежные фундаменты и стены дворца графа Чернышева. Строительные работы продолжались с 1839 по 1844 г. При его возведении А.И. Штакеншнейдер применил целый ряд оригинальных технических новшеств, способствующих его прочности, долговечности и пожароустойчивости: несгораемые перекрытия по металлическим балкам, металлические стропила, горшечные своды и целый ряд иных строительных новинок и изобретений автора проекта.

Мариинский дворец. 1847 г.

Карниз здания, столбы подъезда к нему, наличники и сандрики окон, базы колонн и пилястр изготовлены из песчаника, а его стены оштукатурены и окрашены.

Центральная часть главного фасада дворца украшена трехчетвертными колоннами, несущими антаблемент и высокий аттик. В средней нише главного фасада был укреплен медный Государственный российский герб.

Парадный вход и подъезд во дворец решен в виде открытой аркады, поддерживающей балкон с шестью декоративными вазами. К парадному входу подводят ступени лестницы и боковые пандусы.

В проектировании и строительстве Мариинского дворца, кроме главного автора его проекта, участвовали зодчие П. Риглер, А. Адамани и выпускники Академии художеств: молодые архитекторы П. Кармин, И. Козлянинов, В. Шрейбер, художники Ф. Ланге, Ф. Томсон. Отделочные работы дворцовых интерьеров выполнили опытные мастера-лепщики Т. Дылев, И. Яишников, И. Косолапов и другие. Любопытно, что все они, в соответствии с императорским указом, зачислялись на государственную службу и давали официальную расписку оригинальной формы: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри Империи, ни вне ее не принадлежу и обязуюсь впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь».

Интерьеры Мариинского дворца представляли большую художественную ценность. Анфиладу парадных залов автор проекта расположил перпендикулярно главному фасаду. По второму этажу от балкона с шестью вазами на столбах последовательно идут в глубь здания Приемный зал, Ротонда, Темный (квадратный) зал и Большой зал, обустроенный в 1907 г. на месте первоначального дворцового Зимнего сада.

Зодчий полностью выполнил требование заказчика – императора Николая I: «Создать внутри дворца условия комфортного проживания в нем».

Все нежилые и служебные помещения ориентировались на проезжую часть, а жилые покои зодчий разместил во внутренней части дворца, удаленной от источников городского шума и пыли. Напротив южного фасада здания разбили обширный сад, а в правом крыле здания соорудили пандус, расположенный в отдалении от парадных залов. По нему на колясках или «пешком без одышки» по эллиптическому пологому подъему из вестибюля можно было подняться на любой этаж. Обустройство пандуса предписал Николай I для «незатруднительного» передвижения по дворцу Марии Николаевны, страдавшей заболеванием суставов ног. Второй аналогичный пандус, завершившийся на уровне второго этажа, оборудовали на стороне садового фасада здания.

Мариинский дворец. Ротонда

Созданная Штакеншнейдером первая в истории отечественного зодчества XIX столетия анфилада залов располагалась не параллельно главному фасаду дворца, а развивалась в глубину, по центральной оси здания. Дворцовая анфилада открывалась Приемным залом, расположенным над вестибюлем и предшествующим самому эффективному из всех дворцовых помещений – двухъярусной Ротонде – центру композиции всего Мариинского дворца. В отделке стен Приемного зала использовался искусственный мрамор самых разных цветов и оттенков. Во фризе размещены барельефы с сюжетами периода Троянской войны. Пол этого зала украшал изумительной красоты наборный паркет из пород ценного дерева, сложного рисунка. Особый интерес представляют палисандровые двери Приемного зала, инкрустированные изящными бронзовыми декоративными вставками, перламутром и слоновой костью. Их специально для Мариинского дворца изготовили в 1842 г. знаменитые мастера из Мюнхена.

Двухъярусная Ротонда, украшенная тридцатью двумя каннелированными колоннами из белого искусственного мрамора, эффективно обрамляющими ее интерьер, перекрыта куполом и освещена верхним светом, проникающим в помещение через проем в куполе.

Позолоченная лепка, паркет с наборным фризом и центральной розеткой, бронзовые люстры между колоннами дополняют и усиливают роскошную отделку главного зала дворца.

К Ротонде примыкал Темный, или Квадратный, зал с изящной росписью в помпейском стиле. Его стены и перекрытия украшали многочисленные художественные вставки сюжетного и орнаментального характера, яркие по цвету и разнообразные по своему содержанию.

По открытому проходу из Темного зала можно было проследовать в Зимний сад дворца, где находились многочисленные экзотические растения. В начале XX столетия, во время перестройки Мариинского дворца и размещения в его помещениях Государственного совета, этот замечательный сад пришлось ликвидировать, чтобы на его месте оборудовать зал заседаний Государственного совета (1906–1907 гг.). Перестроечными работами в Мариинском дворце в тот период руководил архитектор Л.Н. Бенуа.

Историк архитектуры А.Л. Пунин полагал, что «в ином ключе решены Штакеншнейдером интерьеры личных апартаментов дочери Николая I Марии Николаевны. Используя разные стилевые прототипы, зодчий создал гамму разнообразных художественных образов. Изысканна, но сравнительно сдержанна, отделка кабинета, декорированного в стиле „флорентийского ренессанса“. Совсем иной эмоциональный оттенок приобрело оформление спальни: альков расписан в темных, сумеречных тонах, с изображением засыпающих нимф. Помпейский стиль ванной комнаты вызывал ассоциации с купальнями римских патрицианок: функцию помещения подчеркивал и белый цвет, преобладавший в его отделке, и кариатиды, изображавшие античных служанок. Изящный будуар, оформленный в стиле „Людовика XV“, так в те времена называли стиль рококо, господствовавший в интерьерах дворянских особняков 1720–1740 гг., напоминая о „золотом веке“ дворянства своими небольшими камерными размерами и прихотливой рокайльной орнаментацией, настраивал на беспечную, легкую беседу в интимном кругу».

Мариинский дворец. Синяя гостиная

Писатель Нестор Кукольник отмечал: «В этом будуаре а la Pompadour не хочется заводить спора: тут так хорошо, так весело, так роскошно. Что тут составляет главное, решить трудно; кругом и сверху – зеркала; но там же все блистает своей шелковистою роскошью, там же разбросаны картины в роде Ватто. Это ослепительная смесь изящной мелочи, которая сама себя умножает до бесконечности».

Слева от Ротонды по проекту Штакеншнейдера предусматривался Танцевальный зал с двумя рядами окон, ориентированный во внутренний двор. Фриз его стены украшали античные сюжеты А. Виги.

К центральной парадной анфиладе примыкал библиотечный зал с его 50 000 собранием редчайших книг. Над книжными шкафами размещались в золоченых рамах портреты знаменитых писателей, поэтов и ученых мира.

В число личных покоев великой княжны входил также и Овальный (Угловой) кабинет с балконом в сторону сада, к которому примыкал наружный пандус. Согласно проекту А.И. Штакеншнейдера, его оформили в стиле Ренессанса. Стены кабинета украшали полотна знаменитых российских художников в дорогих массивных золоченых рамах. Гостиная Марии Николаевны являлась одним из самых роскошных по своей отделке помещений Мариинского дворца. В Гостиной были два замечательных камина. Один из них украшали резные мозаичные изображения животных и античные маски. Второй камин, облицованный белым полированным мрамором, украшал изящный резной фриз на тему «Кузница Вулкана». Супруг Марии Николаевны, герцог Максимилиан, располагался в покоях, окна которых выходили на Исаакиевскую площадь. В число апартаментов герцога входили Парадный зал, Приемная, Бильярдная, Гостиная, кабинет с богатой коллекцией старинного оружия и минералов и Турецкий кабинет, оформленный в восточном стиле.

Специально для герцога на первом этаже дворца обустроили домашнюю капеллу с витражом, доставленным из Мюнхена – родины Максимилиана.

Православная домашняя церковь Мариинского дворца, возведенная в византийском стиле во имя Св. Николая Чудотворца, размещалась на аттиковом этаже здания. Храм был по своим размерам небольшим, но довольно уютным и постоянно восхищал гостей своим изяществом и великолепием. Его стены и перекрытия расписывал талантливый художник, князь Г.Г. Гагарин. Академик Академии художеств Козрое Дузи подготовил образа для царских врат. Мария Николаевна приготовила для священника и дьякона праздничные одежды, а ризницу украсила голубым с серебряной нитью бархатом. Неподалеку от домашней церкви находилась отдельная молельня с образами в стиле древнерусской иконописи.

В планировке и отделке Мариинского дворца А.И. Штакеншнейдер прекрасно справился с решением многих сложных задач, предъявленных ему со стороны главного заказчика – Николая I, и с требованиями архитектуры, находящимися на грани смены художественных вкусов и стилей. Талантливому архитектору удалось создать в интерьерах дворца соответствующий «эмоциональный климат» и надлежащую художественную среду, отвечающую их назначению.

По искренним заявлениям восхищенных очевидцев тех далеких лет и по словам писателя Н.В. Кукольника: «Новый дворец удивляет утонченностью и благородством вкуса в украшениях, богатым разнообразием в подробностях». А.Л. Пунин, заключая свои исследования о дворце, авторитетно отмечал: «В 1839-1844-х годах архитектор А.И. Штакеншнейдер построил монументальный Мариинский дворец, замкнувший с юга пространство Исаакиевской площади. Составлявшие этот квартал особняки XVIII века были откуплены в казну и снесены, но стены одного из них – особняка графа И.Г. Чернышева, стоявшего в глубине участка на набережной реки Мойки, Штакеншнейдер включил в состав западной половины своей постройки. Таким образом, Мариинский дворец оказался отодвинутым вглубь от старой линии застройки, и перед ним образовалось дополнительное открытое пространство. При этом сам дворец стал выглядеть более импозантно и улучшился обзор Исаакиевского собора, а увеличенные размеры Исаакиевской площади стали лучше соотноситься с масштабом этого грандиозного исторического здания. Так бывший ученик и сотрудник Огюста Монферрана выступил его соавтором в создании нового городского ансамбля».

Добавлю, что ансамбль Исаакиевской площади приобрел окончательную композиционную завершенность и необыкновенную представительность после возведения на ней во второй половине 1840 – начале 1850-х гг. монументального здания Министерства государственных имуществ по проекту архитектора Н.Е. Ефимова.

В начале 1845 г. Андрей Иванович Штакеншнейдер уведомил главного заказчика и членов его семьи о завершении строительства дворцового комплекса. 25 января того же года в его стенах в присутствии императора и членов дома Романовых, представителей высшей

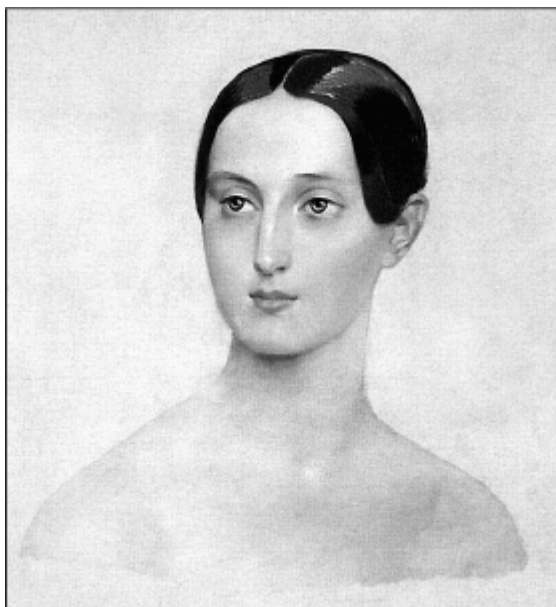
столичной знати прошел торжественный обряд освящения нового дворца, названного тогда Мариинским. В течение всего дня 26 января Мариинский дворец был открыт для посещения всех желающих, «дабы подданные Николая I могли видеть щедрость своего государя».

Труд архитектора А.И. Штакеншнейдера высоко оценил ученый совет его альма-матер: Петербургская Академия художеств, присвоила ему звание профессора.

Молодожены Мария и Максимилиан с благодарностью приняли великолепный свадебный подарок, переехав из Зимнего дворца в роскошные апартаменты Мариинского палаццо.

Великая княжна Мария Николаевна родилась 6 (18) августа 1819 года в Павловске. Она была старшей дочерью и вторым ребенком в семье великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны (урожд. принцесса Шарлотта Прусская). Рождение девочки не стало радостным событием для отца. Александра Федоровна писала: «Действительно, я легла и немного задремала; но вскоре наступили серьезные боли. Императрица, предупрежденная об этом, явилась чрезвычайно скоро и 6 августа 1819 года, в третьем часу ночи, я родила благополучно дочь. Рождение маленькой Марии было встречено ее отцом не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это и, конечно, горячо полюбил дочь».

Современники отмечали сходство великой княжны с отцом как внешностью, так и характером. Полковник Ф. Гагерн, сопровождавший нидерландского принца Александра в Россию, отзывался о ней в своем дневнике: «Старшая, великая княгиня Мария Николаевна, супруга герцога Лейхтенбергского, мала ростом, но чертами и характером – вылитый отец. Профиль ее имеет большое сходство с профилем императрицы Екатерины в годы ее юности. Великая княгиня Мария – любимица отца, и полагают, что в случае кончины императрицы она приобрела бы большое влияние. Вообще, кто может предвидеть будущее в этой стране? Великая княгиня Мария Николаевна обладает, конечно же, многими дарованиями, равно как и желанием повелевать; уже в первые дни замужества она приняла в свои руки бразды правления».

Великая княгиня Мария Николаевна

И действительно, принцесса являлась женщиной незаурядной, одаренной, воспитанной под патронажем своего батюшки – императора Николая Павловича в строгости и послушании. Николай I лично определил для своей любимицы прекрасных педагогов, с помощью которых Мери, как ее обычно звали родители и близкие, получила великолепное домашнее

образование. Она свободно владела тремя иностранными языками: английским, французским и немецким. За ее прилежанием и успехами в изучении многопрофильной учебной программы регулярно следил сам император Николай Павлович. И все же, как бы то ни было, но его любимица Мери истории, географии, математике и иным предметам предпочитала уроки танцев, рисования и русской словесности. Азам живописи ее обучал художник-баталист Н.А. Зауервейд, а позже дополнительные уроки давал знаменитый художник-гравер Андрей Григорьевич Ухтомский, прославившийся своими замечательными гравюрами на меди. Русскую словесность великой княжне преподавал мэтр отечественной литературы Василий Андреевич Жуковский.

Известная хозяйка петербургского литературного салона – фрейлина двора Александра Осиповна Смирнова-Россет – оставила не только интересные воспоминания о жизни русского общества первой половины XIX в., но и мемуары о членах семьи императора Николая I и о придворной жизни того далекого времени.

По окончании Екатерининского института она становится фрейлиной вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а после ее смерти в 1828 г. – императрицы Александры Федоровны. Привлекательная, остроумная, одна из любимых фрейлин императрицы, Александра Осиповна «на короткой ноге» с Николаем Павловичем и его братом, великим князем Михаилом. Николай Павлович уважал ее и даже беседовал с ней о новинках отечественной литературы и русских писателях.

«Я ему напомнила о Гоголе, – писала А.О. Россет, – он был к нему благосклонен.

– Читали ли вы „Мертвые души“? – спросила я.

– Да разве они его? Я думал, что это Сологуба.

Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма. Император обещал это сделать и в конце беседы заметил: „У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком низкие и грубые“».

В своих мемуарах придворная фрейлина Россет довольно смело и весьма откровенно повествует о деталях частной жизни императора Николая I и его семейства. Императору нравились порядок и дисциплина не только в армии, в государстве, культуре, но и в собственной семье. Он постоянно регулировал поведение и дисциплину своих детей и их воспитателей. Ему всегда хотелось выглядеть примерным семьянином. В семействе Николая Павловича всегда сохранялось видимое благообразие и благополучие царского домашнего уклада, что, между прочим, по воспоминаниям Александры Осиповны Россет, не мешало государю искать периодически любовные связи на стороне.

Император жил по строгому распорядку, пункты которого им безукоризненно исполнялись. Подобного ритма жизни Николай Павлович неукоснительно требовал и от своих домочадцев, а особенно – от детей.

В записных книжках Россет сохранилось расписание ежедневных «деяний» российского императора Николая I: «В девятом часу после гулянья он пьет кофе, потом в десятом часу сходит к императрице, там занимается, в час или в час с половиной опять навещает ее, всех детей – больших и малых, и гуляет. В семь пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половине сходит в собрание, ужинает, гуляет в одиннадцать, около двенадцати ложиться почивать. Почивает с императрицей в одной кровати».

Каждый день детей императора всегда начинался в семь часов утра. В восемь часов великая княжна Мария Николаевна и ее сестры приступали к учебным занятиям, соблюдая отцовские требования о безукоризненной дисциплине и полном послушании.

Учебные занятия продолжались до обеда. На питание трех сестер выделялись 25 рублей ассигнациями в день. Режим питания и его меню формировались и контролировались дворцовыми докторами. По одобренному царем распорядку утром на завтрак подавалось

одно блюдо. В обед (в три часа дня) – четыре блюда, а на ужин, в восемь часов вечера, – два. В программу каждого дня обязательно включались прогулки на свежем воздухе, сочетающиеся у детей с разнообразными спортивными играми и физическими упражнениями. По распоряжению Николая Павловича, прогулки регулярно проходили в любое время и даже в любую погоду.

Великая княжна Мария Николаевна была небольшого роста, но это совершенно не мешало ей выглядеть весьма грациозной и привлекательной. Ко всему этому княжна была умна, изящна и красива.

Во время своего путешествия в Англию Николай Павлович в 1816 г. произвел впечатление на жителей Великобритании, и особенно на женщин туманного Альбиона. Англичанки так вспоминали о русском императоре: «Его манера держать себя полна оживления, без натянутости, без смущения и тем не менее очень прилична. Он много и прекрасно говорит по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Все было не лишено приятности, по-видимому, он обладает решительным талантом ухаживать». А одна англичанка писала о нем: «Он дьявольски красив! Это самый красивый мужчина в Европе».

Позднее, в 1826 г., русский современник так описал его наружность: «Император Николай Павлович был тогда 32-х лет. Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный, взгляд быстрый. Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но видна была какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и все в нем высказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью».

Великая княгиня Мария Николаевна действительно унаследовала от своего венценосного родителя не только фамильное сходство с ним, но и многие черты его характера. Так же, как Николай I, Мария Николаевна была весьма упряма, временами настойчива и вспыльчива до крайности, но, в отличие от отца, никогда не относилась к числу капризных и мстительных особ. К своему 18-летию Мария Николаевна, по мнению фрейлины Россет, была хороша собой. Черты великой княжны были строго классическими, а глаза излучали некую магическую силу и волю.

В книге «Былое и думы» Александр Иванович Герцен приводит поразивший его случай «дуэли» взглядов между Николаем I и его дочерью Марией. Многие знали или даже на себе испытали страшный взгляд Николая Павловича, никто не выдерживал его и сразу же отводил свои глаза от императора. И вот однажды отец решил испытать силу своего испепеляющего взгляда на своей любимице. Герцен писал: «Николай I попробовал свой взгляд на Марье Николаевне. Она похожа на отца, и взгляд ее действительно напоминает его страшный взгляд. Дочь смело вынесла отцовский взор. Он побледнел, щеки задрожали у него, а глаза сделались еще свирепее, тем же взглядом ответила ему дочь. Все побледнело и задрожало вокруг, лейб-фрейлины и лейб-генералы не смели дохнуть от этого каннибальского поединка глазами, вроде описанного Байроном в „Дон Жуане“. Николай встал, он почувствовал, что нашла коса на камень».

Являясь натурой разносторонней и талантливой, великая княжна Мария Николаевна проявила недюжинные способности в освоении танцевального искусства. Теперь восемнадцатилетняя принцесса восхищала всех на великосветских столичных балах выполнением сложнейших танцевальных па балльных танцев. Ее тогда заслуженно нарекли «жемчужиной котильона». Великая княжна привлекала внимание многих высокопоставленных поклонников, среди которых оказался и выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров – князь Александр Иванович Барятинский, прославившийся в этом учебном заведении не своими успехами в овладении военными дисциплинами, а невиданными в столице кутежами и многочисленными романами с представительницами высшего обще-

ства. Князь Александр вел бурную жизнь, присущую гвардейской молодежи. Петербургский высший свет полнился необычными слухами о любовных похождениях молодого корнета Барятинского. В салонных разговорах о скандальных романах бравого офицера стали упоминать и имя старшей дочери российского императора Николая Павловича великой княжны Марии Николаевны. Князь Александр Барятинский был видным и статным голубоглазым красавцем с вьющимися белокурыми кудрями, по которому вздыхали невесты петербургского бомонда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.